

Анти-Толстой.

Г. фонъ Самсона-Гиммельсьерна.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Юрьевъ, Лифл. губ. 1905.

Издание И. Андерсона.

Дозволено Цензурою — Юрьевъ, 9 юля 1905 года

Содержаніе.

	Стр.
I. Вступленіе	5
II. Личность Толстого	10
III. Толстой какъ художникъ и писатель	15
IV. Толстой какъ педагогъ	22
V. Толстой какъ теозофъ	37
VI. Толстой какъ богословъ	55
VII. Толстой какъ философъ нравственности	66
VIII. Толстой какъ политикъ	91
IX. Толстой какъ пророкъ	116
X. Заключеніе	135

I. Вступленіе.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ, западная Европа ознакомилась съ графомъ Львымъ Николаевичемъ Толстымъ, и сочиненія его вскорѣ начали пользоваться постоянно усиливающимся всеобщимъ вниманіемъ. Въ настоящее время эти сочиненія стали уже международнымъ достояніемъ, а графъ Толстой обще-признанной величиной: всѣ европейскія націи имѣютъ его сочиненія въ многочисленныхъ переводахъ; всякое новое изреченіе мудреца „Ясной Поляны“ распространенное, несмотря на многія препятствія, въ Москвѣ, почти одновременно издается во всѣхъ столицахъ Европы и вездѣ считается событіемъ; сочиненія о Толстомъ составили уже значительную литературу; имя Толстого во всѣхъ слояхъ западнаго общества служитъ предметомъ живыхъ, даже возбужденныхъ споровъ, — но понимается совершенно различно.

Въ глазахъ однихъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой проповѣдникъ и начинатель прекраснаго будущаго человѣчества, будущаго въ смыслѣ золотого вѣка, вѣчнаго царства мира, любви и свободы; другіе считаютъ графа Толстого смутнымъ, болѣзненнымъ явленіемъ нашего декадентскаго времени; третьи опять-таки видятъ въ немъ дерзкаго соблазнителя, посланника злого духа, антихриста. Не рѣшающіеся открыто высказаться за или противъ ученія Толстого, большею частію

все-таки не могут не признать его могущимъ, необычайнымъ писателемъ, или глубокимъ мыслителемъ и труженикомъ на поприщѣ правды или, по крайней мѣрѣ, необычайнымъ, эксцентричнымъ чудакомъ.

Въ одномъ однако всѣ согласны, что въ исторіи человѣчества графъ Левъ Николаевичъ Толстой не находитъ себѣ примѣра, что еще никогда ни одно частное лицо въ теченіе немногихъ лѣтъ не достигало такой всеобщей извѣстности среди сотенъ милліоновъ людей. — Говорятъ, что вліяніе Толстого можно-бы сравнить съ умственнымъ вліяніемъ Руссо и Вольтера; но вліяніе этихъ послѣднихъ распространялось далеко не столь быстро и не такъ широко, какъ это суждено ученію Толстого. Особенно высоко цѣнится, — что Толстой въ противоположность Вольтеру и Руссо, распространившимъ свою дѣятельность и свое вліяніе исключительно на высшие и самые образованные слои общества, приобрѣлъ значеніе непосредственно въ широкихъ слояхъ народа.

Толстой — личность, въ самомъ дѣлѣ совершенно необыкновенная, своеобразная, даже ставящая въ тупикъ; а по этому не слѣдуетъ удивляться, если попытки доискаться истинной причины настоящаго значенія Толстого, производятся въ очень различныхъ направленіяхъ, и что такъ трудно дать себѣ надлежащій отчетъ о дѣйствительномъ значеніи этого человѣка.

Ни одно изъ качествъ Толстого само по себѣ, не могло доставить ему такъ скоро и въ такой мѣрѣ столь выдающееся, и по видимому, еще не бывалое значеніе. Ниже мы остановимся на этомъ болѣе подробно, пока ограничимся нѣкоторыми предварительными замѣчаніями.

Какъ бы ни высоко ставилось поэтическое дарованіе Толстого, однако лишь предубѣжденный энтузіазмъ былъ въ состояніи приравнять сочиненія Толстого къ произведеніямъ безсмертныхъ пѣвцовъ міра. Такъ на примѣръ было явнымъ

преувеличеніемъ называть растянутый его романъ „Война и миръ“ русской иліадой.

Восторженные приверженцы Толстого ошибаются видя въ его выходкахъ противъ утвердившейся обычной формы христіанства неслыханную смѣлость реформатора, самобытно и самостоятельно открывающаго направленія. Въ томъ-же духѣ дѣйствовали нѣкогда тщетно смѣлые и готовые на всѣ жертвы, но истребленные огнемъ и мечемъ древніе гностики и манихеи, а равно и преемники ихъ катары, вальденцы и альбигенцы, также стертые съ лица земли, и подобно имъ подавленные гезихасты Аѳонской горы и мистики Испаніи, Франціи и Германіи XVIII вѣка.

Преувеличены также и ожиданія приверженцевъ Толстого, что ему, какъ философу, удастся содѣйствовать рѣшительной побѣдѣ древней мудрости и что ему суждено будетъ дать на всегда мышленію людей благотворное направленіе, открывая человѣчеству новое, счастливое міросозерцаніе. Мистика Толстого, напротивъ никакъ не избегнетъ судьбы, которой подверглись неясныя мечты уважаемыхъ имъ образцовъ: неясная мудрость Пифагора, слѣды которой скоро исчезли и глубоко-мысленное ученіе быть можетъ еще болѣе, непонятнаго китайскаго мудреца Лаотце, „Пророка среди язычниковъ“, приверженцы котораго уже издавна осмѣиваются съ народной сцены какъ обманщики или глупцы.

Но сильнѣе всѣхъ ошибаются фанатики послѣдователи Толстого, которые ожидаютъ, что всякое властолюбіе и всякій эгоизмъ исчезнутъ, что ни зойдетъ невыразимое счастье на человѣчество и возстановится вѣчное царствіе Божіе на землѣ, лишь только сбудутся политическія грезы великаго проповѣдника, лишь только будутъ устранены всѣ законы и всѣ правительства, и будетъ дана дорога лишь свободной любви къ ближнему. Такой набожный анархизмъ проповѣдывался уже раньше, но всякій разъ, какъ извѣстно, превращалъ людей въ

беззащитныхъ рабовъ ихъ покорителей и помогаль развитію тираніи и деспотизма. Гдѣ-же слѣдуетъ искать причину того, что Толстой такъ скоро сталъ всеобщою знаменитостью? Вѣдь ни одно изъ произведеній его не достаточно оригинально, ни одно не можетъ, само по себѣ, объяснить причину его всеобщей извѣстности. И это уже потому, что даже самые ревностные его послѣдователи признають делитантизмъ его творчества. Можетъ быть причина эта заключается въ томъ, что различныя качества въ личности Толстого сталкиваются и перѣплетаются усиливая и дополняя другъ друга на подобіе того какъ при столкновеніи двухъ системъ волнъ, происходитъ суммирование ихъ высотъ. Но и этимъ еще не объясняется необыкновенное въ Толстомъ.

Правда, Толстой отличается не только качествами, составляющими силу художника, живостью воспріятія внѣшнихъ явленій и мысленныхъ образовъ и способностью передачи видѣннаго въ формѣ заставляющей читателя пережить внутреннюю жизнь творца.

У Толстого мы встрѣчаемъ кромѣ того еще слѣдующее: во всѣхъ его поэтическихъ произведеніяхъ чувствуется, что гениальною силою автора описываются не хладнокровныя наблюденія надъ другими но болѣзненно-прочувствованное самимъ писателемъ. Все это изображается имъ съ ненарушимую и беспощадною откровенностью и съ любовью къ истинѣ. Толстой въ одно и то-же время откровенно кающійся самообвинитель, жаждущій правды, философъ, воспроизводящій въ страданіи собственныя душевныя муки, ищущій средства, для ихъ смягченія и уничтоженія. Хотя произведенія Толстого и выигрываетъ этимъ, становясь болѣе короткими и привлекательными, все-же и этого не достаточно для объясненія быстро и далеко распространяющейся славы ихъ автора. И другіе поэты отличались безграничною сосредоточенностью и откровенностью, но никогда не проникали на подобіе Толстого, почти внезапно

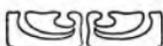
во всѣхъ слоихъ общества. Калдеронъ и Гете приобрѣли извѣстность гораздо медленнѣе, оставаясь на всегда достояніемъ исключительно высшихъ слоевъ своей націи и не проникая на подобіе Толстого, въ низшіе слоихъ всѣхъ западныхъ народовъ.

Если бы соединеніе дилетантическихъ, богословскихъ познаній Толстого съ его дилетантическими познаніями въ другихъ областяхъ, объясняло его быстро возникшую международную популярность, или, хотя-бы извѣстность, то и болѣе выдающіеся, чѣмъ онъ, личности завладѣли бы въ гораздо большей мѣрѣ умами запада. Вліяніе Св. Августина, высоко образованнаго для своего времени, и другихъ почти равныхъ ему отцовъ церкви, распространилось въ теченіе многихъ столѣтій едва за предѣлы узкаго круга богослововъ, и простымъ смертнымъ послѣднихъ столѣтій едва-ли извѣстно по наслышкѣ, что нѣкій Готфридъ Вильгельмъ баронъ фонъ Лейбницъ былъ знатокомъ богословія, соединяя въ себѣ обширныя познанія вообще.

Причина удивительнаго универсальнаго значенія Толстого заключается только въ слѣдующемъ: Толстой понялъ съ замѣчательною ясностью и искренностью собственные недостатки, ясно сознавая, что личные его недостатки встрѣчаются не только въ окружающемъ его обществѣ, но служатъ вообще и въ частности признакомъ декадентскаго вѣка, всего декадентскаго запада. Въ силу его необычайной даровитости и способности, къ трогательному выраженію собственныхъ душевныхъ мукъ, тождественныхъ со всѣмъ тѣмъ, что угнетаетъ совершенниковъ, неизбѣжно возникло въ самыхъ широкихъ слояхъ западнаго общества не только весьма горячее сочувствіе, но одновременно, быть можетъ противъ воли, не высказанное самосознаніе и раскаяніе. Въ виду всего этого ученіе Толстого, объ искорененіи зла, нашло внимательныхъ слушателей даже тамъ, гдѣ вслѣдствіе непризнанія исходныхъ точекъ его ученія, ему сильно противорѣчили.

Отвергая предлагаемыя имъ цѣлительныя средства, нельзя было отрицать всеобщаго болѣзненнаго состоянія. Въ этомъ заключается, какъ это будетъ подробно доказанно ниже, причина быстрой и повсюду возникшей всеобщей извѣстности Толстого.

Что это извѣстность не стала популярностью въ собственнымъ смыслѣ этого слова, что Толстого иногда считали чудачкомъ, которому упорно противорѣчили, объясняется легко познаваемой ложностью его изцѣляющихъ средствъ и существомъ его учений, содержащихъ въ себѣ на ряду съ неоспоримо вѣрнымъ и благотворнымъ много ложнаго, даже вреднаго и опаснаго, что это также и будетъ ниже подробно изложено

II. Личность Толстого.

Уже по недостатку мѣста и во избѣжаніе повторенія словъ многихъ писателей *) приходится отказаться отъ подробнаго изображенія и оцѣнки личности Толстого.

Для характеристики и оцѣнки личности Толстого, достаточно привести нѣкоторыя отличительныя черты его, ссылаясь при томъ на статьи, подробно касающіяся этого.

Рѣдко можно найти у великихъ людей соотвѣтствіе между ихъ наружностью и свойствами. Имъ не доставало либо силы для удовлетворенія идеаловъ жизни, либо ихъ дѣйствія оставались слишкомъ недовершенными и они лишены славы, даро-

*) Изъ изслѣдователей укажемъ только: Rafael Löwenfeld: „Leo N. Tolstoi, sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung“ I. (Berlin 1892) S. 17—41, далѣе Eugen Zabel: „L. N. Tolstoi („Dichter und Darsteller“, herausgegeben von Dr. Rudolf Lothar, Berlin 1901) S. 3—16, какъ и Eugen Heinrich Schmitt: „Leo Tolstoi und seine Bedeutung für unsere Kultur (Leipzig 1901) стр. 16—67. Послѣдняя работа, провозглашенная основной книгой о графѣ Толстомъ замѣчательна, не смотря на его преувеличенія.

ванной имъ Богомъ либо съ сознательно притворнымъ расчетомъ выставляли другіе, а не дѣйствительно побуждающіе ихъ къ дѣйствіямъ мотивы. Такъ на примѣръ можно предположить, что Шопенгауэръ въ дѣйствительности стоялъ за высказанныя имъ пессимистическія и стоическія убѣжденія, которыя должны были бы привести его къ буддистической всеобъеммощей любви къ ближнему и къ строго-воздержанной, самоотверженной жизни. Между тѣмъ извѣстно, что его желчный нравъ беспощадно бичевалъ всякаго противника и что онъ, повидимому эгоистично старался удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ физическаго благосостоянія и славы. А про римскаго императора Августа извѣстно, что его въ глубокой страсти, на смертномъ ордѣ, ничего до такой степени не утѣшало, какъ сознаніе того, что онъ хорошо исполнилъ свою роль.

Про Льва Николаевича Толстого напротивъ можно сказать въ полномъ смыслѣ слова, что его наружность всегда соотвѣтствовала его качествамъ. Никогда онъ не прикидывался инымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. И перемѣны въ мышленіи и чувствованіи обусловленныя его внутреннимъ развитіемъ, нашли себѣ вѣрное, часто даже рѣзкое выраженіе въ его внѣшнихъ поступкахъ.

Эта безусловная откровенность по отношенію къ самому себѣ и къ другимъ, въ связи съ необычайнымъ поэтическимъ даромъ изображенія, т. е. совпаденіе этихъ двухъ выдающихся качествъ, вотъ что главнымъ образомъ сдѣлано въ высшей степени понятнымъ Льва Н. Толстого самымъ широкимъ слоямъ общества, образованнымъ и необразованнымъ, знатнымъ и незнатнымъ. Этимъ же объясняется, что опасныя заблужденія его выдающейся и блестящей личности слишкомъ часто проходятъ незамѣченными.

Слѣдуетъ ли дѣйствительно дикое необузданное проявленіе страстей, которое, по собственному признанію Толстого, за-

пятнало его молодость *), отнести на долю наследственности, какъ это злобно утверждаютъ ярые его ненавистники (вслѣдствіе будто-бы животныхъ наклонностей его предковъ), вопросъ нерѣшенный. Въ случаѣ вѣрности этого предположенія, героизмъ Толстого заслуживаетъ еще большей похвалы потому что онъ, послѣ серьезнаго и пристыжающаго самоиспытанія покончилъ съ привычками жизни окружающаго его знатнаго вѣтреннаго общества и заслужилъ въ себѣ эти дикіе порывы.

Благодаря непоколебимой къ любви истинѣ Толстого можно прослѣдить фазы превращенія эгоистичнаго необужаннаго проживателя жизни въ серьезнаго мыслителя и горячо преданнаго друга человѣчества и исторію развитія его философскихъ и религіозныхъ убѣжденій.***) Все это изложено не только въ упомянутой исповѣди и въ другихъ послѣдовавшихъ за ней сочиненіяхъ, въ позднѣйшихъ соціально-политическихъ трактатахъ***) но и во всѣхъ предшествовавшихъ поэтическихъ произведеніяхъ его, т. е. въ повѣстяхъ и романахъ, преслѣдующихъ собственно ту-же цѣль: сознать собственную внутреннюю жизнь путемъ изображенія ея въ сочиненіяхъ съ объективной точки зрѣнія.

Въ виду того, что Толстой съ быть можетъ никогда еще не бывалой драматической наглядностью предоставляетъ намъ возможность заглянуть въ свою богатую внутреннюю жизнь, онъ пользуется уже живымъ участіемъ, со стороны самыхъ широкихъ слоевъ общества, ибо нѣтъ наблюденія, нѣтъ науки, нѣтъ ничего, что могло-бы привлечь до такой степени вниманія людей, какъ именно правдивое изображеніе человѣка.

*) Не было ни одного порока, которому я не предавался, ни одного преступленія, котораго не совершалъ, говорить Левъ Н. Толстой въ одномъ изъ своихъ сочиненій.

***) Религія и нравственность въ сочиненіяхъ графа Льва Н. Толстого, тамъ XIV. Москва 1895 г., стр. 197—203.

****) Въ трехъ сочиненіяхъ съ 1900 по 1901.

Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, способное чрезвычайно усилить вниманіе, возбужденное Львомъ Н. Толстымъ, а именно, что Толстой, изображая собственную личность и ея недостатки и будучи сыномъ своего времени, касается вопросовъ, которые каждый встрѣчаетъ въ самомъ себѣ, и которые вообще служатъ основаніемъ нашей декадентской эпохи. Вслѣдствіе этого, каждый въ силу необходимости долженъ признать что онъ самъ пережилъ и почувствовалъ подобное при энергичномъ указаніи на нихъ, а потому внушительныя увѣщанія Толстого, искать спасеніе въ возрожденіи, такимъ-же образомъ, какъ и онъ самъ, встрѣчаютъ, если не всегда открытую симпатію, то все-таки вездѣ неопровержимое вниманіе, хотя, понятно, весьма часто въ отрицательномъ смыслѣ.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ одной темной сторонѣ блестящей личности Толстого, служащей какъ бы объясненіемъ и извиненіемъ пробѣговъ его внутренняго развитія и очевидной опасности соблазнительныхъ и радикальныхъ лжеученій его.

Одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ Толстого, Шмиттъ, все-таки не считаетъ возможнымъ, ни упрекнуть его въ дилетантизмѣ.

Этотъ несомнѣнно заслуженный упрекъ касается не столько личности самого Толстого, то есть недостатка въ дѣльномъ, научномъ и систематичномъ образованіи и въ достаточно обширныхъ познаніяхъ, но относится скорѣе къ всеобще распространенному недостатку, котораго лишены только очень немногіе выдающіеся русскіе люди, недостатку, который замѣчается даже почти у всѣхъ самыхъ блестящихъ представителей этой націи, служащему какъ бы видовымъ признакомъ рассы.

Одиннадцать столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ Россія, тогда еще совершенно варварская, вступила въ кругъ умственного и соціального развитія западныхъ народовъ. Но, благодаря исторической судьбѣ, она только въ началѣ, въ теченіе

короткаго времени, принимала участіе въ жизни запада, по столько, по сколько это допускало исключительное церковное положеніе ея. Нашествіе монголовъ и паденіе Византіи совершенно устранили Россію на много столѣтій отъ культурнаго вліянія Европы. Ни крестовые походы со своимъ развивающимъ вліяніемъ, ни развитіе наукъ и искусствъ въ эпоху возрожденія, ни глубокое вліяніе, открытія морского пути въ Индію и Новый свѣтъ, ни громадное возрастающее умственное оживленіе общественной жизни со временъ реформаціи — не коснулось благотворно Россіи. Этимъ объясняется, почему двѣсти лѣтъ тому назадъ попытки Петра Великаго, поднять культурный уровень русской націи на высоту европейскаго запада, на сколько это касается широкихъ слоевъ народа, оставались до сихъ поръ почти безъ успеха на культурной и плодородной почвѣ сарматской равнины.

Было достигнуто только формальное развитіе государственныхъ учрежденій и внѣшняя дрессировка и нѣкій лоскъ высшихъ классовъ общества, которые, несмотря на то, оставались внутренне дикими, потому что первое воспитаніе, за немногими только исключеніями, не производится тщательно-подготовленными образованными и добросовѣстными матерями, а представляется совершенно простой, полу-дикой прислугѣ; а школы, при почти совершенномъ недостаткѣ воспитателей, производятъ только механическую муштровку.

Настоящее умственное развитіе достигается въ Россіи почти исключительно только путемъ самообразованія, почему тамъ встрѣчается большею частью ни что иное, какъ несистематическій дилетантизмъ автодидактовъ, который съ одной стороны слишкомъ высоко цѣнитъ съ трудомъ добытыя, скудныя и полныя пробѣловъ познанія, съ другой, ставитъ на одну доску съ основательнымъ образованіемъ свои слабыя познанія, считая себя способнымъ, достигнуть прыжкомъ тѣхъ успѣховъ, которые даются только путемъ настойчивой работы многихъ поколѣній.

При критическомъ разборѣ философскихъ разсужденій и теософій, духовныхъ и социальныхъ ученій Толстого выяснится, на сколько эти фантастическія мечты носятъ и должны были носить на себѣ отпечатокъ необузданно-національнаго (хотя и лично незаслуженнаго) дилетантизма.

Кто происходитъ отъ невоспитанныхъ предковъ и самъ не получилъ должнаго воспитанія, тому и не можетъ придти на умъ, удѣлить воспитанію надлежащее мѣсто.

III. Толстой какъ художникъ и писатель.

Чтобы доказать опасность духовныхъ и свѣтскихъ ученій Толстого — ихъ способность ввести въ заблужденіе не только отдѣльныя лица но и цѣлую массу людей смутить роковымъ образомъ даже весь вѣкъ*), для этого слѣдуетъ сперва показать на его необыкновенно геніальной личности, до какой степени

*) Понятіе о величинѣ этой опасности даютъ намъ цифры, которыя по С. Бенгерову въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Гефрона XXXIII. (С. Петербургъ, 1901 г.) страница 456, обозначаютъ распространеніе сочиненій Толстого и изобиліе сочиненій о немъ, появившіяся въ сравнительно короткое время. По этимъ даннымъ полное изданіе сочиненій Толстого, состоящее изъ приблизительно 12 или 15 томовъ, разошлось въ Россіи въ болѣе чемъ 80,000 экземпляровъ, что составляетъ болѣе милліона томовъ. Сверхъ того продавались отдѣльныя изданія нѣкоторыхъ произведеній въ слѣдующемъ количествѣ: „Кавказскій плѣнникъ“ въ 250,000 экземплярахъ, „Хозяинъ и работникъ“ въ 200,000 экземплярахъ, „Чѣмъ люди живы“ въ 150,000 экземплярахъ, „Власть тьмы“ въ приблизительно 140,000 экземплярахъ, затѣмъ въ количествѣ отъ 100,000 до 130,000 экземпляровъ сочиненія: „Богъ правду любитъ, а не скоро скажетъ“, „Сколько земли человѣку нужно?“, „Осада Севастополя“, Первый винокуръ“, „Три смерти“, „Воскресенье“ (въ трехъ томахъ) и т. п. „Новая азбука“ явилась въ 23 изданіяхъ, т. е. болѣе чѣмъ въ 800,000 экземплярахъ и „Первая книга для чтенія“ въ четырехъ частяхъ въ 600,000 экземплярахъ, что въ общемъ составляетъ по крайней мѣрѣ 6,000,000 томовъ. Самостоятель-

она, благодаря природнымъ наклонностямъ несмотря на величайшую откровенность и любовь къ правдѣ, была расположена къ догматическимъ вольностямъ. Въ противномъ случаѣ можетъ случится, что на аргументы, приводимые противъ лжеученіи его, не обратятъ никакого вниманія, вслѣдствіе непоколебимой вѣры въ непогрѣшимаго пророка.

Еще необходимо, чтобы съ должнымъ безпристрастіемъ приступить къ объективной и справедливой оцѣнкѣ личности Толстого; указать, не вдаваясь пока въ обсужденіе его ученій, на то, что методъ, которымъ пользуется Толстой, уже самъ по себѣ, независимо отъ положеній, требующихъ доказательства, — ложный и недопустимый. Это обнаруживается ясно при поверхностномъ разсмотрѣніи его художественной и литературной дѣятельности, которая является догматической, какъ-бы полу-слѣпой, фиксирующей (какъ бы наглазниками), одну только точку, упуская при томъ изъ виду не знающей предразсудковъ критики самого себя.

Можетъ быть художественный успѣхъ (т. е. способность сознательно вызвать въ другомъ человѣкѣ возможность переживать извѣстныя ощущенія и чувства), требуетъ болѣе односторонне — яркаго освѣщенія (такъ называемаго Рембрандскаго), но отнюдь не способствуетъ изслѣдованію правды, ко-

ныхъ переводовъ сочиненій Толстого на нѣмецкомъ языкѣ болѣе 200, на французскомъ 150, на англійскомъ 120, на шведскомъ и датскомъ 50; на другихъ языкахъ, включая японскій, татарскій и индостанскій и т. п., между по 1 и 20 переводами что составляетъ при изданіяхъ по тысячи экземпляровъ крайней мѣрѣ 600,000 томовъ; но все это должно казаться ничтожно малымъ количествомъ въ сравненіи съ просто безчисленными переводами въ журналахъ и фельетонахъ ежедневныхъ газетъ. — Самостоятельныхъ сочиненій о Львѣ Ник. Толстомъ на русскомъ языкѣ появилось 100, на нѣмецкомъ 30, на французскомъ 11, на англійскомъ 18, на шведскомъ 5, къ чему присоединяется опять такъ гораздо большее число критическихъ разборовъ въ журналахъ и фельетонахъ ежедневныхъ газетъ, и въ мемуарахъ, такъ что литература о Толстомъ стала въ короткое время очень значительной. Слѣдовательно можно сказать, что быстрое развитіе международной извѣстности Толстого не находитъ себѣ примѣра.

торая должна разсматривать свой предметъ всестороннѣ, вникая въ его происхожденіе, начало и развитіе.

Толстой — же въ этомъ смыслѣ вездѣ, не смотря на страстную любовь къ правдѣ, оказывается только фиглярномъ-художникомъ, а именно, художникомъ-импрессионистомъ, не получившимъ академическаго образованія. Онъ повсюду въ высшей степени субъективенъ и въ общемъ, не допускаетъ другой точки зрѣнія кромѣ своей; все противорѣчащее, загараживающее ему дорогу устраняется имъ путемъ самыхъ очевидныхъ благовидныхъ предлоговъ. Въ этомъ смыслѣ Толстой совершенно справедливо носить названіе пророка. Бсѣ могучіе, восторженные пророки, какъ то: Будда, Лаотце, Пиеагоръ, и Магометъ, — вліяли на людей только какъ художники, путемъ своего идейнаго творчества, при совершенномъ пренебреженіи рѣшительно всякой сознательно-критической предосторожности.

Замѣчательно, что Толстой, при всемъ своемъ громадномъ художественномъ развитіи, выступилъ проповѣдникомъ покаянія и учителемъ, слѣдуя не только тому-же самому догматическому методу, какъ великіе пророки міра, но и при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ и они. Исходною точкою для него, какъ и для нихъ, было то, повсюду распространенное чувство глубокаго неудовольствія, доводящаго очень часто до отчаянія лишившихся почвы современниковъ. При этомъ онъ описываетъ это неудовольствіе по собственному опыту до того трогательно, что только весьма немногіе почувствовали себя незадѣтыми. Надежнымъ средствомъ спасенія изъ безвыходно печальнаго положенія онъ предлагаетъ то, что его самого сдѣлало нечувствительнымъ къ жизненнымъ невздамъ, уверенно, но и ошибочно предполагая что то, что нынѣ его успокоило, успокоитъ и сдѣлаетъ счастливыми всѣхъ людей всякаго состоянія и будущихъ столѣтій, не принимая при этомъ въ расчетъ различность людей по ихъ происхожденію, способ-

ностямъ, жизненному положенію и вліянію окружающей ихъ обстановки. При этомъ онъ совсѣмъ забываетъ, что одно средство не годится для всѣхъ, особенно въ томъ случаѣ, если оно не присуще по природѣ всѣмъ и каждому въ отдѣльности, а является лишь порожденіемъ фантази.

Уже съ очень ранней молодости Толстой подвергался фантастическимъ мечтаніямъ *). Изъ его перваго сочиненія: „Отрочество“ видно, что возбудило въ немъ эти мучительныя мечтанія и чѣмъ онѣ начались: причиной этого была смерть его бабушки и няни. Съ этихъ поръ преслѣдоваль его ужасъ смерти и сталъ для него руководящимъ мотивомъ всего мышленія, всѣхъ чувствъ и поступковъ. Задача жизни заключалась для него ни въ чемъ иномъ, какъ въ освобожденіи отъ этого ужаса смерти, въ стараніи узнать причину его происхожденія и въ присканіи средствъ, превозмочь его. Совокупность этихъ мыслей тянется красною нитью черезъ всѣ его сочиненія и поучительныя произведенія. Только мимоходомъ, во время бурно прожитыхъ первыхъ юношескихъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ возмужалости, Толстого не преслѣдовали мысли о смерти. Но какъ только появились первыя неудачи его дилетантизма въ практической жизни, какъ только онъ самъ, невоспитанный, долженъ былъ сознать всю свою неспособность быть педагогомъ, вновь появилось ноящее и мучительное мечтаніе о смерти, преслѣдовавшее и измучившее его и доведшее его почти до самоубійства, пока онъ послѣ тяжелой борьбы съ самимъ собою не дошелъ до новаго міросозерцанія, которое однако не прояснило небо какъ благотворная гроза и не доставило жизнерадостной производительной силы, но подобно наркотическому средству успокоило, оста-

*) Въ одномъ мѣстѣ, здѣсь не ближе обозначаемомъ, онъ самъ въ томъ сознается; „Мало-помалу я побѣждалъ въ себѣ ошибки отрочества, кромѣ самой главной, которая надѣлала мнѣ еще въ жизни много вреда: склонности къ мечтаніямъ.“

вивъ однако послѣ себя мало завидное состояніе, полное тяжкихъ сновидѣній. И въ этой мучительной боязни смерти слѣдуетъ, по видимому, искать исходную точку всѣхъ заблужденій Толстого, такъ сказать *πρώτον ψεύδος* всѣхъ его умственныхъ заблужденій, т. е. въ ошибочномъ представленіи, что боязнь смерти неминуемое наслѣдіе всѣхъ, безъ исключенія, людей. Между тѣмъ она чужда не только неиспорченному сыну природы, но и самому развитому и должна быть признана исключительно результатомъ неправильнаго мышленія и воображаемаго чувствованія, какъ-бы наслѣдственныхъ навязчивыхъ мыслей.

Въ самомъ дѣлѣ, боязнь смерти чужда не только Веддамъ Цейлона древнѣйшему изъ всѣхъ еще живущихъ племенъ, которые недавно только стали вкушать плоды дерева познанія добра и зла, продолжая свое невинное райское существованіе: равнымъ образомъ эта боязнь не присуща древнѣйшему культурному народу, опредившему всѣхъ другихъ солиднымъ умственнымъ развитіемъ, взирающему на непрерывное, никогда не подававшееся назадъ самообразование, продолжавшееся, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ лѣтъ. Этотъ народъ освободился уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ отъ всѣхъ фантастическихъ представленій объ ужасахъ и блаженствахъ загробной жизни, и отъ всѣхъ мучительныхъ картинъ о свойствахъ ея, чтобы тѣмъ исключительнѣе быть въ состояніи предаться разсудительнымъ соображеніямъ, упрочить и умножить благо грядущихъ поколѣній. Мужественное презрѣніе смерти созданное Веддой и развиваемое въ китайцахъ съ самаго младенчества. На всѣмъ западѣ отъ Индуса до столбовъ Геркулеса повсюду господствовала эндимическая боязнь смерти, однако и тутъ считалось повсюду признакомъ высшей зрѣлости и цѣлью всякаго нравственнаго воспитанія полное презрѣніе смерти. Единственно уже вслѣдствіи мужественнаго презрѣнія смерти на вѣки будутъ жить въ памяти людей не только

герои Эермопильскіе, Маркъ, Курцій, Регуль, Арнольдъ Винкельридь и имъ подобные, но и Сократъ, Катонъ Утическій, Генека. Даже Вертеромъ, которому несчастная любовь отравила жизнь, и бросающимся изъ сантиментальнаго разочарованія въ самый разгаръ битвы, мучениками и миссіонерами, готовыми восторжено итти на смерть, даже этими болѣзненными ненавистниками смерти восхищаются на западѣ.

Изъ мучительной боязни смерти, патологически завладѣвшій жизнью Толстого и возникшей подъ вліяніемъ внушенія въ дѣтской, и изъ внушеннаго ему-же способа освобожденія отъ этой боязни — объясняется другая характерная черта личности Толстого, именно, гипнотизированнаго, подстрекающаго самого себя въ извѣстномъ направленіи путемъ автогипноза. Одержимый фаптасмагоріями художникъ, старался доказать разсудкомъ реальность своихъ химеръ, что не могло удаваться благодаря указанному выше дилетантизму. При этомъ онъ не избѣгнулъ опасности, грозящей каждому, находящемуся подъ гипнозомъ и не сумѣлъ удалить изъ умственнаго своего кругозора, все отвлекающее отъ болѣзненно намѣченнаго направленія. Это причина удивительной односторонности Толстого, на ряду съ его дилетантизмомъ.

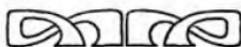
Эта односторонность довела Толстого до послѣдней крайности: онъ бранитъ и предаетъ презрѣнію не смотря на всѣ старанія друзей и поклонниковъ, разубѣдить его въ этомъ заблужденіи *), все то, въ чемъ состояла самая главная и

*) Между прочимъ слѣдуетъ упомянуть трогательную просьбу Тургенева, высказанную еще на смертномъ одрѣ: „Пишу Вамъ, чтобы сказать, какъ я радъ, что былъ Вашимъ современникомъ и чтобы высказать Вамъ послѣднюю и откровенную мою просьбу. Другъ мой, вернитесь къ Литературной дѣятельности. Вѣдь Ваше дарованіе происходитъ оттуда-же, откуда и все другое. Ахъ какъ бы я былъ счастливъ, еслибы я могъ вѣрить, что просьба моя будетъ увѣнчана успѣхомъ. Я же человекъ умирающій“

Другъ мой, великій писатель русской земли, обращайтесь вниманіе на мою просьбу, освѣдомите меня, когда получите эту записку не могу больше усталъ“ (Löwenfeld, какъ выше означ. стр. 150.)

самая блестящая сторона его дарованія — свое художество. Онъ не только отвергалъ и осуждалъ свои достойныя истиннаго удивленія художественныя произведенія, какъ дерзкія порожденія жалкаго эгоизма и славолюбія, въ періодѣ мучительныхъ порывовъ (въ Исповѣди), но и въ позднѣйшихъ своихъ специальныхъ разсужденіяхъ объ искусствѣ онъ осудилъ въ силу своего міросозерцанія съ очевидною патологическою односторонностью вообще всякое художественное творчество. Только болѣзненное сужденіе въ состояніи отвергать и осуждать серьезно что-нибудь само по себѣ, только потому, что имъ можно злоупотреблять.

Это презрѣніе къ искусствѣ Львомъ Ник. Толстымъ вытекаетъ изъ гораздо болѣе глубокаго страданія, завладѣвшаго гороздо большей мѣрѣ всею душевною жизнью его, чѣмъ это выразилось около середины прошлаго столѣтія въ желаніи защиты отъ порнографическихъ выставокъ дошедшаго до облеченія античныхъ статуй Неапольскаго музея въ зеленыя брюки. Презрѣніе Толстого къ искусству уже болѣе чѣмъ умственное нездоровье: оно основано на тяжкомъ физическомъ недугѣ, на прогрессивномъ параличѣ, который выражается подъ видомъ „folie raisonnante“, въ слѣпой односторонней дѣятельности разума. Только этимъ можно объяснить, почему этотъ, въ высшей степени способный, богато-одаренный, остроумный человѣкъ (получившій лишь дилетантическое образование) могъ проповѣдывать глубоко безнравственныя ученія, на поприщѣ духовномъ и свѣтскомъ, руководимый самыми благими намѣреніями.

IV. Толстой как педагогъ.

Безпристрастному, научно образованному, психологу (или психопатологу) можно было бы предложить много благодарныхъ вопросовъ, касающихся личности Толстого, для научнаго разрѣшенія, — вопросовъ до того благодарныхъ, что они были бы достойны стать предметамъ академической задачи для соисканія премій. Такъ на примѣръ слѣдующіе вопросы: Ближе ли Левъ Ник. Толстой къ геніальности или къ умопомѣшательству? Пророчдуетъ ли онъ, какъ пророкъ, безсмертныя понятія, или онъ помѣшался на болѣзненныхъ мономаніяхъ, а если рѣшеніе остановится на двухъ послѣднихъ пунктахъ, то еще слѣдующіе вопросы: Можно-ли доказать у Толстого признаки психическаго вырожденія, при которомъ, какъ извѣстно, происходитъ усиленное дѣйствіе нѣкоторыхъ способностей на счетъ другихъ, и такимъ образомъ нарушеніе гармоническаго, психическаго равновѣсія? Съ какихъ поръ стали появляться эти симптомы? Какія обстоятельства ускорили развитіе болѣзни, и. т. д.

Какъ бы то ни было, только немногіе безпристрастные спеціалисты, психологи, интересующіеся личностью Толстого, освободились бы онъ впечатлѣнія, невольно потрясающаго cadaго, кто сопоставляетъ неподобное по сжатости своей и, можно сказать, безсмертное описаніе душевнаго состоянія автора въ началѣ разсказа „Казакъ“ съ наводящими ужасъ заблужденіями его ума, въ новѣйшемъ произведеніи: „Что такое деньги?“ (на нѣмецк. языкѣ Берлинъ 1901 г.), гдѣ онъ хочетъ доказать, что деньги ни въ какомъ случаѣ не орудіе обмѣна, но ни что иное, какъ средство покоренія.

И даже не спеціалистъ не можетъ не замѣтить, что Толстой въ своей, такъ называемой практической жизни, прежде

всего какъ педагогъ, ясно обнаружилъ опасныя стороны своего умственнаго направленія.

Толстой еще совѣмъ молодымъ, желая избѣжать безпокойную, свѣтскую жизнь и ея заблужденія, угнетающіе карточные долги и мучительныя самоупреки, доводящіе его почти до самоубійства, скрылся среди чистой природы кавказскихъ предгорій, надѣясь, что тамъ, среди непорочныхъ сыновъ природы начнется для него новое, удовлетворяющее его существованіе. Но жизнь среди казаковъ доставила ему наконецъ только разочарованіе, не давъ ему ключа къ разрѣшенію всѣхъ мирскихъ загадокъ (начавшихъ тогда мучить его), даже не положивъ начала къ ясной постановкѣ вопросовъ, относительно ихъ. Онъ наталкивался только на новыя загадки: Какъ согласовалось чудное, храброе, безстрашное, почти идеальное самоотверженіе казаковъ съ ихъ дикимъ варварствомъ, пьянствомъ, насиліемъ и поклонностями къ грабежу и убійству? Какимъ образомъ шутника и бездѣльника, пьяницу и многократнаго преступника Ераику все таки терпели среди нихъ и онъ могъ занимать почти даже уважаемое положеніе хотя иногда надъ нимъ и смѣялись? И наконецъ, увы! ужасное послѣдовавшее униженіе: здоровенная, прекрасная, величественная Марьяна, эта полудѣвственная женщина, властительница всего казачьяго стана (*demivierge* Венгерова), съ которой разсказикъ Оленинъ — Толстой вздумалъ обзавестись идеальнымъ хозяйствомъ, надѣясь найти въ скромной жизни для блага другихъ истинное счастье, — эта Марьяна отталкиваетъ его, изнѣженнаго барчука, съ презрѣніемъ, ненавистью и позоромъ! Находясь въ такомъ отчаянномъ настроеніи духа, Оленинъ, т. е. Толстой, съ радостью пользуется представляющимъ случаемъ, подвергнуть себя заглушительнымъ опасностямъ военной жизни на Кавказѣ, гдѣ ясно выступаетъ нравственное преобладаніе преданнаго, простаго человѣка надъ расчетливымъ эгоизмомъ высшихъ классовъ общества. Въ

томъ-же самомъ онъ могъ убѣдиться, принимая участіе въ турецкой кампаніи, какъ во время Дунайскаго похода, такъ и во время осады Севастополя.

Вернувшись съ войны, Толстой, наполненный, какъ сказалъ Тургеневъ, истерической любовью къ бѣдному, угнетенному народу, почувствовалъ сильное влеченіе оказаться въ практической жизни полезнымъ членомъ общества. Съ пламеннымъ рвеніемъ онъ принимается за управленіе имѣніемъ, которое ему къ тому времени досталось, въ твердомъ ожиданіи, что ему будетъ не трудно доставить высшую культурную жузнь погибающимъ въ бѣдности и угнетеннымъ крестьянамъ. Въ его сочиненіи: „Утро помѣщика“ описывается съ несравненной насмѣшкой надъ самимъ собою, какъ онъ, въ сравненіи съ житейскимъ опытомъ крестьянъ, оказался высококомѣрнымъ, совершенно растеряннымъ молокососомъ и долженъ былъ замолчать. Одного утра было достаточно убѣдить его въ недостижимости цѣли его предпріятія. Однако, по его мнѣнію, не онъ былъ виноватъ въ неудачѣ, которую слѣдовало приписать исключительно необразованности крестьянъ. Въ молодомъ помѣщикѣ должна была появиться слѣдующая демократическая мысль: „Теперь, послѣ освобожденія всѣхъ отъ крѣпостной зависимости и предоставленія всѣмъ, безъ исключенія, гражданскихъ и человѣческихъ правъ, теперь необходимость настойчивѣе всего требуетъ подготовки молодыхъ людей ко всякой дѣятельности, т. е. необходимо сдѣлать крестьянъ способными, при случаѣ занимать хоть и должность министра. Это была геніальная мысль восторженности молодого человѣка. Такимъ образомъ Левъ Ник. Толстой, безъ всякой подготовки, сталъ педагогомъ, сообразно своему дилетантизму.

Однако отъ проницательнаго взора горячаго молодого человѣка не на долго могло оставаться скрытымъ, что у него не было рѣшительно никакого понятія, какъ учредить школу и руководить ею. Чтобы ознакомиться съ этимъ, онъ пред-

принимаетъ поѣздку съ педагогической цѣлью. Однако посѣщеніе извѣстныхъ школъ въ Саксоніи, какъ и сношеніе съ Фребелемъ, Шопенгауеромъ и другими, не доставило ему свѣдѣній въ положительномъ смыслѣ, но, въ сущности говоря, дало ему только поводъ составить себѣ коренное оригинальное, правда, понятіе относительно устройства школъ, какимъ оно бы должно было быть. Толстой, увѣренный въ своемъ дѣлѣ, теперь уже не шутя посвятилъ себя практической дѣятельности школьнаго учителя; да онъ даже вдругъ сталъ педагогическимъ писателемъ, издателемъ педагогическаго журнала.

Какъ долго продолжалась его преподавательская дѣятельность по первоначальному образцу, повидимому не извѣстно въ точности; только относительно первыхъ ея началъ существуютъ всѣмъ доступныя свѣдѣнія. По нимъ бесомнѣнно, что крестьяне, какъ дѣти такъ и взрослые, съ радостью встрѣтили и вознаградили усердіе и ласковое обращеніе Толстого. Въ самомъ дѣлѣ, неслыханное учрежденіе „школы“ было способно возбуждать общее вниманіе и одобреніе, если и не иначе какъ въ смыслѣ занимательнаго, совершенно ни отъ кого независимаго и не стоящаго денегъ спорта. Принимая, однако, во вниманіе принципы, которыми руководилась эта школа, совершенно справедливо надо сомнѣваться какъ въ томъ что школа посѣщалась съ усердіемъ и оккуратно, такъ и въ томъ, что этимъ педагогическимъ, опытомъ были достигнуты на самомъ дѣлѣ благіе результаты. Можно предполагать, что вскорѣ, вслѣдствіе своей женитьбы и обширной литературной дѣятельности, Толстой значительно охладѣлъ въ преданности къ своей школѣ.

Что касается свойства и внутренняго устройства школы „Ясной поляны,“ то прежде всего не было и рѣчи о какой нибуть школьной дисциплинѣ; каждый посѣтитель приходилъ и уходилъ, когда ему вздумалось; каждый сидѣлъ, стоялъ или

лежалъ въ школѣ гдѣ и какъ ему хотѣлось. Учителя и ученики были въ сущности равными товарищами; только одинъ умѣлъ больше рассказывать, чѣмъ другіе. Установленнаго плана ученія также не существовало. Толстой скорѣе на-противъ былъ того мнѣнія, что учитель долженъ былъ узнать, чѣмъ ученики желали заниматься,*) и никого не заставляли доказывать, чему и сколько онъ научился въ школѣ. Неужели такая неурядица, такой методъ или скорѣе такое отсутствіе какого бы то ни было метода могъ способствовать подготовкѣ молодыхъ людей ко всякой практической дѣятельности?

Еще удивительнѣе было нерасположеніе, даже вражда Толстого ко всему что можно было назвать воспитаніемъ. „Воспитаніе,“ говоритъ онъ, „есть вынужденное, насильственное вліяніе одного человѣка на другого съ намѣреніемъ переобразовать его по нашему усмотрѣнію. Воспитаніе насильственное образованіе. Образованіе же, (т. е. истинное) должно быть свободнымъ“ (тамъ-же, стр. 144); далѣе съ статьѣ его педагогическаго журнала: „Очевидно что народъ, не смотря на всѣ желанія какъ и общества такъ и начальства угодить ему, безпрестанно противился стараніямъ людей болѣе образованных“; и только убѣжденіе въ истинѣ собственныхъ познаній даетъ намъ право, принуждать людей учиться въ школѣ.

„Въ средніе же вѣка, когда вѣровали въ Священное писаніе, въ Августина и въ Аристотеля имѣли основаніе считать себя въ правѣ навязывать эту правду. Но откуда взять въ наше время вѣру въ истину собственныхъ познаній, которая дала бы намъ право, образовать народъ противъ воли его?“ и далѣе: „Все ученіе должно быть отвѣтомъ на вопросъ поставленный жизнью,“ и всякое подражаніе Европѣ на счетъ принужденія посѣщать школы было бы не успѣхомъ но для

*) И такъ яйцо должно было обучать курицу!

нашево народа (т. е. русскаго) шагомъ назадъ, измѣною по отношенію къ его призванію.“ — „Усмотримъ въ противодѣйствій народа выраженіе народной воли, которая единственно должна давать направленіе нашей дѣятельности, учащійся долженъ имѣть право, отказаться отъ образованія, которое не удовлетворяетъ его единственный критерій педагогики только свобода“ „народная школа должна соотвѣтствовать потребностямъ народа, это все, что можно сказать относительно этого вопроса,“ и т. д. Въ одной полемикѣ-же, въ которой упрекали Толстою, что онъ подъ словомъ народъ разумѣетъ единственно простой народъ и ужъ слишкомъ высоко ставитъ его, Толстой доходитъ до слѣдующихъ утвержденій: „Воспитаніе не что иное какъ доведенное до принципа, стремленіе, къ нравственному деспотизму;“ „Я увѣренъ, что воспитатель только потому можетъ предаться воспитанію дѣтей съ такою ревностью, что въ основаніи его стремленій лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на самого себя, то есть болѣе испорченнымъ“ Правительство и общество по своему высокоумію воспитываютъ по понятіямъ, противнымъ народу“ Воспитаніе портитъ людей, а не исправляетъ ихъ, чѣмъ испорченнѣе ребенокъ, тѣмъ менѣе слѣдуетъ воспитывать его, тѣмъ больше онъ нуждается въ свободѣ (тамъ-же, стр. 205—245).

Но все же очевидно, что въ этихъ педагогическихъ принципахъ можно усматривать болѣе чѣмъ односторонность дилеттанта; что это порывы *folie raisonnante*, той патологически односторонней, слѣпой дѣятельности ума, которая больше не подчиняется законамъ логики, руководящимъ всѣми здоровыми людьми, а увлекается ложными заключеніями, шаткость которыхъ очевидна всякому. И такія заблужденія проявлялись уже въ юности ея! Они выяснились еще неумѣреннѣе, еще погубнѣе и соблазнительнѣе въ его старости.

Нельзя не признать, что главный принцип, отъ котораго исходить Толстой, имѣеть свое оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ воспитаніе и образованіе, какъ и всякая умственная дѣятельность, надѣющаяся на успѣхъ, нуждаются въ свободѣ, и деспотизмъ какъ вездѣ, такъ въ особенности (пагубенъ) въ сферѣ воспитанія и образованія. Но гдѣ же вообще въ мірѣ вполнѣ безграничная свобода и беспощадная вольность оказались благотворными?

Развѣ не повсюду требуется мудрое ограниченіе непосредственной свободы, будь то въ силу недостаточнаго образованія, неразумности невоспитаннаго, буйно стремящагося впередъ, или будь то вслѣдствіе справедливыхъ требованій современниковъ? Развѣ можно назвать каждое мудрое ограниченіе свободы деспотизмомъ?

Вездѣ, какъ въ мірѣ тѣхъ явленій, которыя, по видимому безсознательно совершаются слѣдуя непоколебимымъ законамъ, такъ и въ сознательной умственной жизни, которая для своего развитія нуждается въ свободѣ, — вездѣ мы наталкиваемся на обоюдное вліяніе, вездѣ мы встрѣчаемъ зависимость одного отъ другого, вездѣ стремленіе къ гармоническому равновѣсію. И если вліяніе болѣе сильнаго Нептуна препятствуетъ обращенію Урана, то въ правѣ ли послѣдній жаловаться на деспотизмъ своего притѣснителя? Ровно на столько-же, какъ преступникъ, революціонеръ и анархистъ, которымъ общество, потревоженное въ своемъ гармоническомъ составѣ, указываетъ, хотя бы силою, необходимыя границы свободы. На обоихъ сферахъ, какъ въ планетномъ системѣ, такъ и въ обществѣ людей, изъ-за гармоніи всего цѣлаго не только дозволительны, но и требуются, необходимы и непремѣнны нарушенія, измѣняющія своенравное движеніе, ограничивающія свободу.

Послѣ этого ясно, что размѣръ допустимой въ обществѣ свободы, слѣдовательно дозволенной въ сферѣ образованія и воспитанія, стоитъ въ прямомъ отношеніи къ размѣру стой-

кости внутреннихъ ея отношеній, или же, другими словами, къ размѣру устойчивости ея гармоническаго строя. — Только въ государствѣ, которое въ высокой мѣрѣ гарантируетъ ненаружимость внутренняго міра какъ автоматическое возстановленіе послѣ случившагося нарушенія его, допустима полная свобода въ дѣлахъ воспитанія и образованія. Напротивъ, шаткій еще государственный строй, въ которомъ существуетъ только неустойчивое внутреннее равновѣсіе, и которому грозитъ опасность пошатнуться или рушиться вслѣдствіи мало-важныхъ беспорядковъ, никакъ и нигдѣ не можетъ допустить обширную свободу, даже не въ сферѣ образованія и воспитанія. Здѣсь, напротивъ, смотря по недостатку стойкости и гармонической твердости государственнаго строя, въ силу необходимости будетъ требоваться болѣе или менѣе ограниченная свобода, которая подвергается опасности превратиться въ деспотизмъ.

По этому въ древнѣйшимъ и самомъ упроченномъ изъ всѣхъ существующихъ человѣческихъ сообществъ, который, по свидѣтельству исторіи, пространяющейся на 4500 лѣтъ назадъ, вышелъ побѣдителемъ послѣ ужасныхъ бурь, — именно въ Китаѣ дѣло воспитанія и образованія пользуется уже въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій обширной свободой, почти не постижимой для европейца, до того распространенной, что народныя школы, среднія и высшія учебныя заведенія, стали вполне автономными частными и волостными предпріятіями и учрежденіями, о которыхъ правительство вовсе не заботился и не должно заботиться. А высшее учебное заведеніе, государственная академія Ханъ-линъ, изъ которой выходятъ экзаменаторы къ испытаніямъ на ученые степени и государственные цензоры, уполномоченныя большими правами, также уже нѣсколько тысячелѣтій находится въ полной независимости отъ правительства *).

*) Сравни: Bios, Edouard: „Essai sur l'histoire de l'instruction publique en Chine et de la corporation des lettrés depuis les anciens temps jusqu'à

И притомъ, можетъ быть, далѣе всего поражаетъ европейца и непонятно для него полное отсутствіе въ Китаѣ настоящихъ воспитательныхъ учреждений, потому что нравственное воспитаніе предоставлено исключительно семействамъ и семейнымъ союзамъ, которые успѣшно обучаютъ своихъ членовъ съ самаго ранняго возраста всѣмъ, возлагаемымъ на человѣка обязанностямъ и предоставленнымъ правамъ, а на часто повторяющихся празднествахъ въ честь предковъ постоянно повторяютъ ихъ и притомъ повсюду одинаково въ одномъ и томъ же смыслѣ совершенно независимо отъ того, принадлежитъ ли семья или извѣстное лицо къ какой нибудь определенной вѣрѣ, или же оно, не признавая никакой религіи, подчиняется только съ давнихъ поръ обычнымъ, дознаннымъ и признаннымъ правительствомъ нравственнымъ и политическимъ принципамъ.

Напротивъ того, единственно въ фактѣ существующаго правительственнаго надзора, и опеки въ дѣлѣ воспитанія и образованія и въ противодѣйствіи лицъ вліятельныхъ и разсудительныхъ идеи освобожденія школы уже можно видѣть несомнѣнный симптомъ еще мало развитаго гармоническаго состоянія извѣстнаго общественнаго союза; ибо соблюденіе такого ограниченія свободы было-бы совершенно немыслимо среди окончательно образованнаго въ нравственномъ отношеніи народонаселенія; почему и совершенно невѣрно въ цѣляхъ отмѣненія этого ограниченія свободы возставать прежде всего противъ высокопоставленныхъ лицъ, а не противъ невѣжества и необразованности толпы и ея демагоговъ.

И если Толстой съ одной стороны не устаетъ въ отдѣльныхъ изображеніяхъ и въ общей картинѣ, раскинутой въ его

nos jours. Ouvrage redigé entierement d'apres les documents chinois" (Paris, chez Benjamin Duprat, 1845); ferner Fresnel, Fulgence: „De l'éducation chez les Chinois" in „Journal asiatique" III. (Novembre 1823) pag. 25 u. fg. — und Bazin ainé: Sur l'organisation des écoles chinoises" in „Journal asiatique" Janvier 1839.

сочиненіи „Воскресенье“ рисовать положеніе дѣлъ въ Россіи весьма деспотическимъ, предавая его презрѣнію и требуя освобожденія отъ деспотизма (причемъ онъ все-таки не можетъ не признать, что этотъ деспотизмъ во всякомъ случаѣ уже нѣсколько столѣтій переносился добровольно, и даже часто одобрялся восторжено), а съ другой стороны требовать не только абсолютной свободы въ дѣлѣ образованія, но даже совершеннаго отреченія отъ всякаго воспитанія, потому что оно ни что иное какъ деспотическое вліяніе, то причину несовмѣстимости этихъ двухъ требованій у такого умнаго чловека можетъ быть только патологическій недостатокъ здраваго смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, добровольное перенесеніе деспотизма, убѣжденное одобреніе его, восторженное „*guere in servitium*“ — все это ясно доказываетъ невоспитанность и несвободу большой толпы, и ея потребность въ строгомъ управленіи. А лишитъ невоспитанный народъ возможности воспитанія, вѣдь это очевидно не что иное, какъ стараніе увѣковѣчить несвободу его, — но этого Толстой ни за что не желаетъ, а потому ясно, что онъ запутался въ собственныхъ противорѣчіяхъ.

Къ тому: чего же Толстой желаетъ достигнуть путемъ пророческаго провозглашенія своихъ ученій? Не старается ли онъ вліять на людей какъ воспитатель, дѣлая какъ разъ то что энергически самъ отвергаетъ, именно: по его выраженію, сдѣлать людей такими, какими они ему кажутся хорошими? Не желаетъ ли онъ, сообразно съ собственнымъ пониманіемъ дѣла, самъ вліять деспотически, т. е. замѣнить одинъ деспотизмъ другимъ, изгонять черта дьяволомъ? Если-же Толстой того не сознаетъ, то этотъ необыкновенно зоркій въ другихъ случаяхъ наблюдатель, въ этомъ случаѣ только умственно односторонній, слѣпой помѣшанный, страдающій *folie raisonnante*.

Этимъ явнымъ искаженіемъ смысла Толстой доказываетъ полное свое непониманіе чловеческой природы. Въ томъ же

онъ дѣйствительно правъ, что, какъ принято говорить, чело-вѣкъ созданъ рукою творца добрымъ, снабженнымъ нравствен-ными и умственными дарованіями и способностью, ими поль-зоваться. Это не гипотеза, а фактъ; справедливость его до-казывается какъ Веддами Цейлона, живущими, какъ бы въ раю, которые до сихъ поръ обладаютъ всѣми добродѣтелями зрѣ-лаго возраста, какъ и дознанными съ глубокой древности китайскими принципами морали и политики, въ основаніи которыхъ лежитъ предположеніе о неиспорченной добротѣ человеческой природы.

Но люди, съ которыми мы имѣемъ дѣло, больше уже не „райскіе,“ и въ то-же время не высоко развитые. Предки ихъ пали не вслѣдствіе злонамѣренной хитрости мистическаго су-щества, „злого“ принципа неизвѣстнаго происхожденія, но вслѣдствіе наступившихъ нуждъ земной жизни. Они-же сами въ силу наслѣдственности слѣдуютъ ложному пути и ихъ нельзя спасти иначе, какъ только путемъ разумнаго воспи-танія. Но успѣшное воспитаніе не есть операція, соверша-емая скачками. Оно получается не пророческимъ откровеніемъ, вдругъ ниспадающимъ съ облаковъ, а только терпѣливо и постоянно продолжаемымъ воздѣйствіемъ на цѣлые ряды по-колѣній, путемъ осторожно и трудолюбиво совершаемаго раз-витія, стадіи котораго только мало по малу могутъ освобождаться отъ принужденія и безпрестаннаго упражненія въ дисциплинѣ.

Это всѣмъ доступное пониманіе, этотъ „secret de Polichinelle“, должно было оставаться тайною для Толстого, одер-жимаго ложнымъ предубежденіемъ: господствующей надъ всѣмъ другимъ маніей, свидѣтельствующей на славянскомъ востокѣ иллюзіей, будто простой мужикъ святой сосудъ нрав-ственной чистоты, способный тотчасъ же отсчастливить и возобновить вселенную, какъ только положить преграду эго-изму властвующихъ классовъ, между тѣмъ какъ напротивъ того же не подлежитъ сомнѣнію, что простой, невоспитанный

несвободный человекъ совсѣмъ не сумѣлъ-бы жить безъ руководства властителя и барина и что онъ во всякое время предпочитаетъ сильнаго властителя слабому правительству.

На первый взглядъ многіе будутъ склонны считать опасными вышеприведенныя педагогическія ученія Толстого. Нелѣпость ихъ вѣдь до того очевидна, что они, молъ, не могутъ произвести зловѣщей смуты. Допустимъ пока, что это справедливо для запада Европы, но для европейскаго востока нельзя не признать ихъ величайшую опасность, если принять во вниманіе существующее тамъ умственное направленіе тѣхъ слоевъ общества, которые этимъ затрачиваются.

Уже въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ постоянно возрастающемъ размѣрѣ выдающіеся по своему уму люди тяжело страдали подъ тяготѣющимъ надъ ними гнетомъ. Съ половины шестидесятыхъ годовъ всеобщее желаніе умственнаго освобожденія и потребность въ нравственной поддержкѣ выражались въ страстномъ ожиданіи освобождающаго „новаго слова“. Тогда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Левъ Ник. Толстой выступилъ со своими ученіями, которые добровольно признали „новымъ словомъ“. Вызванное этимъ движеніе описывается Фридрихомъ Дернабургъ въ „Русскихъ людяхъ“ (Берлинъ 1885) на страницѣ 335 и слѣдующихъ съ фотографическою вѣрностью.

Умная, слѣпо-набожная женщина въ Москвѣ, описываетъ, подобно „воинственной пророчицѣ“, какъ она, путемъ восторженнаго защитительнаго сочиненія, думаетъ прибудить людей къ признанію ученій славянскихъ апостоловъ Кирилла и Мефодія. Но вотъ медленно подходитъ къ ней молодой человекъ высокаго роста, одѣтый въ рубище изъ черной шерстяной матеріи и опоясанный кожанымъ кушакомъ грубой работы. „Мой братъ Эльпидифоръ“ (что значитъ „носитель надежды“), представила его дама, на короткое время прорывая разговоръ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на насъ, „черный“ обра-

тился къ своей сестрѣ, какъ бы продолжая старый, уже давно начатый споръ. „Ты говоришь о Кириллѣ и Меѳодіи, приданныхъ давно забвенію и желаешь покрыть нашъ народъ новой плѣстью; между тѣмъ вблизи тебя возсталъ новый славянскій апостоль, болѣе великій и вѣрный, чѣмъ тѣ святыя мужи, хотя и еще мало къмъ признанный.“ — „Твой графъ Толстой для церкви только опасный еретикъ; ему-бы лучше оставаться при своихъ романахъ.“ — „Графомъ Толстымъ его свѣтъ называетъ: его считаютъ первымъ романистомъ Россіи. Но отъ титула, имени и славы онъ отрекается и желаетъ быть только ученикомъ Христа; онъ облачается въ одежду бѣднаго. — Великимъ еретикомъ ты его называешь; и Христа еретикомъ называли. Но въ самомъ дѣлѣ Левъ Толстой заслуживаетъ мѣста рядомъ съ Христомъ, ибо восемнадцать столѣтій прошло и Онъ не нашель апостола и послѣдователя равнаго Толстому.“ — „Нигилистъ, потрясающій въ основахъ и церковь и государство!“ — „Тѣмъ хуже для церкви и государства, если ученія Христа потрясають ихъ; тотъ нигилизмъ полезенъ, который разоблачаетъ ложные свѣтскіе призраки, которые заслоняють святую правду.“ — И въ восторженной рѣчи черный теперь излагаетъ въ краткихъ словахъ „Святую правду,“ какъ Толстой изображаетъ ее въ своихъ ученіяхъ... „Это, въ самомъ дѣлѣ ученіе, способное сдѣлать русскій народъ посмѣшнымъ для его враговъ.“ — „Развѣ русскій народъ доставить тебѣ спасеніе? А когда поляки опять вторгнутся въ Россію и нѣмцы съ Кремля надъ нами властвовать будутъ? Тогда Христось будетъ на сторонѣ покоренныхъ, а не покорителей. Выбирай, на чьей ты желаешь быть сторонѣ!“ ... Когда рассказчикъ оставилъ набожную даму и въ сопровожденіи ея супруга-нѣмца пошелъ въ залъ; тамъ съ ними встрѣтился знатный, русскій священникъ, высокій, статный мужчина съ гордой паходкой и такимъ же взоромъ; голова его была похожа на голову святого Іоанна Крестителя.

„Voilà l'homme,“ говоритъ хозяйнъ дома. „Бѣдный мой другъ, твой недугъ неизцѣлимъ!“ Возбужденное Толстымъ раньше уже подготовленное Пашковымъ движеніе страшно скоро проникло изъ высшихъ слоевъ общества въ низшіе. Уже въ 1881 году Достоевскій, указывая въ своемъ романѣ „Братья Карамазовы“ на опасность движенія влагаетъ въ уста чиновника тайной полиціи слова: „Безбожники-соціалисты сравнительно безопасны, христіанскихъ-же соціалистовъ совершенно поймать нельзя.“ Тамъ же онъ изобразилъ отцеубійцу, повара Смердякова, вольнодумцемъ и притомъ особенно подчеркнулъ, что это, моль будущій типъ русскаго народа. — Какъ вѣрно это предсказаніе, очевидно изъ колоссальнаго, обнимающаго отъ 6—7 милліоновъ томовъ, распространенія сочиненій Толстого на русскомъ языкѣ (подробнѣе это упомянуто на стр. 0). Этимъ доказывается непосредственно, какую опасность представляетъ для невоспитаннаго населенія Россіи педагогическое ученіе Толстого, отвергающее всякое разумное „воспитаніе“ и, взаменъ его, указывающее на опасеніе путемъ непровѣреннаго „откровенія“ и „пробужденія.“

Но и для западной Европы педагогическое ученіе Толстого не настолько безопасно, какъ это, быть можетъ, кажется на первый взглядъ.

Оно навѣрное было-бы таковымъ, если-бы тамъ все еще повсюду цѣнились воспитаніе дѣтей и строгій домашній порядокъ. Будь это такъ, тамъ осмѣяли бы педагогику Толстого навѣрно въ такой же степени, какъ это дѣлается въ Китаѣ, гдѣ домашнее воспитаніе считается самымъ святымъ долгомъ; ее презирали бы какъ самое ужасное варварство.

Но. теперъ новыя вѣянія проникшія на западъ, были причиною того, что семейные узы стали ослабѣвать и нарушилась святость домашняго очага. Женщина новаго времени старается

исполнить свое назначеніе уже не какъ хозяйка и какъ воспитательница своихъ дѣтей, но какъ ученая, какъ врачъ, какъ художникъ, какъ служащая въ административныхъ учрежденіяхъ, какъ работница въ мастерскихъ и на фабрикахъ, однимъ словомъ, какъ соперница мужчины, затрудняя ему устройство и веденіе хозяйства. Для впавшихъ въ такое заблужденіе и склонныхъ къ пренебреженію своими дѣтьми, педагогика Толстого не будетъ казаться страшной, напротивъ того, онѣ въ ней найдутъ желанный, благовидный предлогъ, для своего противуестественнаго превратнаго направленія. Онѣ упираясь на крупный авторитетъ Толстого предадутся этому направленію, нисколько не затрудняясь, даже съ воодушевленіемъ увѣренныя что этимъ принесутъ пользу человечеству.

Къ тому же уже слишкомъ часто, и, къ сожаленію не безъ причины, слышны жалобы, что въ нашихъ школахъ обращаютъ чуть не исключительное вниманіе на преподаваніе, и почти совершенно не заботятся о воспитаніи; что учитель подобно поденщику даетъ свои уроки и нисколько не заботится о гораздо болѣе важной задачѣ: способствовать нравственному развитію ученика. Въ самомъ дѣлѣ, первое гораздо легче и менѣе отвѣтственно, чѣмъ послѣднее, и было-бы удивительно, если бы многимъ изъ нашихъ педагоговъ были нежеланные лжеученія Толстого въ цѣляхъ освобожденія своей педагогической совѣсти. Въ наше время, когда каждый торопится и юнится за наживой, навѣрно больше чѣмъ когда либо слѣдуетъ обращать вниманіе на нравственную твердость характера; потому такую теорію, которая подобно выставленной Толстымъ, отвергаетъ всякое воспитаніе, во всякомъ случаѣ надо признать и для нашего запада безсомнѣнно вредной и опасной и тѣмъ болѣе еще вредной и опасной что она опирается на высокій авторитетъ извѣстнаго всему міру художника и пророка.

И такъ Толстой уже какъ педагогъ-дилетантъ какимъ онъ началъ свою практическую карьеру, обнаружить, что онъ одержимъ маніей, которая парализуетъ способность правильно разсуждать, и препятствуетъ вразумленію путемъ опыта.

V. Толстой какъ теозофъ.

Толстому не разъ представлялась возможность быть вразумленнымъ путемъ опыта; однако эти случаи, вмѣсто того чтобы принести ему пользу, только повредили ему. Что для одного полезно, то для другого можетъ быть вреднымъ.

Нерѣдко стараются доказать справедливость какого-нибудь утвержденія словами: „да я вѣдь самъ подобное изъ опыта узналъ.“ Но кромѣ опыта нужно еще многое, чѣмъ не всякій обладаетъ. Одно и тоже приключеніе можетъ случится со многими, не производя на всѣхъ равнаго впечатлѣнія. На однихъ гроза, напимѣръ, производитъ только мимолетное внѣшнее впечатленіе, нисколько не заставляя ихъ призадуматься надъ ней. Сюда слѣдуетъ отнести Веддовъ, по мнѣнію которыхъ всѣ явленія природы сами собою разумѣются. Другіе видятъ (т. е. узнаютъ на основаніи своихъ предположеній) въ ревѣ грозовой бури проявленіе божества, карающаго, если испорченъ посѣвъ, благословляющаго, — если пойдетъ плодотворный дождь; и божеству приносятся очистительныя жертвы и жертвы благодарственныя. — Третьи опять-таки обращаютъ вниманіе на явленія природы и ихъ причинную связь. Опустошающіе гроза и градъ побуждаютъ ихъ къ изслѣдованію причины происхожденія и къ критическому анализу представляющихъ къ тому гипотезъ. И имъ тогда удается „на основаніи наблюденія и опыта“ предотвратить на долгое время эти поврежденія, путемъ, напим. насажденія деревьевъ на обез-

лѣсѣнныхъ горахъ или путемъ мортирной стрѣльбы для вызванія дождя, или-же, если нельзя было найти предохранительныхъ средствъ, путемъ страхованія отъ градобитія. — Изслѣдовать причинную связь явленій, безпристрастно критиковать представляющіяся гипотезы, не довѣрять событіямъ собственной жизни, осторожно удостовѣряться въ ихъ дѣйствительности, все это не входило въ задачу Толстого. Для него, великаго художника, сумѣвшаго съ удивительной силой заразить жаждою истины читателя, для него, — художника — импрессиониста и необученнаго мечтателя, было важнѣе путемъ откровенія быть просвѣщеннымъ, безъ предварительнаго изслѣдованія и далеко бросать блестящіе лучи своего просвѣщенія. И очень многіе изъ тѣхъ, которые находясь въ болѣе или менѣе сознательно-безпомощномъ положеніи, подобно Толстому, носились по морю жизни безъ компаса и руля, приняли исходящіе отъ могучаго пророка лучи за спасающій маячный огонь, безъ изслѣдованія не есть-ли онъ роковой, вводящій въ обманъ, блуждающій огонь.

Для оцѣнки ученій Толстого, прежде всего необходимо, обратить вниманіе на ихъ происхожденіе, руководясь здѣсь упомянутыми уже на стр. 6 и 7 сочиненіями его: „Моя исповѣдь“, „Въ чемъ состоитъ моя вѣра?“ и „Религія и нравственность.“

Послѣ педагогической дѣятельности Толстого, которая не была въ силахъ парализовать для него ничтожество земной жизни, и послѣ его женитьбы, которая, какъ онъ надѣялся, доставитъ ему удовлетворяющее существованіе, для него настала теперь блестящая эпоха поэтической дѣятельности: въ самое короткое время онъ становится писателемъ, произведенія котораго больше всего читаются русскимъ народомъ, и превращается тѣмъ самымъ въ весьма зажиточнаго чело-вѣка. Онъ могъ-бы жить въ полномъ довольствіи, еслибы, вслѣдствіе важнаго обстоятельства, для него не насталъ „дама-

сковъ день“. — Живя въ деревнѣ, вдали отъ шумнаго свѣта, онъ задался вопросомъ, какъ ему слѣдуетъ воспитывать или, лучше говоря, обучать своихъ подрастающихъ дѣтей. Теперь онъ долженъ былъ заниматься этимъ вопросомъ уже серьезнѣе, чѣмъ тогда, когда, будучи школьнымъ учителемъ, испыталь свои учительскія способности на крестьянскихъ мальчикахъ *in corpore vilii*. Теперь уже больше не приходилось спрашивать учениковъ, чего они желали узнавать, а надо было серьезно обсудить, какое ученіе, что-бы не сказать какое воспитаніе принесетъ пользу собственнымъ дѣтямъ. Необходимость требовать провѣрки личныхъ познаній. И на серьезный вопросъ, что я знаю, чему могу, чему долженъ учить? дилеттантъ откровенно долженъ былъ отвѣтить: „Ничего, ровно ничего, что въ слѣпой вѣрѣ можно было-бы сообщать другимъ.

Въ тоже время онъ долженъ былъ сознать, какому непростительному, легкомысленному образу жизни онъ предается, подобно другимъ писателямъ — современникамъ этого періода самоувѣренныхъ реформъ.

Ему, какъ и всѣмъ другимъ, показалось святой миссіей обучать народъ, всѣ они были убѣждены, что чѣмъ большее число печатныхъ книгъ находится въ продажѣ, тѣмъ больше это способствуетъ просвѣщенію народа („Исповѣдь“, стр. 13) и никто не считалъ нужнымъ задаться вопросами: „чему мы можемъ, чему мы должно учить?“ Да, они даже сами не вѣрили въ то, чему учили (*ibid.*, стр. 12). Это удручающее открытіе должно было-бы повидимому повести къ пополненію пробѣловъ и недостатковъ собственнаго образованія, къ надежному пріобрѣтенію всего достойнаго ученія и къ постановкѣ вопроса: какимъ путемъ могли быть пріобрѣтаемы положительныя знанія. Вмѣсто того, чтобы допытаться всего этого систематически, и начать дѣло съ основъ знанія, дилеттантическій художникъ и мечтатель тотчасъ-же желалъ получить отвѣтъ на послѣдніе вопросы, заданные жизнью“ (*ibid.* стр. 26),

на которые, какъ извѣстно уже заранѣе здраво мыслящему человѣку, вообще нельзя дать точнаго отвѣта.

Вопросы: Откуда? Куда? Какое значеніе имѣетъ моя жизнь? какая смерть моя? и. т. п. особенно послѣдній вопросъ, (ibid. стр. 17) постоянно мучили сбившагося съ пути и днемъ и ночью въ теченіи многихъ лѣтъ и довели его до отчаянія, притомъ до того ужаснаго, что онъ долженъ былъ избѣгать всего, что-бы могло стать въ его рукахъ орудіемъ самоубійства, какъ то огнестрѣльнаго оружія и веревокъ.

Такое беспомощное отчаяніе, постоянно чередующаяся смѣна радости и страха (ibid. стр. 79) заставили Толстого, при недостаткѣ терпѣнія и смѣлости, наложить на себя руку, углубиться въ ученіе церкви, укорененное въ немъ съ самага дѣтства. Когда-же оно, въ силу необходимости, должно было казаться ему противнымъ здравому смыслу и безуспѣшнымъ („безтолковая церковная вѣра можетъ быть принята развѣ только сумашедшими“ (ibid. стр. 64 и 65), онъ, вслѣдствіе сдѣланнаго ему замѣчанія, что безчисленные милліоны людей довольствуются имъ, задался вопросомъ, не самъ-ли онъ пойметъ его смыслъ, если подобно простому человѣку, удовлетворенному имъ, добросовѣстно будетъ соблюдать освященные церковью обряды (ibid. стр. 78). Больше года онъ старался подчиниться требованіямъ церкви, терпѣливо соблюдая всѣ церковныя правила и, принимая участіе во всѣхъ обрядахъ общественнаго богослуженія, ему казалось, будто онъ въ этомъ находитъ облегченіе (ibid. стр. 89, 91, 92). Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока необходимость не потребовала рѣзкаго прекращенія этого опыта Толстой вполне ясно убѣдился въ томъ, что святое таинство Евхаристіи, отпушенія грѣховъ при причастіи, не можетъ быть принята безъ лицемѣрія и безъ весьма нахальнаго поручанія дарованнаго Богомъ здраваго разсудка. (Требованія моего ума правильны и кромѣ нихъ я ничего понять не могу (ibid. стр. 101). Это таинство скорѣе

слѣдовало-бы принять за дерзкое и безбожное колдовство. (ibid. стр. 93). Это послужило непреодолимымъ препятствіемъ въ сношеніяхъ между Львомъ Толстымъ и церковью. Чѣмъ тщательнѣе онъ сталъ разбирать принципы, выставленные церковью: неприязненность къ иновѣрцамъ, моленіе за побѣду, въ войнѣ русскаго оружія, оправданіе убіенія мятежниковъ и преступниковъ, принятіе присяги и. т. п., — тѣмъ нелѣпѣе и болѣе дерзкими казались они ему, какъ фальсификація ученія Христа. Не было въ томъ уже больше никакого сомнѣнія, что „церковь смѣшала правду съ неправдой“ (ibid. стр. 93—99).

Этимъ началась для Толстого вторая стадія теософскихъ его мечтаній; послѣ того какъ онъ за разсудкомъ призналъ право постановить окончательное рѣшеніе въ дѣлахъ даже святѣйшаго таинства церкви и отвергать его, онъ, по видимому долженъ былъ бы подвергнуть критическому изслѣдованію всѣ безъ исключенія догматы церкви, чтобы ясно понять, допустимы ли они и можно-ли стоять за основныя положенія догматовъ церкви, съ которыми она неразрывно связана.*) Вмѣсто этого Толстой счелъ себя въ правѣ, по собственному усмотрѣнію выбирать между догматами церкви соглашаясь съ одними и отвергая другіе.

Ученіе бытія и воздѣйствіи всемогущаго Бога, премудраго Творца и всеблагаго хранителя міра, Толстой молча принялъ, безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія и призналъ за нимъ право существованія въ такомъ-же смыслѣ, въ какомъ оно было внушено ему, съ самага дѣтства, какъ было упомянуто выше, онъ освободилъ себя принципіально и для большаго удобства отъ отвѣта на щекотливый вопросъ, объ осно-

*) Толстой облегчаетъ себѣ дѣло, принципіально освобождая себя отъ этой задачи; „Нельзя, молъ, требовать, что-бы для цѣлаго искали объясненія, ибо цѣлое, какъ принципъ вселенной, въ вѣчности должно оставаться тайной для всѣхъ,“ „ему необходимо узнать различіе, существующее между правдой и неправдой.“

вательности этого ученія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ придерживался того, противнаго церкви убѣжденія, что человѣкъ, происшедшій отъ всеобъемлющаго Божества, по самой природѣ своей, добръ, неиспорченъ непонятнымъ грехопаденіемъ и способенъ собственными силами, сообразно переданнымъ Иисусомъ Христомъ заповѣдямъ, счастливо и удовлетворительно устроить свою земную жизнь. Убѣжденіе о загробномъ существованіи души, для вѣчныхъ мученій, или для вѣчнаго блаженства, необходимо отвергнуть, какъ предположеніе и нечестивое и неразумное. Послѣ смерти человѣку предстоитъ воссоединеніе съ божествомъ.

Но такъ какъ положенія, противорѣчащія ученію церкви, нельзя согласовать съ нѣкоторыми мѣстами Евангелія и апостолскихъ дѣяній, въ той редакціи, въ которой мы ихъ имѣемъ, то Толстого, въ силу необходимости, должно было возникнуть подозрѣніе, что они только отчасти содержатъ подлинное ученіе Христа, а отчасти дополнительныя, быть можетъ умышленныя, тенденціозныя поддѣлки.

Этимъ для Толстото началась 3-ья стадія теософскихъ мечтаній. Онъ видѣлъ себя вынужденнымъ, подвергать вышеупомянутыя мѣста Новаго Завѣта основательному критическому разсмотрѣнію и онъ съ терпѣливымъ прилежаніемъ вполне посвятилъ себя этой задачѣ. Но приступилъ ли онъ къ ней съ достаточнымъ безпристрастіемъ и съ должной осматрительностью, — это уже выяснится въ продолженіи настоящаго изслѣдованія.

Толстой нисколько не жалѣлъ ни старанія ни труда. Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ старался восполнить пробилы своихъ познаній въ греческомъ языкѣ и выучился по еврейски; онъ сличалъ различные тексты Новаго Завѣта какъ между собою, такъ и съ новѣйшими переводами; равнымъ образомъ и творенія отцовъ церкви въ значительнымъ числѣ; не менѣе старался онъ вникнуть въ исторію философіи и въ исторію

религіи вообще; равнымъ образомъ и въ науки, т. е. въ химію и физику и въ естествовѣдѣніе, въ біологію, въ правовѣдѣніе, въ политическую экономію и т. п., ибо всѣ эти области науки должны были служить ему доказательствомъ въ его теософскихъ разсужденіяхъ.

Но изученіемъ всего этого онъ, какъ можно сильно утверждать, занимался не только дилетантически, самоучкой, заглядывая то туда, то сюда, но и (что еще гораздо хуже и особенно характеризуетъ его сильную жажду истины) отнюдь не какъ изслѣдователь голыи правды, а скорѣе какъ человѣкъ, старающій ея настоять прежде всего на своемъ предубѣжденіи. При этомъ въ силу необходимости должны были ускользнуть отъ его вниманія всѣ противорѣчающіе аргументы. Съ нимъ случилось то-же самое, что и съ тѣмъ, кто на деревѣ искалъ плоды, не замѣчая притомъ, что все дерево въ цвѣту и что въ его вѣтвяхъ сидятъ птицы и потому отрицалъ съ увѣренностью существованіе плодовъ. — Въ самомъ дѣлѣ, если слѣдить за теософскими и философскими разсужденіями Толстого, за его возрѣніями въ области морали, за социалистическими и анархическими трактатами, то кажется будто Толстой нарочно избѣгалъ всего того, что могло разувѣрить его въ его навязчивой идеи. Этимъ, вѣроятно, объясняется странный фактъ, о которомъ упоминаетъ Цабель въ вышеобозначенномъ мѣстѣ, а именно: что весьма значительная часть огромной бібліотеки Толстого состоитъ изъ неразрѣзанныхъ еще книгъ. Повидимому Толстой совсѣмъ только повѣрхностно просматривалъ ихъ и тотчасъ-же откладывалъ ихъ опять въ сторону, какъ только онѣ казались ему неподходящимъ для поддержки его предубѣжденія. Этимъ объясняется, что Толстой въ своихъ теоретическихъ произведеніяхъ употребляетъ слово „наука“ всегда только въ презрительномъ смыслѣ и при этомъ каждый разъ на „науку“ сваливаетъ такіа нелѣпости, въ которыхъ можно винить только самыя

крайнія, ненавистныя ему направленія. И это онъ приводитъ повсюду съ дерзкимъ апломбомъ будто во всей „наукѣ“ вообще нѣтъ рѣшительно никакихъ заслуживающихъ уваженія пріобрѣтеній.

Такимъ образомъ Толстой самымъ крайнимъ и даже въ высшей степени страннымъ образомъ воспользовался, нисколько не оправдывая себя въ послѣдствіи, дедуктивнымъ методомъ мышленія, которымъ онъ, принявъ болѣе или менѣе произвольно избранную исходную точку, старается доказать свою правоту. — И такъ умственная дѣятельность Толстого, начиная съ его „Дамаскова дня,“ все болѣе и болѣе приняла явно патологическій характеръ, напоминая собою симптомы болѣзни, которые, какъ и склонность къ мечтанію, мозговая неврастенія прогрессивный параличъ и т. п. имѣютъ общія черты, какъ то навязчивыя идеи, „folie raisonnante“ и проч. Всѣ предварительныя условія для предположенія такого заболѣванія были даны прошлымъ Толстого. Сюда слѣдуетъ отнести склонность съ отрочества къ мечтанію, всякаго рода распутство въ молодые годы, особенно сильно растраивающія волненія, бывающія послѣдствіемъ страсти къ игрѣ, далѣе неправильная военная живнь и, въ концѣ концовъ доведенное до крайности, напряженіи силъ въ области художественнаго творчества.

Въ виду всего этого неудивительно, если въ теософскихъ и философскихъ разсужденіяхъ Толстого встрѣчаются весьма поразительныя черты. Такъ онъ напр. неоднократно смѣшиваетъ китайскаго мудреца Конфуція (Конгфуце), самого безпристрастнаго и разсудительнаго мыслителя, который, по всеобщему признанію, изложилъ не собственныя мысли, а привелъ только испытанныя предками житейскія правила, толкуя и защищая ихъ противъ неумѣренной мистики, съ его темнымъ и распутнымъ совершенникомъ Ляотце, съ Буддой, Пиеагоромъ и другими мистиками, пользуясь

ихъ именами по собственному усмотрѣнію. Вообще Толстой распространяетъ свои теософскія и философскія ученія, по-видимому, только на западъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: объ Индіи и дальнемъ востокѣ Азіи онъ, по всей вѣроятности имѣетъ только совсѣмъ смутное и фантастическое представленіе.

Если Толстой, во время своихъ стараній найти отвѣтъ на вопросъ о „смыслѣ жизни,“ въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣжденію, что этотъ вопросъ для философіи вообще вовсе не разрѣшимъ („исповѣдь,“ стр. 68), и если онъ въ послѣдствіе все-таки нашелъ „смыслъ жизни,“ который будто можно выразить словами (*ibid.* стр. 75), если, далѣе, это открытіе послужило руководствомъ для умственного направленія всей будущей жизни Толстого, то въ такомъ случаѣ это обстоятельство, послужившее причиной такой перемѣны въ высшей степени характерно для всего существа пророка.

Уже издавна въ Толстомъ пустила глубокіе корни любовь къ простому народу, названная Тургеневымъ истерической, и мономанія, что нравственную чистоту можно найти только у простого мужика (*ibid.* стр. 16 и 22). Къ этому присоединилось предположеніе, что только простому мужику понятно и незатруднительно рѣшеніе вопроса о смыслѣ жизни, потому что только онъ принимаетъ съ благодарностью жизнь со всѣми ея страданіями какъ благо; только онъ не страшится смерти. Та мечта и это предположеніе, во время его отчаянныхъ стараній найти выходъ изъ своего мучительнаго положенія, слились за тѣмъ въ немъ въ одну неискоренимую мономанію, вслѣдствіе приключенія, оставившаго въ немъ неизгладимые слѣды. Случайно онъ былъ свидѣтелемъ, какъ зажиточный раскольникъ, крестьянинъ Сготаевъ не только не допустилъ, чтобы отняли у воровки, укравшей у него куль съ мукой, краденнаго добра, но даже подарилъ ей, вдобавокъ еще второй куль муки, желая предохранить ее и въ будущемъ, отъ

искушенія снова воровать.*) Это приключеніе и дальнѣйшее знакомство съ Сготаевымъ, сильнаго вліянія котораго онъ самъ не отрицаетъ, привели въ послѣдствіи Толстого къ непоколебимому убѣжденію, что въ изреченіе Христа: „Не сопротивляйся злу надо видѣть главную и исходную точку для незатрудительнаго для простаго человѣка разгадыванія всѣхъ жизненныхъ загадокъ. Рѣшеніе этого вопроса доступно однако только, если подвергнуться всѣмъ условіямъ жизни и жить скромною во всѣхъ отношеніяхъ жизнью простаго человѣка. Съ этихъ поръ Толстой сталъ носить крестьянскую одежду, которую онъ собственноручно себѣ шьетъ, становится вегетаріанцемъ, принимаетъ участіе въ сельскихъ работахъ, какъ то въ вывозѣ удобренія, вспахиваніе, косыбѣ и т. п. Все это можетъ казаться третьему лицу чѣмъ то въ родѣ аскетическаго кокетства, пророкъ же „Ясной Поляны“ счелъ это священнымъ своимъ долгомъ; и теперь въ Толстомъ начинается система,*) которая завладѣла всѣми его теологическими, философскими и соціальными мыслями.

Все его мышленіе и всѣ его поступки носятъ съ этихъ поръ отпечатокъ руководящаго всѣмъ принципа „непротивленія злу.“

Хотя нетрудно понять глубокую безнравственность о ней будетъ рѣчь ниже, этого принципа, однако мы нигдѣ у Толстого не можемъ найти ни одного доказательства того, что у

*) Сравни: Eugène Melchior Vogüé: „Un sectaire russe“ въ „Revue des deux Mondes,“ Janvier 1883, стр. 56 и слѣд.; и того-же писателя: „Le comte Léon Tolstoï, там же, 15 Juillet 1885, стр. 264 и слѣд.; особенно стр. 296—298. Также и Шмиттъ на обозн. мѣстѣ, стр. 96 и 97.

*) Толстой, собственно говоря, не можетъ считаться мистикомъ, потому что его ученія представляютъ собою не безсвязное соединеніе неосновательныхъ убѣжденій. Онъ, скорѣе теософъ въ полномъ смыслѣ слова, которой изложилъ свои мистическія возрѣнія въ формѣ логически повидимому по строенной и замкнутой формѣ такъ называемаго мирозозерцанія, которое по мнѣнію его восторженныхъ приверженцевъ, какъ напр. Евгенія Генриха Шмиттъ, возведетъ человѣчество къ болѣе высокому прославленію невыразимаго величія души.

него когда-либо на этот счет серьезно возникало хоть малѣйшее сомнѣніе и что онъ имѣлъ поводъ удостовѣриться въ его состоятельности. Въ его глазахъ это было непосредственное „откровеніе“, слѣдовательно и непогрѣшимый принципъ вѣры, нравственности и жизни. Состоятельность этого принципа разумѣлась сама собой и была неспорима тѣмъ болѣе еще потому, что принципъ этотъ былъ объявленъ ему той средой, въ которой единственно, будто-бы была понята, чистое, подлинное ученіе Христа и смыслъ жизни-именно средой простого народа.

Изъ этой навязчивой идеи, внушенной Толстому, этого „*idée fixe*“, недоступной никакой критикѣ, подобно мечтѣ гипнотизированнаго, вырабатывается теперь, путемъ продолжительнаго самовнушенія весь строй его лжеученій, которыя были тѣмъ опаснѣе и дѣйствовали тѣмъ заразительнѣе что они вытекали изъ распространеннаго, всѣми раздѣляемаго душевнаго состоянія: Шмиттъ съ полнымъ правомъ утверждаетъ (*ibid.* на стр. 75). Состояніе Толстого, доводящее его до самоубійства, было ни что иное какъ боль глубокаго отчаянія, вызваннаго въ глубинѣ сердца погибающаго культурнаго міра.

Здѣсь представляется случай познать опасность ученій Толстого въ ихъ важнейшихъ пунктахъ и во всѣмъ объемѣ. Откуда взялось это отчаяніе, укоренившееся въ глубинѣ души погибающаго культурнаго міра? Развѣ это явленіе для насъ совершенно новое, никогда еще не бывалое? Развѣ мы не знаемъ, напротивъ аналогичнаго явленія*) во времена упадка греческо-римской культуры, когда весь свѣтъ казалось,

*) И тогда уже зажиточные люди, владѣющіе всѣми жизненными благами, добровольно покидали жизнь, ставшую для нихъ бесполезной и пустой, — и тогда развратная роскошь выскочекъ съ колоссальными богатствами, распространялась на ряду съ голодавшими пролетаріями и безнадежнымъ пауперизмомъ; — какъ въ Англіи еще теперь, такъ и тогда бросали земледѣліе и превращали обширныя пашни въ пастбища; — при широкомъ раздѣленіи труда развивалась промышленность; при неутомимой погонѣ

разшатался и человѣчество лишилось всякаго устоя и всякаго утѣшенія въ жизни? И не повторялось ли то-же самое явленіе уже часто на западѣ?

Нѣсколько разъ въ Индіи, въ Египтѣ, въ передней и средней Азіи, гдѣ вездѣ представляются удивленнымъ взоромъ изслѣдователей цѣлые слои развалинъ и остатковъ чередующихся и погибшихъ, давно прошедшихъ и забытыхъ культуръ, которыя смѣнялись всегда продолжительнымъ глубокимъ варварствомъ, пока на опустѣлыхъ пространствахъ бывшей цивилизаціи и похороненнаго счастья не закипѣла новая жизнь; пока на мусорѣ храмовъ забытыхъ божествъ не воздвигались опять новыя святилища, для новыхъ божествъ и въ нихъ проповѣдывались новыя, имѣющія будто-бы вѣчную силу ученія, — а

за наживой, причемъ выскочки не боялись никакого униженія; — богатые жили въ постоянной боязни передъ востаніями невольниковъ, какъ ихъ въ наше время устрашаютъ социаль-демократы и анархизмъ; — въ высшихъ слояхъ общества браки заключались дѣловыми сватами и становились рѣже; бесплодіе ихъ возрастало; — становились чаще: умышленное вытравливаніе плода, дѣтоубійство и подкидываніе дѣтей, — раздельная любовная жизнь супруговъ, — господство любовницъ, — содержатели гостинницъ — сводники, путешествующіе сводники, безнравственность женщинъ, — задерживающее ихъ ростъ модное платье, съ цѣлью придать имъ видъ стройный, — любовь къ наркотическимъ средствамъ; — развращающія представленія, подобно нашихъ *varietes* и *Uberbrettl* которыя возбуждали чувственность своею двусмысленностью; сильное покровительство виртуозамъ; въ словесности въ одной стороны отвращеніе отъ народной вѣры, склонность къ всеобъясняющему толкованію, какъ у современнаго новоромантизма; также и пламенная ненависть къ дѣламъ вѣры; — съ другой стороны оживлечная защита религии, — страстное желаніе вернуться къ набожной вѣрѣ древнихъ временъ; суевѣріе, — лицемѣріе; — утонченное толкованіи догматовъ вѣры; — религиозная, доведенная до крайности нетерпимость; вѣра въ чудеса, какъ это мы видимъ въ спиритизмѣ; сильная склонность къ смѣшенію отчужденныхъ и иностранныхъ божествъ (ипокразія) какъ въ теперешнемъ новобуддизмѣ.

Доказательства къ тому находятъ: Ludwig Friedländer, *Sittengeschichte Roms* (6 Auflage, Leipzig 1888—1890) I стр. 411, 250, 250, 295, 296, 248 300, 412, 413, 392, 463, 60, 414, 419, 469, 443, II стр. 144, 90, I стр. 475. 476, 454. 596, II стр. 318, 459, III стр. 510 и 516, 513, 510, 516, 522, 551, bis 597 и 606, 532.

потому исторія философіи должна была склониться къ аксіонѣ : каждой культурѣ назначено только ограниченное существованіе, и все существующее лишь достойно погибнуть.

И вотъ пророкъ Левъ Толстой стремится разрушить новѣйшую западную культуру, именуемую Христіанской, со всей ея наукой и религіей, пережившихъ, будто, самихъ себя, и взамѣнъ ея положить начало еще небывалой, неописанной прелести ума.

Не слѣдуетъ-ли скорѣе ожидать, что эта система ученій вторгнетъ западной миръ снова въ глубокое варварство? въ послѣдствіи это будетъ доказано нами, когда мы приступимъ къ характеристикѣ Толстого какъ моралиста. Какъ-бы то ни было, но и другая точка зрѣнія ясно докажетъ всю пагубность и опасность ученій Толстого.

Пока изслѣдованіе исторіи ограничивалось только происшествіями на западѣ, гипотеза ея о необходимомъ временномъ и мѣстномъ ограниченіи всякой культуры, какъ и объ относительной самостоятельности ея казалась совершенно справедливой. Приобрѣтеніе каждой изъ западныхъ культуръ не является продолженіемъ прошедшихъ временъ, но на оборотъ возбуждаетъ въ послѣдствіи удивленіе тѣмъ, что подобное бывшее встрѣчалось уже въ оныя времена. Но шаткость этой гипотезы въ психологической ея всеобщности должна уже была выясниться историку обратившему свое вниманіе на дальний востокъ, гдѣ его взорамъ представлялась совершенно другая картина, онъ непремѣнно долженъ былъ сознать, что эта гипотеза имѣла значеніе только по отношенію къ западу.

Въ области китайской культурной жизни по крайней мѣрѣ въ теченіе 4500 лѣтъ происходило прогрессивное, распространяющееся развитіе безъ малѣйшей остановки, не говоря уже о регрессѣ и новомъ возвращеніи къ варварству. Здѣсь послѣдующія поколѣнія постоянно шли впередъ въ томъ же самомъ направленіи какъ и предки. Если исторія китайской

культуры и показываетъ, — какъ и все другое свойственное человѣку — кои какія колебанія и нерѣшительность сообразоваться съ новыми условіями жизни, эпохи то замедленной, то ускоренной жизни, мимолетныя отклоненія отъ надежнаго пути и возвращеніе къ нему-же и т. п., даже ожесточенную борьбу между усердными представителями новаго воображаемаго спасенія и устойчивыми хранителями давно испытанныхъ житейскихъ правилъ*), то вообще въ исторіи китайской культуры на сколько можно ее прослѣдить въ теченіе 4500 лѣтъ, держались постоянно и устойчиво однихъ и тѣхъ-же испытанныхъ жизненныхъ принциповъ. Единственно этому объясняется, что въ противоположность безпрестаннымъ тщетнымъ по неудававшимся культурнымъ напорамъ запада, кончавшимся каждый разъ новымъ варварскимъ владычествомъ, въ Китаѣ представляется величественный, однообразно укрѣпленный культурный строй, непоколебимый въ своихъ основахъ, который устоялъ противъ сильнѣйшихъ бурь и еще сегодня удѣляетъ мѣсто новымъ требованіямъ времени.

Въ чемъ-же состоитъ разница между этими обѣими культурными сферами, такъ значительно и рѣзко отличавшимся другъ отъ друга? По мнѣнію графа Гобино и Г. Ст. Чемберлена, можно было-бы предполагать, будто имѣемъ передъ собой человѣческія расы, одаренныя весьма различными способностями. Съ одной стороны однѣ, которыя ненасытны въ жадѣ истины; которыя во что-бы то ни стало, стремятся къ окончательному отвѣту на великіе, западочные вопросы бытія: „откуда?“ „къ чему?“ и „куда?“ и вообразивъ себя обрѣвшими такой удовлетворительный отвѣтъ, мнятъ себя столько-же вправѣ сколько обязанными внушить это свое воображеніе

*) Поразительный примѣръ этому составляетъ противоположность между либеральнымъ социалистомъ Ванъ-нанше, всемогущимъ министромъ съ 1068—1083 г. по рож. Хр. и его косервативнымъ противникомъ Се-макуангъ, упомянутыхъ въ моемъ сочиненіи „Die gelbe Gefahr als Moralproblem“ (Berlin 1902, стр. 124 и 204).

ближнимъ, даже насильно и въ ущербъ свободѣ и миру, а если это въ концѣ концовъ не удастся, терзаютъ и истребляютъ другъ друга. Другія опять таки уже нѣсколько тысячелѣтій нисколько не стараются добиться разрѣшенія вопросовъ: „Откуда? и „куда?“ а на вопросъ, къ чему?“ довольствуются уже нѣсколько тысячъ лѣтъ весьма простымъ отвѣтомъ: „Для того, чтобы будущія поколѣнія, слѣдуя нашему примѣру и постоянно развивая миръ и свободу, достигли-бы существованія болѣе счастливаго, чѣмъ оно было суждено намъ.“

Но такое предположеніе было бы во всякомъ случаѣ не вѣрно. Не различіе природныхъ наклонностей можетъ служить объясненіемъ, по чему вѣрующіе въ загробную жизнь съ одной стороны и не вѣрующіе въ нее съ другой имѣютъ совершенно различныя воззрѣнія на жизнь, но это объясняется различіемъ въ мѣстахъ и въ основательности культурнаго образованія.

Несомнѣнные признаки указываютъ на то, что и китайцы нѣкогда въ далекія, доисторическія времена вѣровали въ загробную жизнь. Ибо остатки ихъ культуры, потерявшіе уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ всякое богослужбное значеніе и служащіе только какъ вспомогательныя мнемоническія средства моральной дисциплины,*) служатъ явнымъ доказательствомъ, что китайцы въ доисторическія времена, какъ еще и теперь жители востока, приносили жертвы богамъ и вѣровали въ загробную жизнь. Но въ эпоху которую нельзя точнѣ обозначить**) они прекратили всякое

*) Сравни мое только-что упомянутое сочиненіе: „Die gelbe Gefahr als Moralproblem“ стр. 259 и слѣд.

**) Для опредѣленія этой эпохи можно привести въ болѣе или меньшую вѣроятностью только слѣдующее; Уже болѣе чѣмъ 15,000 лѣтъ тому назадъ китайскій народъ достигъ высокую степень умственной культуры что ясно вытекаетъ изъ его тогдашняго опредѣленія мѣсто положенія солнца въ зодіакѣ (по сочин. Dr. Gustav Schlegel; Kranographie chinoise (Leyden, 1875), T. Renbeaux: Sinnbilder aus dem Formenschatz der bildenden Künste und deren kulturgeschichtliche Bedeutung (Braunschweig 1895, стр. 32.)

богослуженіе, имѣвшее цѣлью достиженія вѣчнаго блага, въ томъ убѣжденіи, что вѣрные отвѣты на загадочные вопросы бытія: „Откуда?“ и „куда?“ совершенно непостижимые ограниченнымъ способностямъ человѣческаго ума.

Съ тѣхъ же поръ, какъ китайцы перестали вѣрить въ загробную жизнь, имъ и на умъ не приходило искать значеніе человѣка въ чемъ нибудь иномъ*), какъ въ достойномъ ста-

— Но въ то очень раннее время китайскій народъ еще былъ явно переданъ шаманству или многобожію или же деизму, ибо съ большою вѣроятностью вытекаетъ изъ остроумныхъ изслѣдованій Otto Häuser; („Die chinesische Lyrik“, съ „Beilage zur Allgemeine Zeitung“ 1901, №№ 106 и 107, что Эгипетъ образовалъ кругъ своихъ возрѣній по примѣру возрѣній средней и передней Азіи и что тутъ прежде всего Сумеріи переняли отъ Китая формы своей культуры, переданныхъ впоследствии Вавилонянами, Ассирянами и Персамъ. Какъ извѣстно, самыя древнія найденныя свидѣтельства вавилонской культуры не старше 12,000 лѣтъ и таковыя Эгипта не старше 10,000 лѣтъ. А такъ какъ Китай вступилъ въ исторію 4500 лѣтъ тому назадъ, уже не имѣя жрецовъ и съ совершенно такими же возрѣніями на жизнь какъ и теперь, то становится вѣроятнымъ, что китайцы не раньше 10,000 лѣтъ и не позже 5000 лѣтъ перестали вѣрить въ загробную жизнь.

*) Въ послѣдней главѣ своей книги: *L'Espagne sous Ferdinand VII* (Paris 1838) Marquis de Custine (II стр. 347 и слѣд.) предается размышленіямъ о тогда вышедшемъ и ставшемъ извѣстнымъ произведеніи Alexis de Torqueville. *La Democratie en Amerique*“, въ которомъ (I. стр. 8—10) говорится, что, повидимому предназначене міра концѣ концовъ стать демократіей, потому что даже и противники демократіи способствуютъ ея происхожденію. Онъ высказываетъ свое убѣжденіе, мотивируя его: „Творецъ міра не имѣлъ въ виду ни царскую власть въ какой либо изъ ея формъ, ни демократію, ни исполненіе какой либо житейской потребности ненасытнаго человѣка. Скорѣе божество благодаря невозможности хоть сколько нибудь удовлетворить человѣка въ его земной жизни, хотѣло указать на достижимое единственно въ загробной жизни блаженство. — Мы готовы назвать эту, впрочемъ мало оригинальную мысль нечестивой. Въ самомъ дѣлѣ если предположить, что божество внушило человѣку неотвязчивую тоску по загробной жизни, но въ то-же время одарило его ограниченнаго въ умственномъ отношеніи способностями, такъ что онъ нисколько не въ состояніи составить себѣ хоть какое-либо понятіе, исключая негативнаго отрицательнаго объ этой загробной жизни, то это значитъ, приписать божеству свойство сознательной жестокости и злорадства. Къ тому же тезисъ Marquis de Custine исходитъ отъ совершенно неправильнаго предположенія. На самомъ дѣлѣ всякій здоровый организмъ при нормальной жизни добивается удовлетворенія потребности мира и свободы, путемъ добровольнаго подчи-

ранія устройствъ жизни, не только собственной, но и ближнихъ и грядущихъ поколѣннй имѣющей цѣлью возможно полное удовлетвореніе потребности мира и свободы, врожденной всякому человѣку. Быть человѣколюбивымъ и путемъ примѣра и воспитанія способствовать мирному и свободолюбивому человѣколюбію, вотъ въ чемъ, а ни въ иномъ видить китаецъ назначеніе и смыслъ жизни.

Поэтому то китайцамъ никогда не могло приходиться на умъ, лишить ближняго независимости и свободы, на которые онъ имѣлъ полное право, ограниченіемъ свободы мыслей и вѣроисповѣданія, пока ею не пользуются для нарушенія всеобщаго мирнаго и свободолюбиваго порядка. Стать такими мирными и свободолюбивыми отрицателями загробной жизни, подобно китайцамъ, наконецъ освободиться отъ умственныхъ оковъ, тяготѣвшихъ надъ западомъ, и отъ рабства, въ которомъ онъ находился, вотъ къ чему стремится западъ въ своемъ развитіи съ давнихъ поръ, даже нѣсколько уже столѣтій сряду, и притомъ несмотря на нѣкоторыя препятствія, вызванныя ошибками, задерживающими движеніе, и сильное корыстолюбіе, съ такой рѣшительностью и съ столь разнообразными вспомогательными средствами для достиженія цѣли, какъ это никогда еще не наблюдали въ теченіи всѣхъ тысячелѣтій на протяженіи отъ Индіи до столбовъ Геркулеса и дальше, до восточнаго берега Тихаго Океана. Уже пятьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ дальнозоркій извѣстный миссіонеръ Лазаристовъ, Гюкъ, говоря о непризнаніи китайцами загробной жизни, ихъ религіозномъ индеферентизмѣ, произнесъ слѣдующія многозначительныя слова: „Европа только желаетъ еще стать тѣмъ, чѣмъ Китай уже есть въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій.*)

ненія своихъ самостоятельно живущихъ частей цѣлямъ цѣлаго. Такъ наприм. и китайскій міръ въ теченіе уже нѣсколькихъ тысячелѣтій находитъ удовлетвореніе въ мудромъ соединеніи сильно развитаго демократическаго самоуправления съ абсолютной царской властью, имѣющей въ виду благо цѣлаго. Confr. сочиненіи того-же автора „Die gelbe Gefahr“ стр. 196—211.

*) „Das chinesisches Reich“ (deutsch Leipzig 1856) II стр. 109.

И какіе огромные успѣхи въ достиженіи своей цѣли сдѣлали съ тѣхъ поръ движеніе! „Научный матеріализмъ, ставшій тогда господствующимъ и служащій послѣднимъ убѣжищемъ какъ мистиковъ, такъ и социаль-демократовъ и анархистовъ, теперь, на нашихъ глазахъ, осмѣивается какъ безумное заблужденіе.

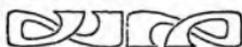
Изъ механики, физики, химіи и изъ всѣхъ біологическихъ наукъ исключается всякая мистика съ полнымъ сознаниемъ. Гипотезы съ мистической окраской сознательно употребляются только какъ вспомогательныя понятія, наука уже отрезвилась и стала феноменальнымъ созерцаниемъ природы*). Во всемъ Христіанскомъ мірѣ открыто слышутся трогательныя жалобы на распространеніе религіознаго индеферентизма послѣ того, какъ уже тридцать два года тому назадъ былъ констатированъ фактъ, что въ Берлинѣ, напр. по воскресеньямъ посѣщаютъ церковь среднимъ числомъ только 1,536 0/0 изъ всѣхъ протестантскихъ жителей.**)

Графъ Левъ Толстой не обращалъ вниманія на очевидное

*) Сравни: Dr. Hans Kleinpeter: Phänomenalistische Natur- und Weltanschauung in „Beilage zur Allgemeinen Zeitung“ 1901, №. №. 206 и 207.

**) Изъ числа 11,900 посѣщавшихъ церковь, надо исключить 2225 посѣтителей собора, служащаю главнымъ образомъ эстетическимъ цѣлямъ, послѣ чего остаются только 9675 посѣщавшихъ церковь, значить только 1,536 0/0 изъ всѣхъ 630,000 протестантскихъ жителей (Städtisches Jahrbuch für Berlin IV (Berlin 1870, стр. 148). Если же теперь изъ этого вычесть довольно значительное навѣрно число тѣхъ, которые не изъ сердечной потребности, а въ видахъ службы и изъ уваженія къ начальству или же принимая во вниманіе торговые интересы, посѣщаютъ церковь изъ ханжества, то остается наврядъ-ли болѣе 10/0. Это было 32 года тому назадъ. А какъ обстоитъ это сегодня? Сегодня, профессоръ богословія публично констатируетъ тотъ фактъ, что въ образованныхъ слояхъ общества на самомъ дѣлѣ отвернулись отъ религіи, что современная нерелигіозность распространилась далѣе чѣмъ когда либо античная, что и въ государствѣ и въ политикѣ и обществѣ и хозяйственной системѣ — нигдѣ не приходится встрѣчать религіи, что они продолжаютъ развиваться независимо отъ того, разлагается ли религія или нѣтъ; что вообще церковность потрясена и распадается! Богословскій сотрудникъ журнала „Grenzboten“ посмѣлъ высказать безъ возраженія: „Вездѣ, какъ и у насъ четырнадцатилѣтній уже освободился отъ настоящей богобоязни съ ея будто колючимъ ошейникомъ страха передъ загробной пыткой. (Смотри: „Критика“ (Berlin 1897, стр. 693.)

стремленіе запада къ болѣе зрѣлому воззрѣнію на жизнь, къ отрицанію загробной жизни. Въ высшей степени жаль, что онъ омраченный національными и личными навязчивыми идеями, не замѣчая, въ какую сторону направлена стрѣлка времени, безсознательно служить съ громадными своими поэтическими способностями тѣмъ, которые стараются опять навязать западу мистическое воззрѣніе на жизнь людей, вѣрующихъ въ загробное существованіе. Въ этомъ смыслѣ можно сказать вообще, что въ ретроградно-мистическомъ направленіи церковно-либеральныхъ, даже радикальныхъ и поэтому соблазнительныхъ ученіи Толстого состоитъ самая опасная ихъ сторона.

VI. Толстой какъ богословъ.

Не только въ видахъ практическихъ или личныхъ но и по отношенію къ морали и ея двойкой цѣли свободѣ и миру, заслуживаетъ вниманіе фактъ, могущій быть мѣриломъ для существующаго культурнаго уровня, именно фактъ, что на западѣ не слѣдуетъ касаться вопросовъ вѣры развѣ только въ кругу единовѣрцевъ (гдѣ это дѣлается для взаимнаго назиданія или общаго осужденія иновѣрцевъ) потому что каждый изъ вѣрующихъ на свой ладъ считаетъ себя монополистомъ истины и при каждомъ сомнѣніи на счетъ его личной истины теряется и обижается изъ за своего права на нее.*) Но въ

*) Иначе дѣло обстояло въ тѣ времена, когда церковь была еще „воинствующею и преслѣдованіе еретиковъ было дѣломъ похвальнымъ. Тогда господствующая религія при каждомъ случаѣ исповѣдовалась демонстративно какъ и прислѣжовавшаяся фанатиками, жаждавшими мученичества. Нынѣ на западѣ, уже съ нѣкоторыхъ поръ, считается приличной взаимная вѣротерпимость, но все еще не какъ въ китаѣ религіозный индифферентизмъ. По словамъ Гука, въ вышеозначенномъ мѣстѣ II 123) въ Китаѣ всюду признается, что культъ дѣло обычая, привычки и вкуса и члены различныхъ культовъ обыкновенно здоровуются слѣдующими вѣжливыми словами: „Культы различны, разумъ одинъ, всѣ мы между собою братья“.

данномъ случаѣ гдѣ слѣдуетъ указать на ученія Толстого какъ на гибельныя лжеученія, нельзя обращать вниманія на такой недостатокъ, но надо волей неволей мирится съ рискомъ возбудить негодованіе.

Всѣ безъ исключенія церкви и всѣ вѣроисповѣданія, съ полнымъ правомъ именуемая христіанскими, считаютъ Льва Николаевича Толстого еретическимъ лжеучителемъ, имѣя на то полное основаніе, такъ какъ всѣ христіанскія общины въ противоположность еретическимъ сектамъ операются на основномъ ученіи умышленно отвергнутымъ Толстымъ, а именно что безъ посредничества Христа-Спасителя человѣкъ не въ силахъ достигъ ни очищенія отъ грѣховъ, ни вѣчнаго блаженства. Толстой, какъ всѣ впрочемъ безъ исключенія христіане претендуетъ быть представителемъ первобытнаго христіанства.*)

Современно такъ же поступали всѣ древнѣйшія школы христіанства, изъ которыхъ каждая старалась выдвинуть на первый планъ своего особаго Христа и свое особое Евангеліе.***) Такъ поступали еврей-христіане, послѣдователи Петра всѣхъ рѣшительно направленій и язычники христіане, послѣдователи Павла и всѣ возникшія среди нихъ особыя школы; католики,***) происшедшіе изъ смѣшенія іудейскихъ и павловскихъ представлений и приверженцы философа іоанновскаго христіанства

*) По свидѣтельству Евг. Генр. Шмитта, который опираясь на письменныя документы считаетъ себя въ правѣ лучше самаго Толстого знать систему и ученіе его, и представляетъ ихъ яснѣе чѣмъ ихъ создатель, — по этому замѣчательному свидѣтельству Толстой прямо называетъ себя „первобытно-христіанскимъ анархистомъ.“

(Schmitt въ упом. книгѣ стр. 79). А право свое называть себя христіаниномъ, не смотря на всѣ свои отступленія отъ обычныхъ христіанскихъ ученій Толстой многократно съ убѣжденіемъ подчеркиваетъ такъ недавно въ своемъ отвѣтѣ синоду (во французкой рукописи Парижъ 1901 edition de la Revue blanche) по поводу постигшаго его отлученія.

*⁴) Сравни: Otto Pfeleiderer: „Der Paulinismus, Beitrag zur urchristlichen Theologie.“ (Leipzig 1893) стр. 2.

*²) Тамъ же, стр. 406 какъ и Otto Pfeleiderer „Geschichte der Religion“ II (Leipzig 1878 стр. 468 и слѣд.)

логось*) а также и всѣ протестанты, которые отрелись отъ католицизма ставшаго слишкомъ свѣтскимъ изъ желанія возвратиться къ нормамъ первобытнаго христіанства, представляющему христіанское ученіе въ первобытной чистотѣ.

Но первобытное христіанство вовсе не есть такая форма существованія христіанства которую можно было бы исторически доказать. Настоящаго первобытнаго христіанства никогда не существовало и нигдѣ какъ таковое не можетъ быть доказано. Напротивъ мнѣнія о томъ, кто былъ Христось, къѣмъ онъ хотѣлъ быть, что онъ училъ, къ чему стремился, какъ дѣйствовалъ и чему проложилъ дорогу, уже съ самага начала совершенно раздѣлились и совершенно невозможно безъ предубѣжденій назвать какое либо изъ этихъ направленій первобытнымъ христіанствомъ. И такъ первобытное христіанство ни что иное, какъ болѣе или менѣе произвольно построенное отвлеченное понятіе, а именно идеаль чистого ученія Христа и безпорочной христіанской жизни къ которому стремится каждое христіанское ученіе. Само собою разумеется, что сообразно характеру каждого отдѣльнаго христіанскаго возрѣнія ему и представляется особое первобытное христіанство, которое всѣми другими считается болѣе или менѣе еретическимъ. Слѣдовательно для объективной критики ученіе Толстого, не примимающаго участія въ спорахъ этихъ школъ одинъ только фактъ, что Толстой всѣми религіозными партіями признается еретикомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться достаточнымъ поводомъ объявить его пагубнымъ и опаснымъ лжеучителемъ. Особенная пагубность и опасность въ личности Толстого заключается не въ выставленіи своеобразнаго еретичнаго ученія ибо вѣдь всегда ереси устраняются тѣмъ или инымъ способомъ но напротивъ въ томъ что онъ вообще выставилъ религіозное ученіе кажущееся новымъ и

*) Otto Pfleiderer: Geschichte der Religion II (Leipzig 1878) стр. 476 и др. слѣд.

потомъ старается распространить его со свойственной ему громадной гипнотизирующей силой. Наше ужасно беспомощное время вовсе не нуждается въ новыхъ религіозныхъ ученіяхъ а напротивъ въ совершенно другомъ средствѣ спасенія, необходимость котораго вытекаетъ изъ нижеслѣдующаго разсужденія. Указаніе на аналогію, существующую особенно въ высшихъ слояхъ общества между современной эпохою и эпохой переворота лѣточисленія, стало общимъ избитымъ мѣстомъ. Тогда какъ и теперь наблюдалась возрастающая склонность къ безбрачію; ослабѣваніе семейныхъ узъ; скопленіе громадныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ, бессмысленная роскошь, изнѣженность въ похотяхъ всякаго рода: — и что самое скверное больше всего угрожающее будущему, это уничтоженіе гармоническаго равновѣсія на умственномъ поприщѣ. Какъ тогда такъ и теперь почти та же самая безнадежная безсвязность вслѣдствіе утраты всего того что служило нравственной опорой. Смыслъ жизни какъ называетъ это Толстой и теперь остается непонятнымъ какъ это было и тогда; теперь какъ и тогда поразительно часто жизнь считалась невыносимымъ бременемъ и бросилась, особенно богатые люди, одаренные всѣми благами добровольно лишали себя жизни. Кажется что то же самое зрѣлище повторялось вездѣ и всегда на западѣ, когда какая-нибудь культурная эпоха отживала свой вѣкъ. Гораздо рѣже отмѣчалась разница, характеризующая обѣ эпохи въ ихъ противоположности, разница заслуживающая быть подчеркнутой самымъ энергичнымъ образомъ, потому что она даетъ намъ кажется возможность заключить что нашей культурѣ не суждено, какъ античной уступить мѣсто мрачному варварству, что она напротивъ, доставитъ однажды западу болѣе возвышенныя формы жизни. Мы не имѣемъ, въ виду часто слишкомъ высоко цѣнимыя техническія пріобрѣтенія, служащія средствомъ поощренія, придающіе нашему времени особый отпечатокъ, ибо они едва ли выше производства антич-

наго міра и переживуть разрушающія событія. Къ тому же они такъ сказать обоюдоострыя орудія дѣйствующія на умственномъ поприщѣ можетъ быть такъ же губельно, какъ и плодотворно. Напротивъ того современное направленіе мышленія распространяющееся все болѣе и болѣе обѣщаетъ доставить нашему вѣку продолжительное преимущество надъ всѣмъ прошлымъ запада.

Съ незапамятныхъ временъ человѣчество раздѣлялось относительно своего образа мышленія или какъ теперь говорятъ относительно своего міровозрѣнія на двѣ партіи. На западѣ, отъ Индіи до столбовъ Гергулеса какъ и въ другихъ странахъ еще болѣе или менѣе не имѣющихъ своей исторіи и болѣе дикихъ, продолжали предаваться мистическимъ и метафизическимъ увлеченіямъ т. е. стремленію разрѣшить неразрѣшимыя сами по себѣ міровыя вопросы поражаемые вопросами „откуда и куда,“ и изслѣдовать темный смыслъ жизни, здѣсь считали себя подъ господствомъ всесильныхъ сверхестественныхъ существъ, здѣсь цѣль жизни не искалась на землѣ не въ доступной окружающей средѣ а въ предполагаемой не постижимой уму загробной жизни. Изъ за изобильныхъ благъ обѣщаемыхъ въ вѣчности пренебрегали заботою о земномъ благосостояніи людей, оскорбленное и угнетенное человѣчество утѣшалось свѣтскими и духовными властителями надеждой на загробное блаженство или устрашалось угрозами вѣчныхъ мученій. Больше этого издавна здѣсь считали себя въ правѣ и даже обязанными ни только внушить ближнему собственное мистическое міровозрѣніе, но и въ случаѣ противорѣчія навязать его путемъ насилія, преслѣдованія „угрозы смерти“ кровавыхъ войнъ.

На далекомъ востокѣ Азіи, напротивъ уже съ несчетныхъ тысячелѣтій отказались отъ мистическихъ иллюзій официальныхъ защитниковъ ихъ уже не существовало болѣе 5000 лѣтъ тому назадъ въ Китаѣ. Уже съ начала своей засвидѣтельство-

ванной исторіи Китай не имѣетъ жрецовъ. Отголоски прежнихъ мистическихъ представленій уже тогда служили для простыхъ и высокопоставленныхъ только для неоднократнаго повторенія и закрѣпленія испытанныхъ житейскихъ правилъ для сохраненія уваженія къ нимъ и поддержки ихъ силы, примѣненія ихъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ жизни и такимъ образомъ безъ указаній на посмертныя вознагражденія и наказанія, эти ученія стремились обезпечить и поощрить мирное и свободолюбивое благосостояніе. Это съ незапамятныхъ временъ считалось въ Китаѣ задачею и смысломъ жизни, всякому доступнымъ тою задачею воспитанія, которой должны посвящать себя семья и государство служащее всеобъемлющимъ семейнымъ союзомъ. Притомъ въ Китаѣ никогда никому не запрещалось безъ ограниченія свободы ближняго и безъ нарушенія мира предаваться мистическимъ представленіямъ и возбуждать ихъ въ другихъ, независимо отъ того происходили ли они изъ забытыхъ уже традиціи изъ собственнаго мышленія или были они результатомъ чужеземнаго вліянія.

Столкновеніи изъ за вѣры, какъ то бывало на западѣ или даже религіозныхъ преслѣдованій и войнъ никогда не существовало въ Китаѣ и даже невысказуемо тамъ.

Вотъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ на западѣ со временъ Рожера Бэкона возникло новое направленіе, которое проявляется въ постоянно возрастающемъ размѣрѣ и имѣетъ цѣлью, путемъ безпристраснаго наблюденія и критическаго мышленія, положить конецъ вѣрованію и вытекающему изъ него почти постоянно безпокойному и угнетенному состоянію. Это умственное движеніе часто встрѣчало препятствія, но всякій разъ одолевало ихъ и для блага человѣчества стремится къ объединенію восточно-азіатской трезвости мысли съ западнымъ плодотворнымъ прилежаніемъ.

Препятствія, которыя встрѣчало это движеніе стремившихся къ свободѣ и миру обусловливались всегда привычкою на

основаніи принятыхъ безъ критики положеніе, дѣлать дальнѣйшіе логическіе выводы пока не становилась очевидною неосновательность окончательныхъ умазаключеніи. Въ послѣднемъ случаѣ повторяли ту же самую операцію исходя отъ измѣненныхъ или новыхъ положеній и т. д. Послѣдствіемъ этой привычки мышленія бывало то, что на развалинахъ низверженныхъ вѣрованій постоянно выводились новыя, и изъ потребности вѣрованія, внушеннаго путемъ воспитанія возникали и исчезали цѣлые ряды смутныхъ ученій, начиная съ ученія фанатиковъ и мистиковъ XVI столѣтія. Томаса Мюнцера, Іоанна Лейденскаго, Книппердоллинга, Петра Алкандарскаго, Молиноса, Мадамъ дэ Гульонъ, Фенелона и другихъ, до піетистовъ XVII вѣка: Спенера, Гаманна и другихъ, къ которымъ присоединились также и обманщики и мошенники, какъ то: Лесмеръ и Каглиостро и кончая новомодными спиритами, новобуддистами, позитивистами и монистами. И не только въ области религіи, но и между философами идеалистами Шеллингъ, Фихте и другими и матеріалистами Фейербахъ, Молешотъ и другими господствовали мистика, омрачая ясное и разумное мышленіе.

Къ сожаленію и Левъ Николаевичъ Толстой совершенно противъ воли и безсознательно присоединился къ числу тѣхъ, которые, вопреки новому безпристрастному направленію мышленія, стараются отодвинуть западъ назадъ въ область мистики, увѣковѣчить его неволю и безпокойство. Къ тому-же Толстой изо всѣхъ лжеапостоловъ мира и свободы самый опасный не только потому что его могучая личность какъ поэта предоставила ему безпримѣрно распространяющуюся извѣстность, но особенно потому, что его личность соотвѣтствуетъ почти во всѣхъ отношеніяхъ настоящимъ моднымъ направленіямъ, почему его и встрѣчаютъ почти во всѣхъ лагеряхъ современниковъ съ громкимъ восторгомъ. Всѣдствіе этого можно надѣяться, что апостольская и пророческая слава Тол-

стого какъ каждый модный предметъ будетъ не долговѣчною и что слѣдующія поколѣнія будутъ прославлять его лишь только какъ великаго поэта. Особенно какъ богословъ Толстой выступаетъ какъ модный новѣйшій, хотя его богословскія отношенія къ религіи вовсе не новыя а напротивъ того уже до него неоднократно осуждались церковью. Уже по одному чисто внѣшнему признаку можно узнать принадлежность Толстого къ новѣйшему направленію богословія: самый выдающійся представитель новѣйшаго богословія Адольфъ Гарнакъ неоднократно упоминаетъ Толстого въ своей извѣстной книгѣ „Das Wesen des Christentums“ (Leipzig 1901) „Суть христіанства“ на стр. 51, 68, 71 и 136 и притомъ всегда сочувственно.

Попытки указать подробно на сходство и на различіе между выдающимися церковными историками и богословскими дилетантами повели бы насъ далеко за границы этого сочиненія. Только на нѣкоторыя обстоятельства здѣсь необходимо указать.

Въ противоположность обычному правовѣрію Гарнакъ излагаетъ, что Христось вовсе не хотѣлъ установить ученія о своей личности и своемъ величій (въ вышеназн. книгѣ стр. 80) и если современники считали его спасителемъ и мессіей, то мы теперь этого не дѣлаемъ, для насъ это только понятно въ историческомъ смыслѣ. Гарнакъ отказывается отъ всего таинственнаго въ ритуалѣ, какъ отъ стереотипныхъ обрядовъ, сопровождаемыхъ символическими дѣйствіями. Также онъ отвергаетъ культъ мистерій и необходимость обряднаго ритуала: чтобы разрушить все это Христось далъ себя распять (въ вышеупомянутой книгѣ, стр. 147 и 148). Со всѣмъ этимъ Толстой вполне согласенъ, что ясно для cadaго, знающаго его сочиненія. Но важнѣе всего то, что какъ Гарнакъ, такъ и Толстой со всѣми новомодными богословами не считаютъ всѣ евангелія исключительно непогрѣшимымъ словомъ Божиємъ (даже три первыя евангелія при многократныхъ ихъ уклоне-

ніяхъ будто не точныя лѣтописи), а только средствами для евангелизаціи принадлежащими палеонтологической еврейской эпохѣ омраченными указаніями на вѣтхозавѣтныя пророчества усиливающія чудеса (въ указаной книгѣ стр. 12—14). Они считаютъ себя въ правѣ по собственному усмотрѣнію въ освѣщеніи собственнаго разума дарованнаго Богомъ, выбирать изъ евангелій и апостольскихъ посланій то, что имъ кажется истиннымъ и драгоцѣннымъ, остальное же отвергать какъ позднѣйшія христіанскія вставки. При такомъ основательномъ критическомъ разборѣ, Гарнакъ, какъ объективно разсуждающій человѣкъ пользуется наукою, громаднымъ многостороннимъ церковно-историческимъ матеріаломъ а Толстой поступаетъ при этомъ не только какъ (можно сказать подобно почти самоувѣренному мальчику) дилетантъ богословъ но въ тоже время какъ закаленный мистикъ, уже заранѣе создавши себѣ извѣстныя предубѣжденія *idee fixe**). Богослову Толстому изъ всѣхъ евангелій важна въ сущности только нагорная проповѣдь изъ которой онъ беретъ свой, не смотря на все и вся, единственно руководственный пенталогъ. Все остальное воззрѣнію Толстого въ сущности только фальсификація и вставка, вызванныя тщеславіемъ и властолюбіемъ, между тѣмъ какъ Гарнакъ допускаетъ, что священники цензоры вовсе не изъ тщеславія, но принужденные борьбой за существованіемъ возвысили католическую церковь на степень церкви ученія и законовъ (*ibid.* стр. 130). Если Толстой неоднократно (какъ напр. въ своемъ отвѣтѣ синоду) считаетъ себя болѣе другихъ въ правѣ называться христіаниномъ и обосновываетъ это право на томъ, что онъ черпаетъ свою вѣру единственно изъ чистаго неподдѣльнаго ученія Христа — то

*) Тѣмъ не менѣе онъ всетаки въ своей богословской переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей постоянно ссылается на свой разумъ, дарованный ему Богомъ между тѣмъ какъ богословъ Гарнакъ подчеркиваетъ, что сужденія о цѣнности только дѣло субъективнаго ощущенія и воли а не знанія (въ той же книгѣ стр. 11).

Гарнакъ напротивъ, при всемъ своемъ уваженіи къ культурной силѣ христіанства придаетъ повидимому меньшую важность такому специфическому названію, такъ какъ онъ соглашается подобно другимъ, что истинный основатель христіанства былъ Павелъ (ibid стр. 10). По воззрѣнію Толстого со свойственной ему ясностью въ разрѣшеніи великихъ міровыхъ вопросовъ смысла жизни „царствіе Божіе“ уже давно, да собственно говоря уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ пришло для каждаго, кто хотѣлъ жить въ немъ. Гарнакъ же даетъ въ концѣ своего сочиненія „Das Wesen des Christentums“ совершенно противоположное опредѣленіе. Какъ 3000 лѣтъ тому назадъ такъ и сегодня нѣтъ отвѣта на вопросы „откуда? куда? къ чему?“ (ibid. стр. 188).“ Что богословіе Толстого односторонне мистическое, это будетъ доказано еще особо при оцѣнкѣ Толстого какъ философа и моралиста, а здѣсь упомянемъ еще о двухъ признакахъ характеризующихъ Толстого и свойственныхъ всѣмъ мистикамъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, если не жалѣтъ труда изучить ихъ въ отдѣльности. Какъ у нихъ такъ и у Толстого встрѣчается фактъ возбужденія вслѣдствіи встрѣчи съ особенно впечатлительною личностью именно фактъ, что благодаря ей внезапно пробуждается полное пониманіе всего до тѣхъ поръ непонятнаго. Отношеніе просвѣщеннаго къ просвѣтителю почти похоже на отношеніе медиума, не имѣющаго собственной воли къ своему гипнотизеру, руководящему имъ. Замѣчательно то, что медиумъ, на котораго повліяли путемъ внушенія, развиваетъ и укрѣпляетъ въ себѣ переданное ему, такъ что онъ можетъ передать это другому посредствомъ гипнотизма. Такимъ образомъ размножаются точно зараза безумныя идеи въ жизни народовъ.*) На Толстого повліялъ такимъ образомъ крестьянинъ Скутаевъ.

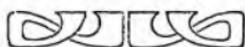
*) Справ. Dr. M. Friedemann: Die Wahnideen im Völkerleben „въ Grenzfragen aus dem Nerven u. Seelenleben“ тетрадь VI и VII (Wiesbaden 1901).

Второй признакъ, общій всѣмъ мистикамъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, это галлюцинація свѣта которая въ послѣдствіи играла уже у гезихастовъ и др., служа какъ бы указаніемъ на преображеніе Господне на Фаворѣ, такую важную роль, что была причиной глубокомысленныхъ догматическихъ споровъ. Въ замѣчательномъ разсказѣ Толстого: Чѣмъ люди живы (на нѣмецк. языкѣ, Neubrandenburg, Brünslowsche Buchhandlung, безъ обозначенія числа) говорится въ концѣ: „И потокъ развергся и тамъ стоялъ огненный столбъ простиравшійся отъ земли до неба.*)

Если предидущая глава доказала главную опасность Толстого-теософа, то богословіе нельзя считать столь же погубнымъ ибо богословскія спеціальныя ученія всегда оказывались непродолжительными модными явленіями, которыя только на сравнительно короткое время могли возбуждать къ себѣ общій интересъ. Не за горами то время, когда особое ученіе Толстого о Христѣ, сжатое въ его пенталогѣ будетъ имѣть лишь историческое значеніе. Все таки нельзя не отмѣтить вредность Толстого какъ богослова. Въ интересахъ тенденціи развитія упомянутой въ предидущей главѣ желательно, чтобы волны богословскихъ споровъ утихли, чтобы въ области богословія воцарилось безветріе, чтобы западъ привыкъ не видѣть болѣе въ спорныхъ вопросахъ богословской и философской мистики существенныхъ моментовъ для общественнаго вниманія. Если же появится личность со значеніемъ Толстого и придастъ старымъ, почти забытымъ богословскимъ положеніямъ видъ и привлекательность новизны, небывалости и жгучаго интереса, то легко можетъ случится что поступки его возбудятъ всеобщій интересъ и что богословскимъ спорнымъ вопросамъ придастся

*) У Евгеніи Генриха Шмитта, который взялся вполнѣ изъяснить неясныя еще ученія Толстого мы находимъ цѣлый фейерверкъ свѣтосравнений, свѣтоэкстаза и т. д. чему дается даже научное основаніе, какъ будетъ доказано къ концу IX главы этой книги.

значеніе, котораго они вовсе не заслуживаютъ. Такимъ образомъ развитіе запада, стремившееся къ религіозному индеферентизму, весьма нежелательнымъ образомъ можетъ быть оставлено, если даже не подвергнуто временно опасности. А тамъ, гдѣ Толстой думаетъ воцарить миръ, его поступки могутъ возбудить ожесточенные споры, какъ мы это уже видимъ на его родинѣ, гдѣ племенный фанатизмъ возстаетъ противъ него.

VII. Толстой какъ философъ нравственности.

Непріятной задачей было бы выбрать и собрать изъ подлежащихъ сочиненіи Толстого все мысли его касающіяся нравственности, съ цѣлью узнать не связываются ли они въ мозаику — въ одну систему и свойства этой системы.

По отношенію къ простому смертному повинующемуся нравственнымъ законамъ, окружающей его среды, такое изслѣдованіе было бы не только безцѣльнымъ но и несправедливымъ. Кто слѣдуетъ нравственнымъ правиламъ своего времени, своего знанія и своей профессій, даже не отдавая себѣ отчета о степени ихъ основательности, долженъ считаться относительно разумнымъ, честнымъ и достойнымъ уваженія.

Дѣло становится инымъ, если кто-нибудь, какъ Толстой, эманципируется отъ законовъ нравственности, дѣйствующихъ въ окружающей его средѣ. Тогда мы получаемъ поводъ и право спросить чѣмъ его новое направленіе умнѣе и прочнѣе т. е. вѣрнѣе и цѣлообразнее. Дѣло измѣняется еще болѣе, если нравственно эманципированный, вродѣ Толстого, думаетъ выступить учителемъ и пророкомъ челоуѣчества. Тогда мы не только въ правѣ, но и обязаны изслѣдовать подробно, способенъ ли онъ на это, не сбиваетъ ли онъ людей съ пути,

о чемъ слѣдуетъ предостеречь всѣхъ. Тогда намъ нельзя довольствоваться прелестью ослѣпительныхъ афоризмовъ и соблазнительныхъ картинъ. Мы обязаны требовать чтобы система новаго ученія была указана намъ съ цѣлью убѣдиться, заслуживаетъ ли оно вообще названія системы и общепонятно и прочно ли оно въ качествѣ таковой? т. е. задать себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли вообще принять за основаніе тотъ фундаментъ, на которомъ система воздвигнута и если такъ, то проведена ли разработка ея съ логической послѣдовательностью и возможно ли вывести изъ системы благодѣтельные заключенія.

Толстой самъ долженъ признать за нами право примѣнить такую строгую критику къ его нравственнымъ ученіямъ, ибо онъ самъ часто подчеркивалъ, что мы должны повиноваться внушенному или дарованному намъ всѣмъ разуму, какъ высшей инстанціи*), и онъ никакъ не можетъ требовать, чтобы мы предоставили окончательное рѣшеніе слѣпому чувству тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ истинѣ признаваемой разумомъ.

Конечно свѣтило разума не имѣетъ безграничной силы, но только ограниченную. По природѣ своей оно должно сдѣлаться негоднымъ къ употребленію на границѣ противорѣчіи мышленія тамъ, гдѣ оно, продолжая свой путь, неизбежно противорѣчило бы самому себѣ — тамъ гдѣ, по отношенію къ извѣстнымъ вопросамъ, оно никогда не смогла бы дать отвѣта удовлетворяющаго всѣхъ навсегда, потому что всегда одинъ изъ мыслимыхъ двухъ отвѣтовъ долженъ былъ бы казаться такимъ же нелѣпымъ, какъ и другой, такъ какъ конечность остается намъ на всегда такимъ-же непостижимымъ понятіемъ, какъ и безконечность. Поэтому и разумъ не можетъ намъ дать неопровержимаго отвѣта на вопросы бытія „Откуда, къ чему и куда?“

*) Сравни напр. слѣдующее: Отпущеніе грѣховъ въ причастіи не можетъ быть принято искренно, безъ дерзкаго поручанія, дарованнаго Богомъ разума. — Требованія моего разума правильны и внѣ ихъ я ничего не могу понять.

Кто непременно желает заглянуть за границу разума, тотъ можетъ руководствоваться лишь слѣпымъ чувствомъ обусловленнымъ измѣняющимися обстоятельствами, едва ли зависимыми отъ нашей воли, а соображающій разумъ, во что бы то не стало, долженъ требовать чтобъ область слѣпого чувства была ограничена до крайности, до самого лишь необходимаго.

Работа, цѣлью которой была бы попытка соединить мысли Толстого о нравственности въ одну систему, была бы тѣмъ не пріятнѣе что до 1894 г. его относящиеся сюда сочиненія не содержатъ въ себѣ попытки опомниться, какъ это подобло бы мужу науки философа. Напротивъ того: вездѣ встрѣчаемъ мы только художника-дилетанта, описывающаго мучительное народненіе своихъ убѣжденій, мучительную свою борьбу за истину. Только въ 1894 г. Толстой (побуждаемой циркуляромъ профессора Георгія фонъ Гичики въ Берлинѣ посланнымъ сорока выдающимся современникамъ, въ которомъ онъ просилъ отвѣтить на два вопроса: 1) что вы понимаете подъ религіей? 2) Думаете ли вы, чтобъ существовала нравственность, независимая отъ религіи?) принялся формулировать нравственныя свои ученія: въ его сочиненій „Религія и нравственность“, упомянутымъ на стр. 7. Съ этого времени начинаются тѣ ученія, въ которыхъ Толстой старается изложить благотворность заключеніи вытекающихъ изъ его системы нравственности. Посмотримъ, можно ли предъявить требованія строго логичной связи по отношенію къ ученіямъ Толстого, систематически изложенныхъ въ сочиненіи его „Религія и нравственность“ и удовлетворяютъ ли они такимъ требованіямъ? Ученіе, которое должно, какъ это требуетъ Толстой для своего ученія, убѣдить всѣхъ и cadaго. Будучи мѣриломъ навсегда не должно быть безсвязной, безформенной и не имѣющей основанія массой изрѣченій, изъ которыхъ одно можетъ быть принято а другое отвергнуто, но оно должно быть подобно строенію, возведенному на твердомъ основаніи, камни котораго до того крѣпко

связаны между собой, что нельзя удалить одного, не разрушая всего пѣлаго, оно должно быть разумно основательной и логично построенной системой,

Но нравственное ученіе Толстого вовсе не соотвѣтствуетъ первому и главнѣйшему требованію, именно разумной обоснованности требуемаго мышленіемъ. Напротивъ для будущности этого нравственнаго ученія опасно, что основаніе его онъ назвалъ религіей. Правда всѣ народы запада, насколько они исторически извѣстны, имѣли религію, но непостоянство всѣхъ религій кажется несомнѣннымъ; всѣ лишались многихъ своихъ приверженцевъ и про большую часть ихъ мы едва знаемъ больше чѣмъ то, что указываютъ намъ развалины ихъ колыбелей. Къ тому же является вопросъ, суждено ли религіямъ нынѣ исповѣдуемымъ вѣчное существованіе? Сомнѣніе по этому поводу особенно, что касается христіанства, весьма позволительно а именно по двумъ причинамъ.

Прежде всего, дѣйствительное отвращеніе отъ христіанской религіи, ставшее всеобщимъ и распространяющееся все болѣе и болѣе, сдѣлалось столь открытымъ, что даже защитники его начинаютъ публично на это жаловаться (сравни стр. 30 и слѣд.) Для безрелигіозности еще важнѣе перемѣна, происшедшая за послѣднее время съ опредѣленіемъ понятія о религіи. По филологическому значенію и по общему понятію, каждая дѣйствительная религія опирается на основное понятіе о загробной жизни и на неразрывно связанное съ нимъ представленіи о личномъ всемогучемъ, сверхестественномъ божественномъ существѣ, съ которымъ религіозно вѣрующій могъ бы вступить въ личныя сношенія. Новѣйшія же опредѣленія религіи не заключаютъ въ себѣ того, что до сихъ поръ подъ ней понимали по значенію слова а по народному понятію эти опредѣленія скорѣе указываютъ на то, что тѣ которые на самомъ дѣлѣ отказались отъ религіи, еще не могли рѣшиться самимъ себѣ и другимъ сознаться въ этомъ и что они пока

нуждаются еще въ личинѣ мнимой религіозности. Вслѣдствіе этого для „религіи“ создали опредѣленія, устранявшія мало по малу признаки загробной жизни и вѣрованіе въ Бога и ставшія все болѣе и болѣе широкими и пустыми, отвлеченными понятіями*), такъ что и въ этомъ ясно можно узнать стремленіе къ этому безбожію и къ непризнанію загробной жизни. Если же Толстой, освободившись отъ обычнаго христіанства, выдумалъ религію, соотвѣтствующую его будто обще-человѣческой и вѣчно дѣйствующей моральной системѣ, то его понятіе о религіи должно было бы обнимать не только всѣ прежнія религіи съ принадлежавшими къ нимъ нравственными системами но и его собственное новое или возобновленное имъ и вновь приведенное въ дѣйствіе ученіе о нравственности. Повидимому онъ такимъ образомъ нашелъ универсальную формулу заключающую въ себѣ всю область нравственности, генеральный алгебраическій всемірный образецъ нравственности, обнимающій все прошлое и будущее нравственнаго міра. Но это великое твореніе страдаетъ неисправимымъ внѣшними и внутренними недостатками не могущими остаться скрытыми и поэтому подвергающими роковымъ образомъ всю систему опасности: Одинъ изъ опасныхъ внѣшнихъ недостатковъ нравственной системы Толстого состоитъ въ томъ, что основной ея принципъ претендуетъ на названіе „религія“ между тѣмъ, какъ онъ представляетъ собою только философское воззрѣніе. Это съ одной стороны въ силу необходимости должно разочаровать тѣхъ, которые желаютъ чтобы нравственность основывалась на религіи — потому что здѣсь основаніе нравственности вовсе не религія. Съ другой стороны это отталкиваетъ тѣхъ, которые стремятся къ независимости нравственности отъ религіи, ибо имъ становится ясно, что у Толстого идетъ рѣчь о религіозной нравственности. Этимъ ученіемъ

*) Сравни: „Die Sittlichkeitslehre als Naturlehre“ (Leipzig 1894) примѣчаніе къ стр. 31.

Толстой не удовлетворяетъ вполне большинству современниковъ, это ученіе, не рыба не мясо и способствуетъ только, подобно ученіямъ лжепророковъ, увеличенію путанности.

Другой важный по своимъ послѣдствіямъ внѣшній недостатокъ нравственной системы Толстого состоитъ въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ по своему происхожденію виситъ какъ бы въ воздухѣ, не имѣя подъ собою твердой почвы. Ибо не можетъ остаться тайною, что Толстой разработалъ свое нравственное ученіе уже во всѣхъ отношеніяхъ до 1894 г., когда онъ принялся за подведеніе подъ нею, какъ бы религіознаго фундамента и попытался дать ему дополнительное, какъ бы религіозное основаніе; но послѣднее въ дѣйствительности оказалось вѣнцомъ и кровлею строенія безъ фундамента а не основою его, каковымъ оно должно было быть. Что это дѣйствительно такъ, можетъ констатировать каждый, кто прочтетъ появившіяся до 1894 года относящіяся къ этому вопросу сочиненія: „Моя исповѣдь и въ чемъ состоитъ моя вѣра?“ Въ нихъ идетъ рѣчь вовсе не о религіозныхъ на самомъ дѣлѣ вопросахъ, а исключительно о вопросахъ нравственности, какъ мнѣ жить, чтобы и т. д. Но хуже всего недостатки системы нравственности Толстого по своему содержанію, которыми она, какъ всѣ откровенія западнаго ученія о загробной жизни приносятъ только вредъ.

Толстой утверждаетъ, что мнимый основной принципъ его, основное его возрѣніе, названное религіознымъ, неразрывно связано съ его системой, можетъ быть доступно всѣмъ разумнымъ людямъ; онъ требуетъ чтобы всѣ разумные люди, вышедшіе изъ дѣтства, вступили бы въ извѣстное отношеніе къ окружающему міру. Но это вовсе не такъ, это совершенно неосновательное по своей всеобщности утвержденіе, которое, какъ можно надѣяться въ будущемъ повсюду будетъ считаться остаткомъ вѣрованія въ загробную жизнь. Будто бы раздѣляемое всѣми представленіе объ отношеніи къ вѣчному міру

основано на предположеніи, что этотъ вѣчный міръ будетъ сохранять значеніе для каждаго и послѣ смерти его т. е., оно предполагаетъ, что личная загробная жизнь признается всѣми. Это предположеніе вѣроятно по большей части справедливо для окружающихъ Толстого лицъ, какъ оно уже нѣсколько тысячалѣтій сряду раздѣлялось всѣми западниками вѣрующими въ загробную жизнь, хотя самъ Толстой константируетъ, что благодаря сбивающему вліянію науки это предположеніе ежедневно все болѣе и болѣе исчезаетъ и уже не встрѣчается у современнаго культурнаго пролетарія. Это предположеніе оказывается не совершенно правильнымъ, если имѣть въ виду древнѣйшій изъ всѣхъ первобытныхъ племенъ какъ и древнѣйшій культурный народъ земли. Основательное изслѣдованіе Веддовъ, Цейлона, докторами Павломъ и Францомъ Саразинымъ *) положительно доказываетъ, что въ очень раннее время еще среди райской обстановки люди, какъ безспорно древнѣйшее современное намъ племя Веддовъ, хотя и были одарены разумомъ и нравственными наклонностями, но не были еще неспособны къ отвлеченнымъ понятіямъ, какъ этого требуетъ вѣрованіе въ загробную жизнь. Въ далекомъ прошломъ всѣ люди какъ теперешніе Ведды совершенно еще не обладали способностью, составить себѣ представленія, превосходящія границы земнаго бытія, какъ то, представленія о вѣчности, о загробной жизни и о неземныхъ и сверхестественныхъ существахъ, представленія обманчивыя, вызванныя лишь нуждами земной жизни. Чѣмъ лучше люди выучились преодолевать житейскія невзгоды нравственнаго т. е. мирнаго и свободолюбиваго сожитія и пользованія силами природы, тѣмъ больше они созрѣли до пониманія и отверганія этихъ иллюзій, отъ которыхъ восточная треть человѣчества освобо-

*) Die Weddas auf Ceylon, ein Versuch die in der Phylogenie des Menschen ruhenden Rätsel der Lösung näher zu bringen. (Wiesbaden 1892 и 1893).

дидась уже по крайней мѣрѣ 5000 лѣтъ тому назадъ и отъ которыхъ западъ уже начинаетъ отказываться. Странно то, что Толстой вовсе не замѣчаетъ, что и онъ самъ уже увлекся въ значительной степени тѣмъ направленіемъ мысли, цѣлью котораго служить эманципація отъ метафизическихъ иллюзій, такъ онъ отказался отъ представленія о загробномъ, личномъ существованіи, потому что разумъ его не призналъ этого. По той же причинѣ для него болѣе не существуетъ личнаго Бога, которому онъ могъ бы молиться.*) Слѣдовательно Толстой на дѣлѣ уже сталъ нерелигіознымъ и его религія смѣшанная съ его нравственной системой уже на дѣлѣ не религія а только метафизическая мечта.

Другой недостатокъ, которымъ обладаетъ мнимо основной принципъ моральной системы Толстого состоитъ въ томъ, что Толстой утверждаетъ, будто бы разумъ настойчиво требуетъ признанія этого принципа, почему онъ и приписываетъ этому принципу необходимость и всеупотребительность.

Изъ вышеизложенного вытекаетъ однако-что представленіе о вѣчности заключающемъ въ томъ основномъ религіозномъ принципѣ, вовсе не требуется разумомъ, но напротивъ отвергается имъ, потому что онъ не въ состояніи понять ни вѣчности ни тлѣнности и что вслѣдствіи этого оба представленія не легко даются человѣку, какъ незрѣлому такъ и зрѣлому.

Только внушеніемъ производимымъ съ дѣтства можно приписать обманъ, будто представленіе о вѣчности врождено человѣку вмѣстѣ съ разумомъ. Никогда еще не было доказано, что-бы само по себѣ, безъ внушенія родилось въ современномъ ребенкѣ представленіе о вѣчности. Напротивъ того на западѣ при возрастающемъ въ новѣйшее время понятіи объ ограничен-

*) Въ отвѣтъ Синоду онъ говоритъ: Я думаю что намъ для усовершенствованія дано только одно средство: „Молитва.“ Не общественная молитва въ храмахъ . . . но уединная молитва, состоящая въ возможности снова возстановить и укрѣпить въ насъ сознаніе смысла нашей жизни.

ности разума всякое подрастающее дитя, подобно ребенку древнѣйшаго культурнаго міра, почувствуетъ отвращеніе задаваться метафизическими мечтаніями о тлѣнности или вѣчности.

И такъ можно утверждать, что моральная система Толстого, лишь вслѣдствіе неправильно приписаннаго ему религіознаго или метафизическаго основанія, не можетъ надѣяться ни на преобладающее распространеніе не на продолжительное существованіе. Пагубность и спутанность ученія Толстого обнаружится въ послѣдующемъ изложеніи. Сперва однако разберемъ вопросъ стоящій въ связи съ предидущимъ, послѣ него уже постараемся доказать, что нравственная система Толстого не соотвѣтствуетъ также требованію логично построеннаго предположенія.

Мы встрѣчаемся здѣсь съ слѣдующимъ вопросомъ: Если основою и исходною точкою для нравственной системы нельзя избрать, ни чего-нибудь религіознаго, т. е. внѣ и сверхестественнаго, ни вообще метафизическаго т. е. простирающагося за границы разума, ни фантастическаго — такъ какъ эта система, вслѣдъ за возможнымъ отклоненіемъ и отказомъ отъ таковыхъ основныхъ началъ, могла бы стать недѣйствительной и шаткой, и на самомъ дѣлѣ всѣ основанныя такимъ образомъ нравственные системы о вѣрѣ въ загробную жизнь или уже пошатнулись или же оказались многократно не соотвѣтствующими цѣли, а потому что же можетъ годиться въ основаніе солидной дѣйствительно нравственной системы тѣсно объединяющей всѣхъ людей?

На это существуетъ одинъ только отвѣтъ: Для этой цѣли годится только то, что вытекаетъ изъ жизненнаго опыта всѣхъ, безъ исключенія, людей и поэтому не можетъ быть оставлено въ сторонѣ или отклонено какъ нѣчто произвольное, непонятное, или противное разуму; то что независитъ отъ всякихъ жизненныхъ условій людей обусловленныхъ климатомъ, пищею,

промысломъ, социальнымъ положеніемъ и степенью ихъ умственного развитія и образованія; только то, что при перемѣнѣ жизненныхъ условій и при расширеніи умственного кругозора и образованія или при улучшеніи социальнаго положенія не нуждается въ измѣненіи, но сохраняетъ навсегда свою полную пригодность; однимъ словомъ: только то, что не нуждается въ умничаніи и внушеніи, но бросается въ глаза всякому человѣку съ ранняго возраста, какъ всегда одинаковое, естественное и само собою понятное отношеніе, которое развиваемое сопровождаетъ его на всемъ жизненомъ пути.

Существуетъ только одно соотвѣтствующее, по опыту человѣческаго племени и древнѣйшаго культурнаго народа, всѣмъ этимъ трѣбованіямъ основаніе служившее уже много тысячелѣтній сряду подъ ходящей основою для прочной нравственной системы а потому едва ли когда либо найдется лучшая. Это основаніе родительская и дѣтская любовь та взаимная любовь полная уваженія, которая связываетъ родителей съ дѣтьми и развиваемая, какъ среди китайцевъ сознательно ведетъ не только въ семьѣ, но и въ обществѣ и государствѣ къ достиженію внѣшнихъ цѣлей нравственности, къ миру и свободѣ, предоставляя каждому свое, не ограничивая никого въ своей самостоятельности, на которую онъ имѣетъ право и такимъ образомъ не протодѣйствуя никакому религіозному или метафизическому воззрѣнію совмѣстимому съ миромъ и свободою а подавно и не противоборствуя ему. Кромѣ того является еще вопросъ какимъ образомъ стало возможнымъ и произошло, что люди измѣнили такой естественной, основательной и полезной нравственной системѣ и придумали взаимнѣ ея псевдонравственныя системы, не соотвѣтствующія ихъ цѣли и въ силу необходимости ведущія къ рабству и раздорамъ. Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ не мыслимъ, потому что мы не имѣемъ и никогда не будемъ имѣть верныхъ свѣдѣній изъ доисторическихъ временъ. На основаніи предполо-

ежнія можно утверждать съ увѣренностью только слѣдующее: Всѣ почти безъ исключенія люди на ранней степени развитія, когда они должны были отказаться отъ райскихъ жизненныхъ условій, не находя себѣ въ нихъ больше простора, были принуждены судьбою предаться фантастическимъ мечтаніямъ; одухотворяя враждебныя и вредящія имъ силы природы и создавая себѣ по собственному подобію сверхъестественныя всемогучія божества, поклоненіе которымъ стало для нихъ теперь обязанностью, важнѣйшимъ принципомъ жизни, основою ихъ нравственной системы. Навѣрно всѣ люди, съ единственнымъ исключеніемъ людей, близкихъ къ условіямъ жизни рая, остатки которыхъ сохранился еще въ Веддахъ, навѣрно всѣ пошли по этому пути потому, что кромѣ племени Веддовъ нѣтъ на свѣтѣ народа, не религіознаго или не бывшаго религіознымъ, какъ народы культурнаго востока.

О ходѣ психологическаго процесса развитія религіозности нельзя высказать, какъ уже упомянуто, чего нибудь точнаго. Антропология и народная психология не располагаютъ такими вѣскими доказательствами, какія можетъ привести геология о происхожденіи нашей планеты изъ сгущеннаго мірскаго тумана солнечнаго системы. Однако можно предположить, что прожитый почти всѣми народами процессъ образованія религіозности, былъ для всѣхъ одинаковъ необходимъ и неизбѣженъ, какъ этапъ на пути психологическаго развитія. На относящіяся сюда научныя теогоническія гипотезы Вайца, Бастіана Пешела и другихъ не слѣдуетъ смотрѣть свысока, какъ это дѣлаетъ Толстой, съ высоты своего самовластнаго, превышающаго всю науку, авторитета. Наконецъ спрашивается: кому обязанъ восточный культурный міръ освобожденіемъ отъ ложныхъ идей и иллюзіи своего религіознаго прошлаго? На это также невозможно дать точный отвѣтъ, такъ какъ процессъ этой эманципаціи совершался во мракѣ доисторическихъ временъ: когда китайцы безъ малаго 5000 лѣтъ тому назадъ

выступили на сцену истории, они уже съ незапамятныхъ временъ были безрелигіозными невѣрующими въ загробную жизнь, ибо ни одинъ миѣъ не передаетъ намъ, чтобъ они когда либо знали званія жрецовъ, хотя въ ихъ обрядахъ и въ ихъ пророчествахъ преслѣдующихъ нравственныя цѣли находятся неоспоримые остатки бывшаго религіознаго обитія.

О характерѣ ихъ умственной эманципаціи можно предположить слѣдующее: если у китайцевъ на многія тысячелѣтія ранше чѣмъ у западныхъ народовъ явилась склонность невѣрить въ загробную жизнь, то надо предположить, что ихъ развитіе сопровождалось особенно выгодными внѣшними условіями, потому что ничто не даетъ намъ право къ одностороннему, такъ сказать юбезирующему предположенію (à la Gobineau) въ духѣ Гобино, Ницше и Ст. Г. Чемберлена, будто китайцы благодаря особеннымъ природнымъ качествамъ сдѣлались избраннымъ народомъ. Напротивъ того можно предположить, что всѣ люди первоначально имѣли одинаковое умственное развитіе. По всей вѣроятности китайцы въ очень далекомъ прошломъ имѣли счастье не быть притѣсняемыми особенно сильнымъ сосѣдомъ, не должны были подвергаться отчаянной борбѣ за существованіе и не имѣли почвы для развитія деспотизма а потому въ ихъ относительно мирной и свободолобивой жизни сохранились, наслѣдственно взаимныя отношенія полныя уваженія и любви между родителями, дѣтьми и родственниками. Такимъ образомъ умственное и нравственное культурное развитіе китайцевъ, общественное и государственное, произошло въ большей степени чѣмъ у другихъ народовъ семейнымъ путемъ, что подтверждается древнѣйшими историческими свѣденіями о Китаѣ, гдѣ царь и начальники народа никогда не являются могучими властелинами, но всегда въ качествѣ главы семейства и учителя. При такихъ особенно мирныхъ условіяхъ и при удовлетворительномъ экономическомъ положеніи, религіозныя представленія вѣро-

ятно никогда не принимали того мрачнаго характера, какъ у западныхъ народовъ, караемыхъ войнами, властолюбіемъ и рабствомъ. Тамъ уже безъ малаго 5000 лѣтъ незнаютъ о человѣческихъ жертвахъ, мѣжду тѣмъ какъ здѣсь еще относительно поздно для славы и для умилоствленія божества приносились человѣческія жертвы. Такимъ образомъ и тамъ у болѣе свободныхъ и миролюбивыхъ людей разумъ могъ раньше освободиться чѣмъ здѣсь отъ рабскихъ фантазмагорій и рабской нравственности: вѣры въ загробную жизнь. Хотя наука, со временъ ея первой зари при Францисѣ Бѣконѣ, возбудила желаніе мира и свободы, все же постоянно появлялись восторженные представители вѣры въ загробную жизнь способствующей рабству и раздорамъ: *La servitude avilit l'homme jusqu'a s'en faire aimer* — рабство до того унижаетъ человѣка, что онъ по привычкѣ наконецъ любитъ его (Chamfort).

Эти размышленія способствуютъ пониманію истиннаго характера пророчества Толстого. Толстой самъ хвалится, что онъ на поприщѣ религіи и нравственности является освободителемъ анархистомъ и привозвѣстникомъ мира, но на самомъ дѣлѣ онъ, какъ это будетъ доказано, только въ особой формѣ помогаетъ развитію принципа рабства. По возрѣнію Толстого нравственность состоитъ въ служеніи божеству.

На нравственной системѣ Толстого лежитъ отпечатокъ неразумности или нелогичности, не только относительно принципа, на которомъ она основана (или который, какъ показано на 42 стр. впоследствии ложно былъ приписанъ ему) но и по отношенію къ частямъ или камнямъ, которыми онъ пользовался при построеніи своей системы, какъ и по отношенію къ связывающему ихъ цементу. Одинъ только фактъ, что основной принципъ системы Толстого не былъ установленъ сначала, а былъ вставленъ лишь впоследствии, самъ по себѣ, не оказался бы достаточнымъ для умаленія значенія системы Толстого, ибо

большая часть, если не всѣ искусственныя нравственныя системы запада произошли такимъ же образомъ : сперва вездѣ старались соединить отдѣльныя представленія при предположеніи ихъ реальности и принадлежности одного къ другому въ одно общее цѣльное и тогда только создавали для соединенный такимъ образомъ группы представленіи прочное основаніе, такъ что все цѣлое вполсѣдствіи казалось возведеннымъ на твердой почвѣ. Наше современное представленіе о солнечной и планетной системѣ произошло вѣдь не иначе. Извѣстныя движенія свѣтилъ на небесномъ сводѣ доставили сначала матеріаль для вывода. Птолемеевой теоремы, которая признавалась до тѣхъ поръ, пока противорѣчія ея не стали явными и невыносимыми. Тогда замѣнила ее солнечная и планетная система Коперника, вѣрность которой казалась очевидной, такъ какъ эта система, повидимому основывалась на непоколебимой почвѣ ученія о тяготѣнн до тѣхъ поръ пока и для нея пришлось пріискать удовлетворительное основаніе вслѣдствіе открытых нелѣпостей „*actio per distans*“.

Построенныя такимъ образомъ системы могли считаться разумными и удовлетворять до тѣхъ поръ, пока ихъ элементы и методъ соединенія этихъ послѣднихъ между собой соотвѣтствовали степени знаніи; ихъ могли даже считать неопровержимыми, пока еще не узнали ограниченности нашего разума и относительности представленій и понятій. Но какъ скоро сознаніе это стало всеобщимъ достояніемъ вслѣдствіе развитія презираемой Толстымъ науки, все превосходящее границу разума должно было считаться болѣе или менѣе фантастической гипотезой только гейристическимъ вспомогательнымъ средствомъ и было обязано доказать свою справедливость путемъ приведенія новыхъ подтверждающихъ фактовъ. Все это могъ бы знать Толстой, если бы онъ сталъ искать поученія въ реальной современной наукѣ, вмѣсто этого онъ лишь ознакомился съ имѣющими метафизическій характеръ псевдо-науками

настолько, чтобы быть въ правѣ надсмѣхаться надъ ними, при чемъ онъ подмѣтилъ метафизическія занозы въ глазу противниковъ, но мистическаго бревна въ собственномъ не замѣтилъ. Хотя Толстой какъ строгій рационалистъ началъ съ того, что отказался отъ всего противнаго разуму (сравни стр. 25) хотя онъ совершенно послѣдовательно подчеркивалъ невозможность найти соединяющую связь (сравни „Исповѣдь“ стр. 68—70, 75, 87) между противорѣчащими другъ другу представленіями о тлѣнности и вѣчности, которыя не согласуются съ разумомъ (стр. 39); — тѣмъ не менѣе онъ преспокойно требуетъ, чтобы нравственность представляла эту связь объявленную только что невозможной т. е. чтобы она указала цѣль достижимую въ вѣчности для смертнаго послѣ его смерти*) и эта цѣль достигается, какъ намъ уже извѣстно, въ служеніи божеству.

Такой совершенный переходъ націонализма къ мистикѣ объясняется отчаяннымъ, беспомощнымъ и безвыходнымъ положеніемъ Толстого, которое доставило его ослабѣвшій умъ хвататься безъ всякой критики за первую попавшуюся соломенку, обѣщающую спасеніе. спасающая же назидательная мысль была внушена ему встрѣчей съ крестьяниномъ раскольниковомъ Сютаевымъ и окончательно была закрѣплена продолжительнымъ самовнушеніемъ. Теперь онъ уже болѣе не говорилъ: „я не могу понять неразумное“ но *credo quia absurdum est*, я вѣрую въ это именно потому что оно нелѣпо.

Теперь уже вовсе не трудно было прибавить къ нелѣпому основанію еще новую нелѣпость. Нанимая слугу непременно надо сказать ему при этомъ, въ чемъ будутъ состоять его занятія и обязанности и каково будетъ его жалованье и Толстой совершенно послѣдовательно долженъ былъ бы объявить, что божественныя заповѣди даны человѣку на жизненный путь въ видѣ требованіи совѣсти.

*) Сравни Религія и нравственность Толстого, стр. 175, 176, 172, 173, 182 и 183, 192 и 193.

Но на это Толстой не рѣшился потому, что слишкомъ странно, что совѣсть будто внушаетъ человѣку различное ошибочное (не вслѣдствіи грѣхопаденія, не объяснимому разумными фактами но просто по своей природѣ), какъ это онъ самъ констатируетъ. И такъ Толстой прибѣгаетъ къ предположенію что божество объявляетъ человѣку волю свою путемъ откровенія (срав. Религія и нравственность Толстого стр. 182 и 183). Противорѣчіе въ этой теоріи откровенія не могло совершенно ускользнуть отъ Толстого и весьма интересно, какъ онъ старается преодолѣть эти представляющіяся ему затрудненія.

Толстой самъ соглашается въ томъ, что въ древнія времена только на долю немногихъ доставались такія откровенія, указывающія на путь истины только пифагорейцамъ, таозистамъ и т. д. (сравни Религія и нравственность Толстого стр. 175, 176, 188—190), что слѣдовательно божество въ теченіе безчисленныхъ тысячелѣтій оставляло безъ наставленій своихъ служителей. Это нельзя назвать иначе, какъ нелѣпостью. Толстой согласенъ, что оказанныя немногимъ наставленія оставались безъ вліянія, такъ какъ ученія ихъ оставались безъ вниманія пока ниспосланный для окончательного вразумленія человѣчества Іисусъ не сталъ проповѣдывать спасительнаго ученія, разъ на всегда и въ обязательномъ для всѣхъ видѣ, и что это ученіе Христа сейчасъ же было непонято и искажено, такъ что оно до сихъ поръ, въ теченіи почти двухъ тысячъ лѣтъ не могло исполнить своей цѣли. Теперь же Толстой и близкіе ему, посредствомъ вторичныхъ откровеній были надѣлены способностью возстановить искаженное ученіе Христа въ его настоящемъ видѣ и разумѣется снова можетъ наступить царствіе Божіе на землѣ воздавая исправнымъ служителямъ Бога надлежащее вознагражденіе. Все это можетъ удовлетворить вѣрующаго и показаться яснымъ гипнотизированному. Но все же возникаютъ нѣкоторые вопросы полные

сомнѣннн, которыхъ нельзя оставить совершенно безъ вниманія. Одинъ изъ вопросовъ предлагается самимъ Толстымъ и онъ же отвѣчаетъ на него: чѣмъ объяснить, что откровеніе было дано только такъ поздно? Этотъ фактъ такъ же необъяснимъ, отвѣчаетъ Толстой, какъ тотъ, что при восхожденіи солнца сперва только осаряются лишь немногія горныя вершины.*) Но въ послѣднемъ случаѣ я всетаки могу дать нѣкоторыя объясненія этого явленія и его причинъ, а въ первомъ случаѣ мнѣ вѣроятно на всегда останется нестижимымъ, почему я долженъ служить неразумному властелину, оставившему меня безъ наставленій ибо откровеніе, если оно и было мнѣ дано, все таки не содержало бы въ себѣ настоящаго наставленія, а именно оно нуждалось бы въ засвидѣтельствваніи въ его основательности и вѣрности. Другой же вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: Изъ чего я могу узнать, что мнѣ было дано вѣрное настоящее откровеніе а не дьявольское навожденіе? На этотъ вопросъ Толстой отвѣчаетъ: Онъ бы и не могъ имѣть на то другого отвѣта чѣмъ слова: *car tel est mon bon plaisir* — потому что мнѣ такъ хочется считать откровеніе, данное мнѣ за вѣрное, Но почему же онъ стремится лишить всѣхъ другихъ опирающихся на откровенія другого рода, того самодержавнаго права, которое онъ требуетъ для себя?

Чѣмъ онъ хочетъ доказать неправоту тѣхъ, которые видятъ въ немъ противника истины, антихриста? Да не можетъ же Толстой утверждать, что отличительный признакъ истины откровенія состоитъ въ его разумности, ибо почему же тогда кромѣ разума, дарованнаго всѣмъ людямъ, нуждались бы въ особомъ откровеніи. Къ тому же Толстой ясно заявляетъ, что нельзя обойтись безъ откровенія, потому что разумъ не можетъ дать никакого объясненія объ отношеніи тлѣнности

*) Сравни „Религія и нравственность Толстого“, стр. 183 и 184.

къ вѣчному (ср. „Исповѣдь“ стр. 30 и 35). Теорія объ откровеніи очевидно создана, чтобы увѣковѣчить неразрѣшаемый споръ о свойствѣ абсолютной истины и этотъ споръ, имѣющій своимъ послѣдствіемъ постоянное беспокойство возникаетъ очевидно изъ основной ошибки изъ мистическаго *πρότων ψευδων*, допускать вообще возможность, чтобъ фантастическое простирающееся за границы разума выдавало себя за вѣчно непоколебимую истину.

То же самое можно сказать о вознагражденіи, которое Толстой обѣщаетъ вѣрнымъ служителямъ божества просвѣщеннымъ истиннымъ откровеніемъ. Въ противоположность церкви, которая допускаетъ пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства не по собственнымъ заслугамъ а только по предопредѣленію и лишь только послѣ смерти. Толстой учитъ, что при возможномъ каждому человѣку соблюденіи божественныхъ заповѣдей, человѣкъ уже въ жизни причастенъ блаженствамъ царства Божія (стр. 26). Въ этомъ отношеніи ученіе Толстого менѣе основательно чѣмъ ученіе церкви, справедливость котораго не можетъ быть провѣрена. Развѣ можетъ кто-нибудь удостовѣриться, какъ на томъ свѣтѣ чувствуютъ себя пріобщенные Святымъ Тайнствамъ или причисленные къ миру святыхъ напр. святой Криспинъ, воровавшій кожу и нечестивые бургундскіе святые Сигизмундъ и Клотильда? Но про вѣрныхъ послѣдователей Толстого напротивъ во многихъ случаяхъ можно доказать, что имъ живется, несмотря на всѣ добровольно взятыя на себя невзгоды, вовсе не лучше а часто много хуже тѣхъ, которые заботятся съ языческимъ эгоизмомъ только о самихъ себѣ.

Лучше всего условіе постановленное Толстымъ для участія въ откровеніи: чтобы быть удостоеннымъ откровенія надо отрѣчься отъ всѣхъ житейскихъ радостей, взять на себя жалкую участь русскаго крестьянина, его пищу и одежду, да вообще вести еще гораздо болѣе жалкую жизнь, потому это

нельзя домогаться для себя всего того, на что другие люди могли бы изъяснить притязание и обладание чего приходилось бы защищать (Графъ Левъ Толстой „Современные рабы“ (Leipzig 1901, стр. 110) т. е. нельзя вообще создавать никакого имущества, даже умственного образованія, такъ какъ науки омрачаютъ понятіе о вѣчныхъ истинахъ нравственности (стр. 182 и 183, 185 и 186. Религія и нравственность Толстого). Надо признаться, что это ученіе менѣе пріятно и менѣе привлекательно чѣмъ ученіе поруганной Толстымъ церкви, которая вовсе не требуетъ отъ своихъ приверженцевъ, чтобъ они добивались откровеніи такими личными жертвами. Поэтому не слѣдуетъ опасаться, чтобы Толстой въ пользу своего ученія лишилъ церковь многихъ вѣрующихъ ея. Существенная опасность Толстого состоитъ въ другомъ, какъ это выяснится при разсмотрѣніи практическихъ послѣдствіи его ученія. Относительно логической послѣдовательности его надо поставить еще третій вопросъ, отвѣтъ на который затруднилъ бы Толстого. Правда, никто не смѣетъ заглядывать, такъ сказать, въ карты Богу и упрекать его въ погрѣшностяхъ противъ собственныхъ мудрыхъ правилъ игры. Отъ этого должны воздерживаться не только тѣ личности, которые покоряются мистическимъ образомъ и слѣпо непостоянной примудрости создателя и хранителя мира. — Но и безбожныя свѣтила науки, которымъ давно извѣстно, что вся органическая жизнь содержитъ въ себѣ явныя противорѣчія т. е. одновременное стремленіе къ высшей цѣлесообразности и гармоніи цѣлаго къ миру, и вызывающую безпокойство, потребность самостоятельности и свободы. Но справедливымъ требованіемъ разума, присущаго человѣка является, чтобъ его собственные творенія не содержали въ себѣ противорѣчія и нелѣпости. Самъ же Толстой говоритъ, что онъ не можетъ понимать неразумнаго (сравни ст. 25). Построеніе выдуманное Толстымъ для основанія своей нравственной системы нелѣпо

и неразумно, ибо оно издѣвается подѣ всякимъ представленіемъ о цѣлообразности. По мнѣнію Толстого, умственный индивидуумъ при вступленіи въ земную дѣйствительность отдѣляется отъ божественной вселенной, чтобы окончивъ свое, болѣею частью мало утѣшительное и мало удовлетворяющее земное существованіе, вернуться въ божественную вселенную. Это ученіе провозглашается Толстымъ *implicite* и *explicite*. *Implicite* въ его простомъ, а поэтому очевидно столь убѣдительномъ, критическомъ изложеніи ученія христіанской церкви и всей оптимистической и пессимистической, спиритуалистической и материалистической метафизики („Моя вѣра“ Берлинъ 1901 г. стр. 115 и слѣд.), гдѣ имъ доказывается, особенно на стр. 145, 148, и 151 и слѣд., что ни евреями ни Христомъ, а именно послѣднимъ ни для себя, ни для другихъ людей не проповѣдывалась вѣчная посмертная жизнь. А *explicite* толкователемъ Толстого публично признаннымъ имъ Евгеніемъ Генрихомъ Шмиттомъ (*ibid* стр. 35 и 36). „Душа или разумъ“ (т. е. разумъ человѣка). Коренная функція вселенной искони свойственный лучъ души вселенной и самъ универсальнаго происхожденія, а смерть ихъ — гибель частной и конечно органической формы, ни что иное, какъ возвращеніе этого луча къ вселенному свѣту. Подобное повторяющимся во многихъ мѣстахъ а *explicite* и самимъ Толстымъ многократно, особенно въ его отвѣтѣ синоду гдѣ говорится: Я вѣрую, что Богъ во мнѣ, и я въ немъ.“ По отношенію ко всему этому процессу происхожденія и исчезанія бытія слѣдуетъ задать себѣ вопросъ: „*cui prodest*“, кому въ пользу, для чего это построеніе? Къ чему вообще Богъ сотворилъ человѣка, скрывая ему въ теченіи многихъ тысячелѣтій свою волю, иногда только открывая ее ему но безъ надлежащаго успѣха? Къ чему все это? Къ чему эта жестокость. Толстой самъ очевидно не находитъ себя въ правѣ отвергнуть всѣ эти вопросы о смыслѣ жизни послѣ того, какъ онъ самъ до отчаянія боролся съ ними. Въ чемъ

же заключается будто бы успокоительное удовлетворяющее дарующее счастье его нелѣпой спутанной нравственной системы? На это Толстой не находитъ отвѣта удовлетворяющаго всѣхъ. Онъ только можетъ насъ увѣрить, что мы должны вѣрить ему: что онъ лично довольствуется этимъ. Да, но въ такомъ случаѣ это еще не общеупотребительная нравственная система, за которую она выдаетъ себя. Вообще на какомъ-нибудь метафизическомъ основаніи никогда нельзя будетъ построить общеупотребительную, для всего человѣчества обязательную нравственную систему, потому что вслѣдствіе ограниченной природы человѣческаго разума ни одно рѣшеніе антиномій мышленія не можетъ быть общеупотребительно и принудительно. Изъ всего этого изслѣдованія вытекаетъ слѣдующее. Во первыхъ, пора перестать мучиться съ безуспѣшными неразрѣшимыми, переходящими границу разума, вопросами о загробной жизни, которые никогда не дадутъ воспользоваться миромъ и свободой, которые постоянно, уже нѣсколько тысячелѣтій сряду вели къ распорямъ и рабству; а во вторыхъ, пора научиться по примѣру невѣрующаго въ загробную жизнь восточнаго древняго культурнаго міра, ограничить себя, кругомъ дѣйствительныхъ условій земной жизни, устроить на основаніи единственно солидной, нравственной, взаимной любви дѣтей и родителей, это земное существованіе по возможности лучше.

Первую изъ этихъ двухъ задачъ Толстой, во время своихъ бурныхъ порывовъ до своего дамаскаго дня старался исполнить, т. е. сился отыскать „смыслъ жизни“ онъ пытался освободиться отъ идеаловъ вѣрованія въ загробную жизнь, въ ложности которыхъ онъ убѣдился, и нельзя отрицать, что это ему въ общемъ не удалось, ибо, говоря точнѣе, Толстой не принадлежитъ ужъ болѣе къ числу вѣрующихъ въ загробную

жизнь, такъ какъ онъ рѣшительно и навсегда отказался искать цѣль жизни внѣ ея, въ непостижимыхъ блаженствахъ непонятной загробной жизни, онъ, напротивъ, видитъ эту цѣль, отказываясь отъ личнаго существованія послѣ смерти, въ удовлетворительной обстановкѣ самой земной жизни. Для этого періода бурнаго и неуступнаго стремленія отыскать истинный смыслъ жизни въ высшей степени характерно, что признано и самимъ Толстымъ, нигилистическое свойство его характера.*) Это свойство его характера приобрѣло, и должно было приобрѣсти ему, вслѣдствіе того, что наше бурное и смутное настоящее (которое, надѣмся, только переходъ или стадія перехода къ лучшему состоянію) отличается нигилистическимъ направленіемъ, столь распространенную и всеобщую симпатію современниковъ. Вездѣ наблюдается отклоненіе отъ вѣры, вездѣ въ сущности замѣтно болѣе или менѣе сознательное и открытое, одинаково пустое недовольство существующимъ порядкомъ, вездѣ то-же отвращеніе, то-же нерасположеніе къ господствующимъ воззрѣніямъ и преобладающимъ силамъ; вездѣ въ наукѣ, политикѣ, и искусствѣ — склонность къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, склонность, которая поняла, что прежнее мѣрило цѣнности пережило себя и стало недѣйствительнымъ, но еще не нашло лучшаго и поэтому, пока можетъ дѣйствовать только разрушающимъ, а не созидющимъ образомъ.

Особенно слѣдуетъ подчеркнуть, какъ эта нигилистическая черта обнаружилась въ первой педагогической стадіи пророческой дѣятельности Толстого. Съ совершенно вѣрнымъ инстинктомъ Толстой чуялъ уже тогда что, въ унаслѣдованномъ

*) Графъ Л. Н. Толстой. „Въ чемъ состоитъ моя вѣра“ 3 русское изд. Каружъ въ Женевѣ. „За исключеніемъ 14 и 15 лѣтъ дѣтства и отрочества я 35 лѣтъ жилъ въ полномъ смыслѣ слова нигилистомъ, т. е. не революціонеромъ и социалистомъ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, но все таки какъ нигилистъ въ смыслѣ совершеннаго отсутствія всякаго вѣрованія.“

нами принципъ воспитанія, кроется ядро зла, но онъ не позналъ, какимъ другимъ принципомъ можно было-бы его замѣнить, и онъ бросилъ, такъ сказать, за топоромъ и топорщице, отвергая все и всякое воспитаніе (сравни стр. 17 и 18 этого сочиненія.)

Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ на западѣ считается важнѣйшимъ принципомъ воспитанія то совершенно ложное воззрѣніе, будто главнѣйшая цѣль воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы развить, усовершенствовать и укрѣпить для жизни, въ совершенно еще несамостоятельномъ, способномъ къ образованію, доступномъ всякому постороннему вліянію, разумѣ ребенка и юноши, прежде всего не его природныя склонности къ нравственному чувству и поступкамъ, его склонность къ набожности, естественное стремленіе къ личной самостоятельности и склонность уважать самостоятельность ближняго, а напротивъ того, вызвать и какъ можно больше укрѣпить въ немъ противоестественныя, лишь искусственно вызванныя представленія о религіозной загробной жизни. Какъ будто земная жизнь сама по себѣ не имѣетъ цѣны, потому что служить только этапомъ на пути къ вѣчному блаженству, достижимому только милостію Божіей, которое слѣдуетъ заслужить безусловнымъ (значить безъ критики) соблюденіемъ законовъ и заповѣдей, изданныхъ для служенія сверхъестественной и всемогущей власти и покорнымъ прошеніемъ милости, отъ этой божественной власти, отказываясь отъ всякаго самоуваженія. И такъ на западѣ школа, даже съ тѣхъ поръ, какъ она была уже не исключительно въ завѣдываніи духовенства, а государства, эта школа прежде всего посвящена религіозному образованію, т. е. подавленію всякой склонности къ естественнымъ независимымъ, нравственнымъ представленіямъ и внушенію и прививанію, чтобы не сказать вдолбенію, — религіозно-искусственной псевдо-нравственности. Эта же псевдо-нравственность, вмѣсто того чтобы воспитать для самостоятельности и умственной сво-

боды, преимущественно, по крайней мѣрѣ по опыту Толстого стремится къ дрессировкѣ для покорной государственной службы.

Обстоятельства, окружавшія его, благоприятствовали Толстому узнать вредность этого западнаго воспитательнаго принципа, но они не смогли вызвать въ немъ представленія о лучшемъ, болѣе естественномъ методѣ воспитанія. Нигдѣ въ окружающей сего средѣ, ни въ государствѣ, ни между людьми одного съ нимъ званія, служившими орудіемъ деспотизма, нигдѣ онъ не встрѣчалъ явленій, которыя могли возбуждать въ немъ чувства набожности и представленій о самостоятельности, а напротивъ того только такія явленія, въ которыхъ выступала рабская сторона вѣры въ загробную жизнь, алчущая милости Божіей.

Все это конечно заставило Толстого отказаться отъ вѣрованія въ загробную жизнь въ смыслѣ отрѣченія, отъ блаженствъ личной, вѣчной загробной жизни доведенной до убѣжденія, что человѣкъ способенъ собственными силами, во время земнаго своего существованія, исполнить свое назначеніе согласно со смысломъ жизни, и что онъ для этого не нуждается въ особенныхъ милостяхъ, которыми располагаетъ церковь; до полнаго-же и сознательнаго отрицанія загробной жизни Толстой не дошелъ. Это едва и можно было ожидать отъ него, при данныхъ условіяхъ. Недостаточное первоначальное образованіе, не давшее ему умственной свободы, а только дилетантическія познанія, этому ужъ не мало способствовало. Къ тому-же и страстный нравъ художника, съ преобладающей склонностью представлять себѣ картины фантазій, едва-ли благоприятствовалъ трезвому и послѣдовательному мышленію, а напротивъ, долженъ былъ приводить къ страшнымъ сомнѣніямъ, которыя Толстой въ своей „Исповѣди“ (на русск. яз.; 3-ье изданіе. Каружъ-Женева, 1900 г. особенно на стр. 86—89) описывалъ столь потрясающимъ образомъ. Все-таки его стремленіе къ истинѣ довело-бы его, можетъ

быть, до совершеннаго просвѣщенія, т. е. до отреченія отъ рѣшенія неразрѣшимыхъ загадокъ, если бы ему не было суждено пережить свой домасковъ день среди душевныхъ страданій, мучившихъ его въ теченіи многихъ лѣтъ, при ослабѣвшихъ отъ всего этого умственныхъ силахъ, и быть „пробужденнымъ встрѣчею съ мистическимъ раскольникомъ Сютаевымъ. Это роковымъ образомъ положило конецъ развитію Толстого. Съ этихъ поръ онъ былъ одержимъ *idée fixe* и сталъ окончательно неспособнымъ къ безпристрастному разсужденію, къ трезвому мышленію, сталъ смотрѣть на все черезъ тенденціозно-окрашенные очки. Тогда-же возникли одно за другимъ всѣ чудовищныя порожденія мистическаго мышленія, такъ сказать, практическія примѣненія къ жизни его выводовъ. До разсмотрѣнія практическихъ выводовъ, вытекающихъ изъ только что разсмотрѣнной нравственной системы, и до характеристики Толстого какъ политика слѣдуетъ вкратцѣ замѣтить еще слѣдующее подчеркивая особенности этой нравственной системы: какъ Толстой не старался сбросить съ себя оковы церковной догматики и освободиться отъ православнаго ритуала, онъ все-же не сумѣлъ подняться до болѣе возвышеннаго нравственнаго воззрѣнія, чѣмъ христіанство. Христіанская нравственность, и нравственность Толстого въ сущности только рабская нравственность.

Смыслъ жизни Толстой видитъ въ служеніи всемогущему властелину, а именно въ служеніи, совершенно несовмѣстномъ съ природными способностями раба, въ служеніи сверхъ силъ обременяющемъ его. Тщетно Толстой старается отрицать грѣхопаденіе и наслѣдственность грѣха; тщетно онъ признаетъ за человѣкомъ способность, путемъ исполненій заповѣдей пенталого, стать уже на землѣ, до смерти своей полноправнымъ членомъ царствія Божія. Все это тщетно! Потому что Толстой упускаетъ изъ виду, что царствіе Божіе можетъ осуществиться только тогда, когда вслѣдствіе испол-

ненія предписанной центалогомъ заповѣди совершеннаго цѣломудрія, человѣчество уже перестало-бы существовать.

Несомнѣнно эта заповѣдь обременяетъ раба сверхъ силъ, и несомнѣнно правственность Толстого такимъ образомъ также какъ и строго понятая церковно-христіанская, ни что иное, какъ рабская нравственность, рождающая безпокойство и неволю, нравственность, противъ которой человѣкъ, стремящійся, благодаря своей природѣ, къ миру и свободѣ, необходимо долженъ возстать, нравственность, которая находится въ полномъ противорѣчїи къ нравственности миролюбиваго и свободного человѣка, признаваемой въ теченїи многихъ столѣтїй восточной третью человѣчества, неоспоримо благодѣтельной.

VIII. Толстой какъ политикъ.

Обратимся теперь къ практическимъ заключенїямъ, которыя вывелъ Толстой изъ своей мистической системы нравственности. Здѣсь онъ выступаетъ уже не какъ, сравнительно безвредный, нигилистъ, какимъ онъ самъ себя открыто рисовалъ (смотри стр. 52. этого сочиненїя), но уже какъ анархистъ самаго опаснаго направленїя. Въ нигилистѣ, въ преимущественно недовольномъ, собственно говоря, выказывалось только отвращенїе къ существующему порядку и неопредѣленное вѣрованїе, что какимъ-нибудь способомъ появится нѣчто новое, лучшее на развалинахъ разрушеннаго. Анархистъ, напротивъ, туманно представляетъ себѣ уже новый порядокъ вещей, какой долженъ быть введенъ послѣ уничтоженїя существующаго. А между анархистами, какъ это созналъ Достоевскїй уже двадцать лѣтъ тому назадъ, самые опасные тѣ, которые основываются на религіозной почвѣ.

Обыкновенный простой современный анархистъ по большей части выходитъ или изъ мастерской безнадежнымъ шалуномъ, или же изъ третьяго класса гимназіи, какъ, „fruit sec“, какъ незрѣвшій плодъ, хвастаясь притомъ „міровоззрѣніемъ,“ которое, при ближайшемъ разсмотрѣніи заключается ни въ чемъ иномъ, какъ только въ дерзкомъ стремленіи безпощадно удовлетворять свои дикія чувственныя наклонности, поступая какъ „сверхъ-человѣкъ,“ которому все позволено, чего онъ только въ состояніи достигнуть. Такіе анархисты до сихъ поръ только и возбуждали о собѣ толки. Имъ прежде всего важно устранить всѣхъ, и устранить все препятствующее ихъ буйнымъ стремленіямъ: именно представителей гражданскаго порядка, поддерживающихъ ихъ авторитетовъ и главъ государствъ. Эти люди менѣе опасны, чѣмъ высокопоставленные нигилисты, имъ не удастся возбудить къ себѣ симпатіи. Инстинктивно каждый видитъ въ нихъ враговъ человѣчества, нарушителей мира, противниковъ свободы. „Сверхъ-человѣкъ,“ который безпощадно дѣйствуетъ въ личныхъ интересахъ, среди дикихъ, хищныхъ звѣрей, самое опасное существо и каждый ясно сознаетъ необходимость его уничтоженія.

Несравненно большую опасность чѣмъ эти матеріалистическіе анархисты представляютъ собою анархистическіе фанатики — идеалисты, потому что они подъ личиною соблазнительныхъ, великодушныхъ стремленій проповѣдуютъ свои менѣе прозрачныя, менѣе легко узнаваемыя революціонныя идеи. Эти опасные мечтатели обыкновенно выходятъ изъ мастерскихъ мечтателей ткачей, портныхъ и т. п., или же развиваются при огнѣ кабинетной лампы.

Всѣ эти революціонные идеалисты носятъ общій отпечатокъ, который не безъ основанія можетъ быть названъ „религіознымъ“, потому что доказываетъ стремленіе слѣпо посвятить себя если и не личному богу, то по крайней мѣрѣ господствующей *idée fixe*, которая переходитъ за границы

разума и бытія, и не обращать при этомъ въ своей усердной службѣ должнаго, безпристрастнаго вниманія на житейскія дѣла и ихъ разумныя потребности. Очень многимъ, если даже не всѣмъ мечтателямъ-реформаторамъ, которые прославились на западѣ, свойственна такая фантастически-религіозная черта. Подобно „тагамъ“ Передней Индіи, которые въ набожномъ богослуженіи какъ, мнимые благодѣтели человѣчества, совершали свои коварные разбои съ убійствомъ, подобно имъ и кровожадные Гебэръ и Робеспьеръ въ сладко-безпощадномъ почитаніи своей „богини-разума“ приносили безчисленныя человѣческія жертвы. И навѣрное религіозный фанатизмъ папы Сэнъ-Симонистовъ *rène Enfantin*, который сочувствовалъ принципіальному половому смѣшенію, повелѣ-бы къ обширнымъ беспорядкамъ и къ большимъ бѣдствіямъ, если бы его не устранили заблаговременно.

У Толстого, какъ мы видѣли дѣло касается (ср. стр. 47), главнымъ образомъ, требуемаго Творцомъ міра служенія, сообразно даннымъ, откровеніемъ заповѣдямъ пенталога. Между этими заповѣдями первое мѣсто занимаетъ та, которая при пробужденіи Толстого обусловленномъ терпѣливостью Сютаева, прежде всего должна была придти ему на умъ, именно заповѣдь: „Не противодѣйствуйте злу“ т. е. „переносите насиліе, но не употребляйте его“. Эта заповѣдь служила основаніемъ всей, своеобразной политики Толстого, излагаемой и разъясняемой въ его сочиненіяхъ, „Современные рабы“ и „Единственное средство“ (нѣм. пер. Лейпцигъ, 1901 г.) и въ его романъ: „Воскресеніе“ (нѣм. пер. 4 и 5 тысячи, Лейпцигъ, 1900). Мы теперь постараемся изложить ее по возможности коротко и ясно. Но прежде необходимо еще замѣтить, что Толстой поступилъ тутъ точно такъ-же, какъ и при построеніи своей системы нравственности: но неимѣющую основанія и носящуюся какъ бы въ воздухѣ систему политики онъ надѣлъ такъ сказать крышу, которая давно уже имѣлась на готовѣ

для этой цѣли, воображая, что такимъ образомъ ему удалось создать нѣчто прочное.

Вся культура Европы и Америки, какъ учитъ Толстой въ первомъ изъ только-что упомянутыхъ сочиненій, — основывается только на рабствѣ, возникшемъ потому, что являлись завоеватели, которые силою оружія покоряли и порабощали людей. Чтобы сдѣлать это рабство продолжительнымъ, покоренныхъ прежде всего лишали земли, которую завоеватели брали себѣ. Тогда земледѣлецъ работалъ для удовлетворенія уже не личныхъ потребностей, а для своего господина, который самъ не занимался земледѣліемъ. Равнымъ образомъ заставляли и остальныхъ покоренныхъ работать и въ другихъ, неприятныхъ отрасляхъ промышленности на пользу праздныхъ покорителей. Для сохраненія этой принудительной системы и для удержанія недовольныхъ рабовъ въ повиновеніи, покорители назначали смотрителей, т. е. государственныхъ чиновниковъ всякаго рода и различныхъ степеней и предоставляли въ ихъ распоряженіи полицейскихъ служителей и солдатъ, которые путемъ всякаго рода наказаній, даже угрозой смерти и убійствъ въ назиданіе другимъ т. е. путемъ насилія должны были держать рабовъ въ повиновеніи. Чтобы покрыть издержки, вызванныя содержаніемъ смотрителей и полицейскихъ служителей, чиновниковъ, солдатъ и прочихъ помощниковъ, всѣмъ имъ даровали, съ одной стороны право на частную собственность, притомъ право не только на землю, которую должны были обрабатывать порабощенные земледѣльцы, но и на промышленныя заведенія, на которыхъ работали остальные холопы, не находившіе удовольствіе въ этомъ занятіи, а съ другой же стороны всѣхъ рабовъ въ формѣ принудительныхъ сборовъ лишали части того, что составляло ихъ вознагражденіе за невольную работу. Эта система однако не была способна сохранить на долго свою принудительность для порабощенныхъ; поэтому стало необходимо убѣдить ихъ путемъ

обмана въ томъ, что ихъ участь завидная и мыслимо лучшая. Не говоря уже о преобладающихъ блаженствахъ, на которыя будто-бы могли надѣяться послушные рабы въ загробной жизни, ихъ вниманіе обращалось еще на то, что въ земной жизни дѣйствующая система, какъ нельзя лучше, заботится о нихъ, ибо не гарантируетъ имъ все то, что безъ нея было бы невысказано: безопасность личности и собственности, учебныя заведенія и учрежденія вѣдущіе народное благосостояніе.

Этотъ обманъ, все обѣщающій, но ничего не исполняющій, былъ причиною того, что порабощенные дали себя гипнотизировать и до того поглупѣли, что считали свое положеніе необходимымъ и само собою понятнымъ. Большею частью имъ даже въ голову не приходило освободиться изъ этого рабскаго положенія. Они подобны страннику рисуемому въ одной сказкѣ изъ 1001 ночи, взявшаго на свои плечи дряхлаго и безсильнаго старика, чтобы перенести его черезъ ручей. Этотъ старецъ такъ крѣпко вцѣпился въ странника, что сталъ имъ управлять заставляя его безъ усталости носить своего покорителя къ фруктовымъ деревьямъ, плодами коихъ тотъ наслаждался, ничего не удѣляя носящему его благодѣтелю.

А тѣ немногіе которые узнали гибельность принудительной системы и связанный съ этой системой обманъ, употребляли для уничтоженія его или невѣрныя средства, или насилія, вродѣ возстанія, революціи и т. п., словомъ мѣры, не могущія достигъ цѣли, вслѣдствіе меньшинства противодействующихъ и превосходства деспотовъ и вслѣдствіе того, что толпа, привыкшая къ принужденію и къ несамостоятельности, добровольно покорилась бы новымъ властителемъ. Хотя они и правильно понимали свое положеніе, но не рѣшались на попытку освободиться изъ него, потому что, во первыхъ не хотѣли подвергать себя опасностямъ неудачи, а предпочитали мириться съ своимъ положеніемъ и считать его добродѣтельнымъ, — а во вторыхъ, потому что при преобладающемъ господствѣ

такого образа мыслей, попытка освободиться и безъ того должна была, остаться безуспѣшной.

Такимъ образомъ, система рабства для всего культурнаго міра Европы и Америки, повидимому неминуема, и объясняется самой природой вещей, и уже тѣмъ легче, что содержатели рабовъ постоянно умѣютъ, при грозящей имъ опасности отъ пробуждающагося сознанія въ поработенныхъ, отказаться отъ дѣйствующей въ данное время формы рабства, замѣнивъ ее другою еще болѣе сильною. Такъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости въ Европѣ и затѣмъ въ Россіи, и освобожденіе невольниковъ въ Америкѣ, осталось безъ послѣдствій, потому что одновременно создано зависимость отъ капитала, рабство, хотя повидимому и болѣе гуманное, но на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе жестокое. Точно также отказались и отъ жестокостей деспотизма, придумавъ гораздо болѣе тяжкія формы правленія: конституціонализмъ и парламентаризмъ, — обманъ, направленный въ пользу власти содержателей рабовъ. Всѣ законы издаются будто-бы въ согласіи народа, по его порученію и въ его пользу, на самомъ-же дѣлѣ представители народа, принадлежащіе къ классу рабовладѣльцевъ, проводятъ только то, что способствуетъ исключительно ихъ личной пользѣ, крѣпче и неразрывнѣе сковывая узы рабства.

Все-же, продолжаетъ пророкъ Толстой — отъ господствующей въ культурномъ мірѣ Европы и Америки системы рабства можно избавиться; освобожденіе отъ нея наступитъ тогда, когда всѣмъ поработеннымъ станетъ очевиднымъ обманъ, которымъ пользовалось правительство и дѣйствительное и вѣрное средство спасенія, именно соблюденіе божественной заповѣди: „Переносите насиліе, но не употребляйте его!“ Исполненіе ея поведетъ необходимо къ уничтоженію того, что поддерживаетъ его къ уничтоженію правительства, пользующаюся системою насилія.

Правительству грозить неминуемая гибель, если каждый откажется принимать участіе въ насиліи, практикуемомъ имъ, если оно лишится средствъ къ существованію и дѣйствию вслѣдствіе отказа всѣхъ, во первыхъ отъ гражданской и военной службы, во вторыхъ отъ государственныхъ податей и въ третьихъ отъ права собственности.

Безусловное примѣненіе этихъ средствъ спасенія, какъ это доказывается нѣкоторыми мѣрами, мыслимо и возможно. Но и тѣмъ, которые не рѣшаются способствовать всѣми названными мѣрами немедленному уничтоженію правительства, нисколько не будетъ возможнымъ содѣйствовать постепенной гибели его путемъ возможно широкаго отказа его выгодъ, предоставляемыхъ правомъ собственности, путемъ отказа, по возможности отъ всякой государственной службы сопряженной съ принудительными мѣрами, путемъ неупотребленія вещей, подлежащихъ государственному сбору, путемъ сведенный до минимума поддержки государственныхъ учрежденіи устройствомъ частныхъ и. т. п. Такимъ образомъ правительство, хотя исподволь, но неминуемо, обезсилить и погибнетъ въ концѣ концовъ. Вопросъ о томъ что будетъ послѣ ниспроверженія правительства? рѣшается соображеніемъ, что убійство нѣчто нехорошее; а потому я ни въ коемъ случаѣ не могу принимать участіе въ томъ, что ведетъ къ убійству, и я не хочу и не могу пользоваться тѣмъ, что охраняется угрозами смерти. Что изъ этого выйдетъ, я не знаю, я слѣдую голосу совѣсти, высшему и самому компетентному судѣ.*)

*) За сочиненіемъ „Современные рабы“ непосредственно слѣдовала небольшая брошюра; „Послѣднее средство“, разбирающая ту-же тему. Она втрое короче „Современныхъ рабовъ“, но имѣетъ втрое большее значеніе. Въ ней идетъ рѣчь не объ одномъ только рабствѣ въ европейскомъ и американскомъ культурныхъ мірахъ, но уже о безчисленныхъ миліонахъ рабочихъ всего міра, включая сюда Африку, Индію и пр. а также Китай, униженныхъ на степень рабочаго скота. Въ то-же время эта брошюра учитъ, что тотъ же самый методъ, которымъ неминуемо должны быть ниспровергнуты правительства, слѣдуетъ примѣнять и по отношенію къ классу

Противорѣчіе, только что описанной политической системы Толстого, выступаетъ для каждаго до того ясно и наглядно, что пожалуй, даже и не стоитъ доказывать опасности его. На самомъ дѣлѣ это кажется однако вовсе не такъ. Колоссальная продажа сочиненій Толстого вызывается не только легкомысленной страстью къ произведеніямъ, возбуждающихъ шумъ (сравни стр. 9). Напротивъ пророкъ повсюду имѣетъ приверженцевъ, которые внимаютъ его словамъ, точно откровеніямъ, не подвергая ихъ вовсе критикѣ. Кромѣ того существуютъ и такія политическія общества (ср. „Современные рабы“, стр. 101), представителемъ интересовъ которыхъ служитъ уже публичный органъ „Безъ правительства“. Къ тому-же социаль-демократы всѣхъ направленій, и наводящіе на всѣхъ страхъ и ужасъ анархисты безъ сомнѣнія сумѣютъ воспользоваться политическимъ трактатомъ Толстого, несмотря на то, что онъ *ad absurdum*.

Вообще эта новая брошюра Толстого гибельна и опасна именно тѣмъ, что она въ высшей степени способна возбудить, поддержать въ рабочихъ жгучую ненависть къ раздающимъ

частныхъ рабовладѣльцевъ; именно никто не долженъ дозволить, чтобы имъ, въ качествѣ управляющаго имѣніемъ или руководителя работы злоупотребляли въ цѣляхъ притѣсненія ближняго. Въ концѣ концовъ въ ней доказывается, что этотъ методъ ничто иное, какъ исполненіе божественной заповѣди, предписывающей намъ поступать съ ближними такъ, какъ мы бы желали, чтобы они съ нами поступили. — По всей вѣроятности такіе-же вѣрные источники какъ тѣ, благодаря которымъ Толстой началъ презирать всю науку, и доставили ему свѣденія о Китаѣ. Тамъ дѣйствительно мы встрѣчаемъ только свободныхъ и довольныхъ своего участіемъ рабочихъ, исключая рѣдкіе случаи нечаянно погибшихъ, которые, несмотря на то, что еще способны къ работѣ, по какой либо причинѣ, вслѣдствіе гордости, или ненормально уединенной жизни, не желаютъ, или не могутъ воспользоваться общественными и государственными благотворительными учрежденіями (сравни мою книгу „Die gelbe Gefahr als Moralproblem, стр. 185) и предпочитаютъ, въ силу необходимости, жить при тяжелой обстановкѣ, и тѣхъ, относительно немногихъ, которые за тяжкія преступленія подвергались исключенію изъ семейнаго союза (Срав. „Die gelbe Gefahr стр. 112, 51 и 52) нельзя предвидѣть до чего еще доведетъ Толстого эта „idée fixe“; вполне завладѣвшаго имъ.

работы, вмѣсто того чтобы, какъ того повидимому желаетъ Толстой, сдѣлать изъ нихъ миролюбивыхъ, любящихъ ближняго христіанъ. Поэтому невозможно не упомянуть о политикѣ Толстого. — Тутъ вовсе нельзя думать о скольконибудь основательной критикѣ политической системы Толстого, и о совершенномъ опроверженіи важнѣйшихъ ея пунктовъ: объ этомъ было бы необходимо написать цѣлое сочиненіе. Можно только слегка коснуться нѣкоторыхъ подробностей.

При чтеніи брошюры „Современные рабы“ можно убѣдиться въ томъ, что Толстой вовсе не имѣлъ въ виду прибавить къ своей всеобщей системѣ и нравственности еще спеціальную, касающуюся политики, практическую часть. Случайное наблюденіе возмутительно жестокаго обращенія съ рабочими дало ему поводъ, опять-таки остановиться на своей *idée fixe*, которой онъ одержимъ, именно на заповѣди: „Не противодѣйствуй злу“.

Какъ будто безъ всякаго намѣренія съ его стороны, эта *dée fixe* вырастаетъ у него вдругъ въ политическій трактатъ. Почти до половины этой брошюры, именно до страницы 58-ой, кажется будто авторомъ имѣлось въ виду только бичевать обычное въ Россіи обращеніи съ рабочими и опровергнуть и осмѣять все то, что создано богословіемъ и политической экономіей въ оправданіе и подкрѣпленіе такого злоупотребленія. — Даже когда Толстой говоритъ о „современномъ“ рабствѣ рабочихъ (стр. 54) приглашая всѣхъ въ концѣ концовъ (стр. 57), признать существованіе рабства и „въ нашемъ обществѣ“, даже тогда еще нельзя подозрѣвать, что онъ вдругъ, на стр. 58 захочетъ предложить всѣмъ рабочимъ Россіи, Европы и Америки вопросъ, не находятся-ли всѣ они въ такомъ же жалкомъ положеніи. Поражаетъ, что все, служившее на стр. 48, причиною насмѣшки надъ поверхностной культурой Россіи обобщается Толстымъ и относится къ Европѣ и Америкѣ, а культурные народы Европы и Америки призываются ихъ на ряду съ русскими къ испроверженію своего прави-

тельства. Толстой повидимому совсѣмъ одержимъ этой *idée fixe*.

Политическая система Толстого, претендующая быть признанной всѣми, нуждалась въ общепринятой исходной точкѣ. Этимъ объясняется произвольное и невѣрное утверждение его, будто всѣ рабочіе Европы и Америки находятся подъ такимъ-же унижительнымъ гнетомъ, который существуетъ въ Россіи, этимъ объясняется тоже, что Толстой распространяетъ это неосновательное утверждение на безчисленные миллионы рабочихъ цѣлаго міра. Далѣе противно истинѣ утверждение Толстого, что всѣ старанія, улучшить и обезпечить положеніе рабочихъ, нигдѣ не увѣнчались успѣхомъ. Только человѣкъ съ упорнымъ предубежденіемъ могъ не замѣтить достойныхъ вниманія и нисколько не безуспѣшныхъ попытокъ какъ работодателей, такъ и самихъ рабочихъ, улучшить положеніи рабочаго класса и создать спеціальный миръ.“

Чтобы его политическая система была принята всѣми, Толстому необходимо была доказать, что всѣ повсюду замѣчаемые соціальные недостатки имѣютъ одну и ту-же исходную точку. Таковой ему служила будто-бы повсюду обнаруживающаяся и повсюду являющаяся нарушеніемъ божественной заповѣди „не противодѣйствуй злу“, склонность къ завоеванію и грабежу.

Это второе главное положеніе политической системы Толстого уже никоимъ образомъ не можетъ рассчитывать быть принятымъ всѣми.

Ибо культура восточной трети человѣчества никогда не основывалась на стремленіи къ завоеванію и грабежу, напротивъ постоянно и успѣшно ставила себѣ задачей поощреніе мира и свободы, самостоятельно преодолевая всѣ препятствія (сравни „Die gelbe Gefahr“, *passim*). Согласно этимъ и пророчески авторитетное воззваніе его къ уничтоженію всякаго, рѣшительно правительства вовсе не можетъ относиться къ восточной трети чѣловѣчеста; ибо тутъ, напротивъ, уже

22 раза въ теченіи 4500 лѣтъ увѣнчалось успѣхомъ возстановленіе пошатнувагося правительства по первобытному образу. Лжепророкамъ не удается сбить съ толку жителей востока и разувѣрить ихъ въ пригодности этой, неоднократно оправдавшейся политической системы.

Наконецъ желаніе запада вѣрующаго въ загробную жизнь, устроить всю жизнь человѣчества на данной Богомъ заповѣди: „не противодѣйствуй злу“, ставшей „*idée fixe*“ Толстого, — является роковымъ по своимъ послѣдствіямъ заблужденіемъ, ибо эта заповѣдь, какъ въ общемъ смыслѣ, такъ и въ пониманіи Толстого, страшно противорѣчитъ нравственности.

На сколько то доступно человѣческому разуму, все безъ исключенія на свѣтѣ, матеріальное, какъ и духовное, подчиняется одной и той же потребности, стремящейся во что бы то ни стало къ удовлетворенію, — одного и того же неукротимого сознательного влеченія: къ гармоніи, т. е. къ соответствію, къ равновѣсію, къ примиренію противорѣчій, къ законному порядку.

То-же самое стремленіе къ постоянно преслѣдуемой, но никогда не достижимой цѣли къ гармоническому бытію присуще также и небеснымъ тѣламъ во вселенной и неодушевленнымъ предметамъ, окружающимъ насъ на землѣ. Оно руководитъ всѣми ихъ отношеніями другъ къ другу и взаимнымъ ихъ воздѣйствіемъ, а также и всѣми живыми существами, не только въ тѣлесномъ, фізическомъ отношеніи, но и въ умственномъ: интеллектуальномъ, нравственномъ и эстетическомъ. Повсюду замѣтное прогрессивное развитіе, слѣдующее строгимъ закономъ, ничто иное, какъ непрерывное проявленіе этого неутомимаго стремленія къ гармоническому бытію.

Подобно тому какъ вода никогда не довольствуется своимъ русломъ, постоянно измѣняя его сообразно новымъ условіямъ, то весьма значительно, то едва замѣтно, такъ же и умствен-

ная дѣятельность неутомимо работаетъ, чтобы сообразовать вновь прибрѣтенныя познанія съ болѣе обширнымъ понятіемъ, сознательное хотѣніе съ болѣе развитымъ умѣніемъ и для достиженія удовлетворяющей всѣхъ гармоніи.

Что въ области физическаго міра повидимому является препятствіемъ къ управленію силъ и поэтому должно быть устраняемо, то въ области нравственнаго развитія считается зломъ, нарушающимъ миръ и свободу, которое, во что бы то на стало слѣдуетъ искоренить. Поэтому заповѣдь: „Не противодѣйствуй злу,“ какъ она понимается Толстымъ, получаетъ смыслъ: „Протився нравственному развитію; отказывай его прогрессу въ твоемъ содѣйствіи!“

Ибо наше нравственное сознаніе не можетъ не признавать факта, что наша умственная жизнь слѣдуетъ другимъ законамъ, чѣмъ физическая; что она не подобно міра физическому подчиняется необходимости, требующей причинной связи, и поддержанія энергіи, но что хотѣнію и дѣйствію, смотря по зрѣлости характера, даль просторъ, что мы, не смотря на рѣшительное вліяніе наслѣдственности, воспитанія и окружающей среды, все таки способны, принимать свободныя рѣшенія и совершать дѣйствія, поднимающія насъ на болѣе высокій нравственный уровень, что мы способны расширять наши познанія и понятія и обогащать и облагораживать мотивы нашего хотѣнія и нашихъ поступковъ, что мы однимъ словомъ, способны увеличить нашу умственную энергію и передать личное обогащеніе окружающей насъ средѣ и своему потомству, это необходимыя условія нравственнаго прогресса. Нравственное наше сознаніе не можетъ отрицать факта, что мы, вмѣсто того чтобы быть изолированными, надѣясь во всемъ только на себя, напротивъ того находимся въ извѣстномъ отношеніи къ своимъ предшественникамъ и къ членамъ окружающаго насъ общества, равно и къ потомству: что мы своимъ положеніемъ и достояніемъ обязаны большею частью не лич-

нымъ дѣйствіямъ, но традиціи и содѣйствію другихъ нашихъ предшественниковъ и ближнихъ, и что мы обязаны полученное нами по наслѣдству и пріобрѣтенное собственными силами передать окружающей насъ средѣ и потомкамъ, для умноженія общаго блага и поощренія умственного и главнымъ образомъ нравственнаго развитія.

Если, по этому, что нибудь считается и признается зломъ, потому что ограничиваетъ общее благо и нарушаетъ гармонію общества, мѣшая ему развиваться мирно и свободно, то обязанность каждаго съ своей стороны — содѣйствовать искорененію этого зла. Въ противномъ случаѣ онъ содѣйствовалъ бы гибельному вліянію зла; онъ благопріятствовалъ-бы не только прямому вреду, вытекающему изъ этого зла въ данный моментъ, но, что гораздо важнѣе, опасности являющейся отъ подражанія продолжительному гибельному примѣру. Если для противодѣйствія этому злу и отвращенія его мало одного кроткаго наставленія и увѣщанія, то слѣдуетъ, во что бы то ни стало, прибѣгнуть къ насилію даже, если необходимо, къ истребленію злодѣя, точно такъ-же какъ и при защитѣ отъ неразумныхъ звѣрей. Что является обязанностью каждаго отдѣльнаго индивидуума, то въ силу необходимости, должно быть обязанностью и цѣлью, — обязанностью общества и государства.

По этому заповѣдь: „Не противодѣйствуй злу,“ какъ понимаетъ ее Толстой основывается на одномъ изъ самыхъ опасныхъ и роковыхъ нравственныхъ заблужденій. вмѣсто этого, здоровая нравственность должна выставить заповѣдь, на самомъ дѣлѣ благотворную, содѣйствующую нравственному развитію: „Противодѣйствуй злу всѣми средствами.“

Однако на счетъ политики Толстого не только можетъ, но даже должно быть сказано еще худшее, чтобы во всемъ воздать должное истинѣ: политика его не только нравственное заблужденіе; она не только нравственное помѣшательство; какъ таковое оно было-бы достойное, правды сожалѣнія; но

она является чѣмъ-то еще худшимъ. Не смотря на то, что, она сама прославляетъ себя и почитается другими за политику высшей гуманности, способную довести человѣка до благороднѣйшаго мировозрѣнія, не смотря на все это она (*sit venia verbo*: нѣтъ вѣжливаго слова, выражающаго истину) является но пусть лучше самъ читатель додумается до имени прилагательнаго, могущаго служить подходящимъ эпитетомъ для этой политики и даетъ намъ право, безпощадно бороться противъ нея. Больного стараются излѣчить; неизлѣчимо помѣшаннаго стараются сдѣлать безвреднымъ, не поступая съ нимъ сурово, но съ разорителемъ нельзя обходиться нѣжно и вѣжливо.

Самъ Толстой, жаждущій правды отвернулся бы съ ужасомъ отъ собственной системы политики, если бы взоръ его, послѣ тяжкой, душевной болѣзни, мистически помраченный, былъ еще способенъ узнать пѣль, къ которой ведетъ совѣтуемое имъ ниспровеженіе правительствъ. Не только — теоретическая „наука“ указана — бы ему ужасную цѣль но и эмпирическая подтвердила и доказала бы ему, что человѣчество, отказывающееся отъ государственнаго порядка, становится ужасно варварскимъ, даже звѣрски дикимъ. Потому все-таки слѣдуетъ предпочитать самое несовершенное и скверное правленіе — безначалію.

Подобно цейлонскому Ведду и чистокровному китайцу, можно-быть человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не признавая никакой религіи. Напротивъ того изрѣченіе, что человѣкъ государствостроительное животное *ζῷον Πολιτικόν*, хотя и утрировано, но тѣмъ не менѣе вѣрно, ибо одинъ только человѣкъ изъ всѣхъ живыхъ существъ одаренъ способностью, даже потребностью къ образованію Государства.*) Только

*) Такъ называемыя царства животныхъ служатъ только очень совершеннымъ образомъ сохраненію породы на разъ достигнутой высотѣ. Государство же людей напротивъ преслѣдуетъ цѣль: поднять нравственность своихъ гражданъ выше достигнутаго уровня.

людямъ свойственна настоящая нравственность: способность стремиться одновременно и къ миру и къ свободѣ. Государство является или, по крайней мѣрѣ, должно являться осуществленіемъ нравственного идеала, въ чемъ однако западное международное право еще не убѣдилось или же, чему оно еще не успѣло придать принудительнаго значенія, такъ какъ тамъ все еще господствуетъ право только сильнаго, что осмѣивается самодовольными реальными политиками запада.

Еще не нашли народа, не нашли людей, которымъ всегда совсѣмъ не доставало бы способности къ образованію государства и которые никогда не проявляли бы потребности къ тому. Даже Ведды, самый первобытный изъ всѣхъ народовъ, иногда, смотря по обстоятельствамъ, явно обнаруживаютъ наклонность къ образованію государства. Сравни: (*Die Sittlichkeitslehre als Naturlehre* (Leipzig 1884 ст. 112) и самая древняя и высшая культура-культуры китаецъ, поняла Государство въ самомъ чистомъ и совершенномъ смыслѣ: именно смотрѣла на него какъ на распространенную семью. Напротивъ, гдѣ человечество дошло до такого упадка, что оно принципиально отвергаетъ государственную организацію или уже не въ силахъ воспроизвести ее изъ самой себя, тамъ господствуетъ блуждающее челоѣконенавистничество „*bellum omnium contra omnes*“, тамъ человечество почти исключительно живетъ насиліемъ и грабежомъ (какъ на примѣръ туркмены центральной Азіи и бедуины Мезопотамии и Сиріи); или же оно опускается ниже уровня животныхъ безчелоѣчныхъ людоѣдовъ, другъ друга пожирающихъ. Однако ни на высшей и ни на низшей ступени образованія государствъ ее признается, какъ бы хотѣлось Толстому принципъ: „Не противодѣйствуй злу“ въ томъ смыслѣ какъ онъ его прѣнимаетъ*); нигдѣ не отказываются ни отъ

*) Изрѣченіе. „Не противодѣйствуй злу“ въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно первоначально употреблялось, навѣрно слѣдуетъ понимать иначе, чѣмъ понимаетъ его мистика Толстого. Смыслъ его, который въ значительной степени облагороживалъ поколѣнія далекаго прошлаго глупо нравст-

судейской дѣятельности ни отъ права наказанія. При началѣ образованія государствъ, когда о другой инстанціи и не могло быть еще и рѣчи, отцу семейства, въ случаѣ вторженія въ сферу его правъ, принадлежали одновременно и обязанности судьи и исполнительная власть. На высшей степени развитія государства отецъ семейства не имѣетъ ни одной изъ этихъ двухъ полномочій, онъ является уже не судьей, не исполнителемъ наказаній и то и другое перешло на семейный совѣтъ, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ. Этотъ совѣтъ является непосредственно первой судебной инстанціей, государственный судья дѣйствуетъ въ исключительныхъ случаяхъ, на прим. за отсутствіемъ семейнаго совѣта, являясь вспомогательной или же апеллаціонной и кассационной инстанціей (сравни „Die gelbe Gefahr als Moralproblem“, то же автора *) стр. 111 и слѣд.).

Если Толстой принципиально отвергаетъ всякую судейскую дѣятельность и всякое наказаніе, то онъ анархистъ въ полномъ смыслѣ этого слова**); еще больше: онъ нравственный нигилистъ и идеальная цѣль восхваляемаго его „Міровозрѣнія“ не есть „сверхчеловѣческая“ а на самомъ дѣлѣ не достойна человѣка. Все это, повидимому, говорить за то, что

венный. Будучи противопоставлено не посредственно передъ тѣмъ сказанному изреченію „око за око и зубъ за зубъ“, оно очевидно означаетъ только слѣдующее: Откажись отъ личнаго удовлетворенія путемъ возмездія, откажись отъ утоленія своей жажды мести. Во времена Каролины месть и возмездія являлись существенными, конечными точками правосудія; теперь ихъ больше тамъ ужъ не найти.

*) Впрочемъ онъ самъ въ этомъ сознается, называя себя первобытно Христіанскимъ анархистомъ. (Сравни Шмитта на вышеозн. мѣстѣ стр. 79).

***) „Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсту гнѣву Божію. Ибо написано. Мнѣ отмизеніе, Я воздамъ говоритъ Господь (рымлянѣмъ 12, 19. Обыкновенно подъ словами „дайте мѣсто гнѣву Божію“ понимаютъ Дайте мѣсто гнѣву Божію, чтобы онъ, а не вы, могъ творить судъ Божій. Апостоль Павелъ воспроизводитъ пророческій стихъ изъ Моисея V гл. 32 стр. 35, гдѣ значитъ. Уменя отмизеніе и воздаяніе, когда поконедедлется нога ихъ.“

развитое нравственное сознание во всякомъ случаѣ рѣшительно исключаетъ личную мечь. Однако дѣло вовсе не такъ просто, чтобы его можно было коснуться лишь слегка. Оно скорѣе принадлежитъ къ болѣе труднымъ или по крайней мѣрѣ къ болѣе интереснымъ проблемамъ нравственности и стоитъ основательною разсмотрѣнію.

Но ни кокимъ образомъ нельзя было подобно Толстому рѣшить этотъ вопросъ на основаніи вѣры въ откровение Божіе. Если Толстой далъ „разуму“ право отвергать святѣйшее таинство церкви Евхаристію, отпущеніе грѣховъ въ причастіи, то разумъ же имѣлъ полное право высказаться относительно трудной и важной проблемы мести

Христіанству отнюдь не было предложено отказаться отъ личной мести и передать право мщенія высшей власти. Не примемъ въ расчетъ нравственнаго развитія восточной трети человѣчества и ограничимся исключительно западомъ. Уже изреченія: „Мнѣ отмщеніе“ (посланіе къ риличанамъ 12, 19) въ очень далекомъ прошломъ въ Аѳинахъ почитались Эриннии и Эмениды (Омны) какъ суровыя богини, которыя послѣ прекращенія кровавой мести должны были удовлетворять требованіямъ вѣчно сущей справедливости. Весьма характерной особенностью является то, что на празднествѣ въ честь Эменидовъ только свободные мужи могли приносить жертвы Гезихосу „Спокойному“, безстрастному опцу Эменидовъ. Если такимъ образомъ развитое нравственное сознание положительно отрицаетъ возможность того, чтобы кто либо старался утолить исключительно личную жажду мести и при этомъ еще стремилъ ея къ личной выгодѣ, то этимъ еще не сказано, чтобы никто не посмѣлъ считать себя въ правѣ или даже обязаннымъ по собственному внушенію служить вѣчной справедливости, преслѣдуя, не смотря на личныя жертвы, преступника и привлекая его къ отвѣтственности, если онъ не подвергался публичному наказанію. Въ этомъ отношеніи

нельзя отрицать, что иногда, когда правосудіе стоитъ не на высотѣ своего призванія, кровавая месть имѣетъ нравственную основу.

Такъ, напримѣръ, въ Китаѣ, гдѣ въ сущности не допускается личная, особенно-же кровавая месть, не безъ права прославляются общественнымъ мнѣніемъ тѣ случаи, въ которыхъ кто-либо нѣсколько десятилѣтій сряду, не смотря на самыя чувствительныя личныя жертвы, преслѣдуетъ ненаказаннаго убійцу, чтобы отомстить за убитаго родного брата.

Если просвѣщенное нравственное сознание требуетъ публичнаго наказанія преступника (и иногда допускаетъ частное его преслѣдованіе) то въ основаніи такого требованія повидимому лежитъ признаніе нравственнаго порядка вещей, согласно которому человѣчеству предназначается подняться отъ болѣе низкой до болѣе возвышенной нравственности, т. е. до болѣе прочнаго мира и болѣе широкой свободы. Съ такимъ нравственнымъ порядкомъ вещей однако несогласно требованіе одобренной Толстымъ заповѣди, чтобы побитый ни въ коемъ случаѣ не смѣлъ защищать себя, а подставлялъ для вторичной пощечины и другую щеку, чтобы лишенный своего плаща предлагалъ и свою рубашку. Если во всѣхъ вопросахъ касающихся нравственности высшей рѣщающей инстанціей является не слѣпая совѣсть, а здравый разумъ, то зрѣлое нравственное сознание должно требовать прежде всего не абсолютнаго миролюбія, но главнымъ образомъ храброй защиты права, въ интересахъ поощренія личной и всеобщей безопасности, утвержденія мира и распространенія свободы.

Абсолютное миролюбіе можетъ быть предписано и рекомендовано только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ носиліе и гдѣ у слабого для самозащиты нѣтъ другого оружія, какъ покорное моленіе о милости. Только, такъ сказать, инстинктивнымъ воспоминаніемъ о подобныхъ пережитыхъ низкихъ ступеняхъ культурнаго развитія объясняется, почему насъ глубоко тро-

гають примѣры безусловнаго и безграничнаго миролюбія*) и до крайности унизительной потребности въ милости**). Наоборотъ, мы въ силу необходимости должны признать за несомнѣнный признакъ развитаго мужества, когда въ Греціи герои, которые противились натиску варваровъ, жертвуя собственною жизнью въ нравственномъ отношеніи, почитались какъ блестящіе примѣры, и когда восточная азіатская мудрость (которая не думаетъ рекомендовать любовь къ нарушителю мира, къ угнетателю свободы, т. е. къ врагу) учила что слѣдуетъ бороться какъ противъ внутреннихъ, такъ и противъ внѣшнихъ враговъ.***) Не слѣдуетъ считать за личную месть, но признать наказаніемъ, согласнымъ съ общественнымъ сознаніемъ справедливости, если въ Китаѣ бѣднякъ, которому въ видѣ исключенія богатый или могущественный причинилъ

*) Такъ, напримѣръ, рогательное сказаніе Будды „о царѣ Лейделангъ“ изд. Германа Ольденбергъ: Будда, его жизнь, ученіе и его послѣдователи. На нѣмецк. яз. (Лейпцигъ, стр. 303 и слѣд)

**) Какъ у Böhl de Faber: Floresta de rimas antiquas castellanas (Hamburgo 1821) I № 5 великолѣпная молитва Pero Lope de Ayala 1367 году.

***) М. Г. Потье: „Небесное царство,“ II. (на нѣмец. яз. Крефельдъ 1844) Конгъ-фу-тце: „Будь строгъ къ самому себѣ и снисходителенъ къ другимъ. Это поможетъ тебя воздержать отъ чувства мести.“ „Если воздавать добромъ за зло, то чѣмъ же воздавать за добро? Слѣдуетъ платить справедливостью за ненависть и оскорбленія и благодареніемъ за благодареніе“ (стр. 133 и 144) Менгъ-тсеу: „Человѣкъ не можетъ не краснѣть за свои ошибки, если онъ разъ почувствуетъ стыдъ; если онъ не постыдился своихъ ошибокъ, то у него не будетъ больше причины къ стыду (стр. 338). Я хочу наслаждаться жизнью и быть справедливымъ. Если же я не могу имѣть и то и другое, я жертвую жизнью и предпочитаю справедливость . . . Я боюсь смерти, противъ которой я имѣю отвращеніе, но пуще смерти, я боюсь еще болѣе страшнаго: несправедливости. Поэтому, если бы мнѣ предстояла смерть, я бы не старался избѣгнуть ея, желая слѣдовать справедливости (стр. 316).“

. . . Пе-кунгъ-ней поддерживалъ свою храбрость и отвагу тѣмъ, что не оставлялъ защиты до побѣды надъ нимъ противника и до тѣхъ поръ, пока блескъ непріятельскаго оружія, не ослѣпилъ глаза его . . . Могъ-ли онъ быть увѣренъ въ своей побѣдѣ? Онъ могъ быть свободенъ отъ всякой боязни, вотъ и все (стр. 202 и 203). Самосохраненіе путемъ вѣрнаго способа является фундаментальнымъ основаніемъ всякаго вообще сохраненія (стр. 264).

насиліе, убиваетъ передъ его дверьми самъ себя, подвергая оскорбителя, предполагаемаго убійцу, всей строгости уголовныхъ законовъ государства.

Про свое политическое мировозрѣніе Толстой говоритъ вполне ясно: „Что изъ этого выйдетъ, я не знаю,“*) и этимъ онъ характеризуетъ свою точку зрѣнія какъ глубоко безнравственную и несогласную съ человѣческимъ достоинствомъ. Ибо отличіе человѣка отъ животнаго, состоящее въ разумной, стремящейся къ развитію нравственности, является особенной областью критическаго разбора и причинныхъ вопросовъ. Но какъ же мнѣ возможно судить о добрѣ и злѣ, о качествахъ чего-либо, если я вообще отказываюсь задавать себѣ вопросъ: „Какая тутъ цѣль? что изъ этого выйдетъ?“ Единственной цѣлью, преслѣдуемой Толстымъ, является удовлетвореніе совѣсти, — будто-бы высшаго и самаго компетентнаго судьи. Но, спрашивается, куда же Толстой дѣлъ „разумъ“, который онъ призналъ „высшимъ и самымъ компетентнымъ судьей“ тогда, когда отвергнулъ святѣйшее церковное таинство Евхаристіи, отпущенія грѣховъ въ причастіи? (сравни стр. 39). — Онъ отказался отъ разума, когда онъ, напрасно стараясь рѣшить неразрѣшимыя загадки, вполне предался мистикѣ, успокаивающей упоеніемъ. Съ этихъ поръ совѣсть замѣнила разумъ. Совѣсть однако враждебна разуму, если она эмансипируется отъ него. Совѣсть является надежнымъ руководителемъ и проводникомъ только до тѣхъ поръ, пока она представляетъ собою разумъ, выражающійся въ привычкѣ чувствовать, какъ-бы безсознательный, ставшій инстинктомъ остатокъ отраженнаго уваженія, внушенный сознательнымъ дѣйствіемъ разума. Совѣсть нисколько ненадежна, даже очень ослѣпительна, сбивчива, какъ скоро она является только по-

*) Сравни здѣсь стр. 60: Основываясь на приводимыя въ доказательство мѣста въ сочиненіяхъ Толстого. Шмиттъ говоритъ (на означ. мѣстѣ, стр. 140), будто Толстой училъ, что основнымъ требованіемъ всякой нравственности былъ отказъ отъ отвѣта на вопроса о послѣдствіяхъ.

рожденіемъ неразумнаго чувства. Она нескромно даетъ чувствовать себя тамъ, гдѣ рѣшающее значеніе принадлежитъ исключительно разуму. Сужденія о достоинствѣ и рѣшенія вопросовъ о цѣли, требующія внимательнаго изслѣдованія, не слѣдуетъ предоставлять совѣсти, дѣйствующей сообразно внушеніямъ чувства. „Что изъ этого выйдетъ?“ Этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ совѣстью. Самъ Толстой признаетъ это. Объ этомъ умалчиваетъ теперешній „высшій и самый компетентный его судья.“ — Совѣсть можетъ служить только самымъ индивидуальнымъ, но ни въ какомъ случаѣ не общимъ и объективнымъ цѣлямъ. Успокаиваетъ-ли Толстой подъ покровомъ мистики свою совѣсть относительно своей политики, дѣло его, а не наше, и не можетъ въ сущности интересоваться насъ. Онъ не обязанъ говорить намъ объ этомъ. Если же онъ, публично требуетъ, чтобы и мы довольствовались тѣмъ, чѣмъ онъ успокаиваетъ свою совѣсть, то это требованіе, предъявленное мечтателемъ къ трезвому. Мы требуемъ по отношенію къ политикѣ Толстого отвѣтъ на вопросъ: „Что изъ этого выйдетъ?“ не отъ совѣсти. Нѣтъ вовсе надобности въ подробно мотивированномъ отвѣтѣ на вопросъ: что вообще можетъ быть послѣдствіемъ анархической политики Толстого? если, подобно Толстому отказаться отъ воспитанія и отъ государственной организаціи; если отказаться отъ двухъ факторовъ, служащихъ опорой нравственности и поощряющихъ нравственный прогрессъ. Правило, что тамъ, гдѣ кончается прогрессъ, тамъ и начинается регрессъ, является сиздавна вполне оправданнымъ жизнью. Что вообще можетъ быть послѣдствіемъ отвергающимъ воспитаніе и государственную организацію политики Толстого, которая, собственно говоря, вовсе не трудно угадать, но послѣдствія, которыя произойдутъ отъ примѣненія политики Толстого, отвергающей воспитаніе и государственность и являющейся не политикой а анархизмомъ; однимъ словомъ впаденіе въ безкультурность, въ варварство,

да еще въ гороздо худшее. Толстой не довольствовался вышеупомянутыми средствами, имѣющими цѣлью ниспроверженіе правительствъ и уничтоженіе государствъ. Онъ не ограничился предложеніемъ, не отбывать воинской повинности, не принимать участія въ государственныхъ учрежденіяхъ и отказать отъ платежа податей, служа самъ другимъ болѣе или менѣе послѣдовательно,*) хорошимъ примѣромъ въ примѣненіи этихъ политическихъ средствъ истребленія. Не трудно понять, почему онъ не вполне могъ надѣяться на рѣши-

*) Что касается отказа отъ платы податей, то самъ Толстой поступалъ очень непослѣдовательно. Въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ бы сказать своимъ адептамъ: „Дѣйствуйте по моимъ словамъ, а не по моимъ поступкамъ.“ Правда, что онъ ограничиваетъ доходы фиска, путемъ уменьшенія таможенныхъ пошлинъ и акцизныхъ сборовъ, воздерживаясь отъ употребленія кофея, чая, табака и алкоголя и другихъ предметовъ роскоши; во всемъ этомъ не нуждается его крестьянскій образъ жизни, не лишенный кокетства, являющійся какъ бы только декоративнымъ чѣмъ-то, въ родѣ спорта. Но этимъ онъ причиняетъ едва замѣтный убытокъ правительству или государству. Ибо его примѣръ едва-ли найдетъ подражателей, въ виду всеобщаго стремленія къ роскоши. Толстой поступилъ благо-разумно, остерегаясь нанести государству, лишая его податей, болѣе чувствительный убытокъ, живя согласно собственному его ученію о благѣ, являющемуся послѣдствіемъ отреченія отъ собственности, отказываясь отъ значительнаго капитала, или раздавая его непроизводительнымъ, свободнымъ отъ податей, болѣе или менѣе созерцательнымъ анахоретамъ. Онъ не на столько былъ вѣренъ самому себѣ; онъ только рѣшился на очень прозрачную фикцію; капиталъ свой онъ передалъ своей супругѣ, вслѣдствіе ея упрековъ: „Ты не допустилъ, чтобы дѣти твои выросли подобно крестьянскимъ дѣтямъ,“ говорила она; „ты развивалъ въ нихъ потребности, свойственныя молодымъ графамъ и графинямъ, и не имѣешь теперь права, лишить ихъ всего того, что для нихъ стало потребностью.“ — Уступчивость въ виду такихъ упрековъ однако есть ни что иное, какъ пріятный самообманъ, нарочно игнорирующій голосъ совѣсти, ибо она ведетъ къ заключенію: „Первая моя ошибка извиняетъ не только всѣ позднѣйшія заблужденія, но они являются даже неминуемымъ слѣдствіемъ ея. Да и въ практическомъ отношеніи все равно, содержитъ-ли Толстой свое семейство, согласно съ требованіями графскаго достоинства, или живетъ-ли онъ въ семействѣ какъ беззаботный его пенсіонеръ, который можетъ предаваться своимъ дворянскимъ прихотямъ, какъ литературный пророкъ и принимаетъ у себя множество гостей. Почти безразлично, передалъ ли Толстой капиталъ своей супругѣ посредствомъ нотаріальнаго акта, удерживая за собою право требовать, чтобы о немъ всячески заботились, избѣгая этимъ опасности кон-

тельный успѣхъ этихъ истребительныхъ средствъ и долженъ былъ искать другія пассивныя разрушительныя средства. Ибо менониты, отказывающіеся отъ отбыванія воинской повинности, и квакеры, не признающіе присяги, не смогли потрясти основъ государства.

Да и государству, раздающему хорошо оплачиваемыя должности, нечего опасаться за отсутствіе спроса на нихъ, а отказъ отъ платежа податей не способствовалъ бы достиженію цѣли уничтоженія государствъ; и достиженіе этимъ путемъ было бы крайне сомнительнымъ. Государству было - бы не трудно, путемъ конфискаціи, лишить имущества тѣхъ жителей точныхъ гражданъ, которые отказываются отъ платежа податей, и передать путемъ дара его другимъ лицамъ, охотно платящимъ подати. За это заплатились бы только лица, отказавшіяся отъ платы податей, — и все осталось бы по старому.

Повидимому политикъ Толстой представлялъ себѣ возможности такой неудачи и поэтому онъ сталъ искать другихъ истребительныхъ средствъ. Однако, все таки очень сомнительно, возможно ли вообще при помощи ихъ достигнуть болѣе рѣшительнаго успѣха.

Четвертое средство, которое имѣлъ въ виду Толстой, преслѣдуетъ еще болѣе обширную цѣль: уничтоженіе не только государства, но и хозяйственнаго строя общества. Въ своемъ сочиненіи: „Что такое деньги?“ (Лейпцигъ, 1901) Толстой учитъ, что завоеватели и рабовладѣльцы изобрѣли деньги какъ удобное средство притѣсненія, чтобы легкимъ способомъ присваивать себѣ то, что рабы должны были зарабатывать для своихъ угнетателей, — увѣряя ихъ неправильно въ томъ, будто деньги служатъ имъ незамѣнимымъ средствомъ обмѣна.

фискаціи, или же передалъ-ли онъ его фактически, а не установленнымъ закономъ порядкомъ. Толстой быть можетъ и успѣлъ убѣдиться, что и болѣе строгій отказъ отъ платежа податей нисколько не способствовалъ бы цѣли, ниспроверженія правительства и уничтоженія государства.

А „подкупная“ наука старается, молъ, утвердить этотъ обмѣнъ законнымъ порядкомъ, наговаривая людямъ, будто деньги — очень желанное средство обмѣна, вполне скрывая отъ нихъ, что онѣ въ сущности только средство къ угнетенію. Чтобы освободиться отъ рабства, необходимо отказаться отъ денегъ, какъ отъ средства обмѣна, т. е. не брать больше денегъ, и вернуться къ такому обмѣну, путемъ котораго и теперь еще, какъ и до изобрѣтенія денегъ, можно было бы удовлетворять самыя необходимыя потребности жизни.

Надо сожалѣть, что Толстой въ этомъ отношеніи не сдѣлалъ еще шага дальше, доказывая (— что, быть можетъ, онъ еще и сдѣлаетъ), что и обмѣнъ связанъ съ опасностью порабощенія, ибо онъ болѣе умному, дѣятельному и хитрому, слѣдовательно болѣе сильному, даетъ средство поработать болѣе глупаго и лѣниваго, и на самомъ дѣлѣ обмѣнъ повелъ къ рабству; такъ на примѣръ, казаки завоевали Сибирь и Камчатку при помощи табака и водки; они стали употреблять насиліе только тогда, когда тамошніе жители отказывались принимать ихъ товары добровольно.

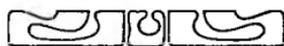
Точно также и съ такою же послѣдовательностью поступила Англія, которая вела торговлю съ оніемъ, по отношенію къ Китаю и т. д. Даже такъ называемый „тайный обмѣнъ“ не исключаетъ этой опасности, ибо онъ является только первой стадіей при установленіи гибельныхъ сношеній. Такимъ образомъ, чтобы избѣжать всякой опасности быть порабощеннымъ, слѣдуетъ отказаться отъ всякаго торговаго обмѣна или отъ всякаго сношенія вообще. Каждое семейство должно ограничиваться продуктами собственнаго производства. Все это приближало бы насъ опять къ четвероногимъ животнымъ. Легко можетъ быть, что мировоззрѣніе Толстого скоро дойдетъ до подобнаго вывода, останавливаясь въ концѣ концовъ на ученіи „о хлѣбѣ“, вродѣ того что наука изображаетъ, молъ, хлѣбъ какъ питательное средство, между тѣмъ, какъ

онъ является средствомъ порабощенія, потому что рабавладелецъ можетъ рабамъ отказать въ хлѣбѣ. Поэтому чтобы избѣжать рабства, надо воздерживаться отъ употребленія хлѣба и питаться грибами и ягодами растущими въ лѣсу и кореньями дикихъ растеній или же дикимъ медомъ и саранчею, подобно первобытнымъ христіанскимъ набожнымъ людямъ Эивской пустыни. Толстой навѣрно еще дойдетъ до восхваленія этихъ первобытныхъ христіанскихъ анахоретовъ, посвятившихъ себя цѣломудрію и безбрачію, какъ достойныхъ подражанія примѣровъ. Ибо они радикальнѣе всѣхъ брались не только за уничтоженіе государства и общества но и человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ въ заключеніи къ роману Толстого „Крейцера соната“ (нѣмец. пер. 7-ое изданіе Берлинъ безъ означенія года у Отто Янке) прозванному „отвратительнымъ“ рекомендуется въ качествѣ 5-аго и самаго вѣрнаго истребительнаго средства безбрачіе и абсолютное цѣломудріе, стр. 139. Въ Евангеліи говорится ясно и безъ возможности толкованія въ противномъ смыслѣ и для неженатаго лучше вовсе не жениться т. е. оставаться вполнѣ цѣломудреннымъ, и на возраженіе: „самоистребленіе вѣдь не можетъ быть идіаломъ для человѣчества“, отвѣчаетъ Толстой на стр. 134: „истребленіе человѣчества является для жителей нашего свѣта не новымъ понятіемъ для набожныхъ, это догма вѣры для ученыхъ — это минутное заключеніе выведенное изъ наблюденій надъ охлажденіемъ солнца.*)

*) Изъ отрывковъ дневника Толстого и выписокъ изъ писемъ трактующихъ „половой вопросъ“ очевидно, что у пророка относительно закона объ истребленіи человѣчества, путемъ абсолютнаго цѣломудрія, все таки стали возникать сомнѣнія: намѣреніе Бога — усовершенствованіе человѣческаго рода, оно однако можетъ быть достигнуто не сразу но только въ теченіе нѣсколькихъ поколеній (стр. 60). Поэтому онъ дѣлаетъ такую уступку, Богъ разрѣшаетъ см. стр. 62 и 63) плотское сожительство въ цѣляхъ дѣторожденія и продолженія человѣческаго рода, но не въ цѣляхъ удовлетворенія половыхъ страстей. Но рецептъ къ дѣторожденію безъ активнаго участія половыхъ страстей, пророкъ намъ не указываетъ вслѣдствіе чего и его уступкой пользоваться нельзя.

И такъ политика Толстого, однимъ словомъ политика во всѣхъ отношеніяхъ истребительная.

При безпристрастномъ разборѣ брошюры „Половой вопросъ“ однако нельзя не признавать, что она (именно между изреченіями высказанными еще до „Крейцеровой сонаты“ и ея заключенія, начиная стр. 103, особенно на стр. 103, 110, 111, 118 и 119 содержатъ въ высшей степени важныя, прямо таки золотыя слова, относительно нормальнаго отношенія между супругами.

ІХ. Толстой какъ пророкъ.

Легко предвидѣть, что съ извѣстныхъ сторонъ послышатся выраженія, что не стоитъ относиться такъ серьезно къ мистической нравственности и политикѣ Толстого и волноваться изъ-за нея, что она вслѣдствіе своего сумасбродства сама собою потеряетъ скоро свою силу.

Однако, ничто не совершается въ умственной жизни чело-вѣчества безъ нашего содѣйствія само по себѣ.

Сколько потребовалось работы для освобожденія отъ старыхъ предразсудковъ, для разширенія нашихъ познаній и понятій, для облагораживанія нашей воли и укрѣпленія нашихъ силъ! Гдѣ бы мы находились теперь, если бы наши предки утѣшались тѣмъ, что времена уже сами собою, безъ ихъ содѣйствія прояснятся. Теперь же при грозящей западу опасности путемъ роковыхъ недоразумѣній быть снова погруженному во тьму мистики, возможно-ли ждать, сложа руки, чтобы насъ само собою перенесло въ болѣе спокойное, безопасное теченіе.

По истинѣ не лишняя забота, заняться изслѣдованіемъ вреда, который должна была-бы породить мистика Толстого, если бы ей не противодѣйствовали.

Замѣтите, что далеко распространенная пророческая слава Толстого произошла не благодаря убѣдительной истинѣ его ученія, якобы разумно неопровержимаго и напротивъ единственно благодаря художественной правдивости его въ изображеніи душевныхъ мукъ, лишеннаго опоры и цѣли сердца, благодаря художественно-вѣрному описанію душевнаго и умственнаго недуга, овладѣвшаго, подобно заразѣ, не только Толстымъ но и всѣмъ западомъ въ болѣе узкомъ смыслѣ, такъ какъ на западѣ, ставшемъ безрелигіознымъ, разрѣшается перещеголять другъ друга безпутными мистическими мечтаніями (оккультизмомъ, спиритизмомъ, новобуддизмомъ и монизмомъ различныхъ сектъ). Но при этомъ не разрѣшается трогать корня всѣхъ этихъ разрощеній — схоластико-догматическаго строя — потому что не разрѣшено создавать новую опору въ независимой морали, чуждой всякой мистики и метафизики. — Слѣдуетъ замѣтить, что при такомъ „состояніи здоровья“ спутанныя ученія Толстого должны дѣйствовать не цѣлбно, подобно умственному холодному душу, но окончательно отравляющимъ образомъ. Если это такъ будетъ продолжаться, то вся Европа станетъ однимъ сумашедшимъ домомъ.

Надо только вспомнить ужасную умственную путаницу, произведенную мистическимъ научнымъ матеріализмомъ съ половины прошлаго столѣтія, пока ему не стали строго противодѣйствовать. Этому мистическому научному матеріализму и ученіямъ Макса Штирнера, Людвига Бюхнера, Молешотта и другихъ, мы обязаны приписать происхожденіе доктринъ Маркса, Энгельса, Ласалея, являющимися источниками социаль-демократіи и террористическаго анархизма, ставшихъ серьезной опасностью.

Такая же опасность, да еще большая вслѣдствіе кроткой добросовѣстности своей, грозитъ намъ отъ мистики Толстого, изъ которой уже сталъ вырастать страстно-возбужденный, научный анархизмъ.

Движеніе ведущее къ нему сначала имѣло лишь характеръ несвязнаго фанатизма, пока Евгенийъ Генрихъ Шмиттъ не постарался въ своемъ журналѣ „Безъ государства“ приготовить ему почву и не выступилъ со своею книгою, упомянутой здѣсь на стр. 5. Не безъ основанія эта книга названа „основною книгою о Львѣ Толстомъ“. Ибо не только планъ къ этому современному предпріятію былъ одобренъ пророкомъ въ письмѣ его отъ 1-го января 1901 года (Шмиттъ, какъ вышеупомянуто, стр. 8), но и послѣ появленія этого сочиненія Толстой въ своемъ письмѣ отъ 2-го іюня 1901 г. (сравн. обертку къ „Единственное средство“) высказался*) положительно за невозможность лучшаго, болѣе точнаго и яснаго пониманія его міровозрѣнія, не замѣчая очевидно притомъ, въ какое странное положеніе поставленъ онъ, пророкъ, авторомъ разъясенія.

Шмиттъ констатируетъ, что Толстой, какъ научный дилеттантъ (на вышеуп. мѣстѣ стр. 72), выставилъ свое міровозрѣніе совершенно неразработаннымъ, не развитымъ, большею частью только въ совершенно неясныхъ чертахъ (на томъ же мѣстѣ, стр. 2), между тѣмъ какъ его, Шмитта, задача состоитъ въ обязанности выяснить настоящее значеніе міровозрѣнія

*) Конечно послѣ „поверхностнаго просмотра“ книги. Слѣдовательно, надо допустить возможность, что Толстой, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія книги, не согласился бы съ ней. Но эта возможность очень невѣроятна, такъ какъ Шмиттъ основываетъ свои важнѣйшіе тезисы на дословно приведенныхъ изрѣченіяхъ Толстого. И такъ можно пока предположить, что Толстой и Шмиттъ придерживаются одной и той же догматической системы, и догматическое пророчество Толстого, или же пророческая его догматика олицетворяется, такъ сказать личностью „Толстой-Шмиттъ“ такимъ образомъ однако, что форма, съ которой излагаетъ эту систему, принадлежитъ только ему. Ибо его изложеніе доведенное до современнаго безвкусія фантастическими риторическими цвѣтами, пышными фразами, ничуть не соотвѣтствуетъ тонкому такту великаго художника, котораго онъ объясняетъ.

Толстого (тамъ-же, стр. 3). Такимъ образомъ Толстому была назначена роль предвѣстника (въ родѣ Іоана крестителя), который только долженъ былъ предвѣщать миссію, или же роль пророка, обязаннаго приготовить восторженными намеками появленіе самого ученія, — и Шмиттъ оставляетъ за собой миссію, стать для общины новаго міровоззрѣнія приблизительно тѣмъ, чѣмъ Св. Августинъ до сегодняшняго дня остался для христіанства, кодификаторомъ его ученій.

При томъ, кажется, Шмиттъ вовсе не мучился сомнѣніями, которыми страдалъ великій епископъ изъ Гиппо. Объ Августинѣ рассказываетъ преданіе, что однажды, когда онъ находился въ экстазѣ отъ сознанія совершеннаго воспріятія въ себѣ представленія о Богѣ, мальчикъ, старавшійся вычерпать море въ яму на берегу, указалъ ему на несовершенство его стараній. Нигдѣ въ книгѣ Шмитта не встрѣчается скромнаго сомнѣнія въ собственной способности, вездѣ, на оборотъ, твердая увѣренность въ уже достигнутомъ успѣхѣ, въ томъ: что ему удалось выяснить самую высокую и самую глубокую истину всѣхъ временъ и народовъ (смотри тамъ-же, на стр. 5), и возвести человѣчество до просвѣтленія до неописуемой прелести ума (тамъ-же, стр. 475.) Но если вникнуть внимательно, овладѣть собою, послѣ приступовъ головокруженія и морской болѣзни, неоднократно вызываемыхъ чтеніемъ сочиненія и получить понятіе объ „основной книгѣ“ то оказывается, что кромѣ новой, чудовищной терминологіи, которою была опущена спутанная мистика Толстого, ровно ничего не было сдѣлано по отношенію къ обѣщанному разъясненію. Эта терминологія не безопасна, она весьма способна гипнотизирующе подѣйствовать на личности, ставшія воспримчивыми къ ней благодаря ея мишурному блеску, а потому слѣдуетъ доказать всю фальшь ея сущности.

Ни одному честному противнику не могло придти въ голову неуваженіе по отношенію къ Толстому, самостоятельно

защищающему свое пророчество; нельзя было забыть, что онъ является и великимъ художникомъ и честнымъ человекомъ, который безкорыстно и храбро заступался за свое, хотя ошибочное, но всё таки откровенное убѣжденіе. Даже къ высокомѣрью свойственному дилеттанту, приходилось относиться снисходительно. Ибо при недостаточномъ его воспитаніи и несистематичномъ образованіи, едва-ли возможно было избѣгнуть своевольнаго и неумѣреннаго образа мысли, и слишкомъ высокаго мнѣнія о безсвязныхъ (самоучкою) приобрѣтенныхъ познаніяхъ. Не высокомѣрью слѣдуетъ приписать, что онъ требуетъ, или же предполагаетъ, что другіе безнаказанно смогутъ усвоить то, что онъ самъ усвоилъ, руководимый своею слѣпою совѣстью въ тяжелой борьбѣ за истину. Напротивъ того, умиленіе и удивленіе вызываетъ та скромность, съ которою Толстой, такъ высоко выдвинутый и окруженный такою лестью, до послѣдняго времени, еще въ своемъ отвѣтѣ святѣйшему синоду (Paris 1901, édition de la Revue blanche) выразилъ свою готовность, быть вразумленнымъ другими.

Даже кокетничанье Толстого крестьянскою одеждою и спортомъ крестьянскихъ работъ не можетъ быть вмѣнено симпатичной, при всемъ величій своемъ, скромнаго личности поэта въ тяжкое преступленіе, но должно быть отнесено къ человѣческой слабости.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Толстой позволилъ Евгенію Генриху Шмитту навязать себѣ роковое сотрудничество, его пророчество приняло совершенно другой характеръ. Ради личности Толстого можно объ этомъ пожалѣть, но по отношенію развитія ученія о нравственности это надо считать счастливымъ событіемъ. До того времени мировоззрѣніе Толстого все-таки еще отличалось извѣстною наивностью и простотою, вслѣдствіе чего она и была для простодушныхъ благомыслящихъ и наивныхъ людей трудно устранимою опасностью, такъ какъ она соблазняла вѣрить, будто бы наука и образованіе

препятствуютъ пріобрѣтенію истинной жизненной мудрости и будто эта мудрость пріобрѣтается только путемъ внушенія и откровенія. Но со времени связи Толстого съ Евгеніемъ Генрихомъ Шмиттъ, пророчество его приняло характеръ предпріятія, въ которомъ стараются выдвинуть, по меньшей мѣрѣ совершенно неосновательное высокомеріе, не говоря ужъ о возможности другихъ интересовъ, — предпріятія, которое становится, благодаря обманчиво блестящему виду, опасной западнею для задорной полуобразованности, представляя при этомъ случаѣ, безпощадно доказать всю пустоту и неосновательность казавшагося научнымъ, доставляющаго яко-бы невыразимое счастье міровоззрѣнія. И такъ, мы сейчасъ увидимъ, что совершенно справедливо и нисколько не жестоко назвать поддѣльнымъ золотомъ то, что фирма Толстой-Шмиттъ выдаетъ за благородный металлъ.

Эта новая терминологія основывается въ сущности на искусствѣ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, т. е. перевода общепринятыхъ понятій изъ понятнаго въ непонятное.

Вотъ на примѣрѣ употребляемое на каждомъ шагу слово: „сознаніе“, подъ которымъ мы другіе смертные понимаемъ основной фактъ умственной жизни, о которомъ, впрочемъ, каждый изъ насъ ничего другого не можетъ высказать кромѣ того, что онъ для него и есть именно фактъ, и притомъ фактъ, совершенно безсомнѣнный, не поддающійся критикѣ и не терпящій сомнѣній: именно потому, что разъ я умственно дѣйствую, воображаю, понимаю, думаю и т. д., то я совершенно увѣренъ въ своемъ существованіи: „*cogito, ergo sum*“. Но это можно сказать собственно только о самомъ себѣ, потому что происходящее въ душѣ нашего ближняго, остается для насъ, собственно говоря, неизвѣстнымъ, особенно пока оно не проявляется во внѣшнихъ признакахъ. Если-же мы по такимъ признакамъ заключаемъ, что нашъ ближній пользуется такимъ же сознаніемъ, какъ и мы, то это, въ сущ-

ности, слѣдуетъ признать, строго говоря, непозволительнымъ заключеніемъ, каковое мы привыкли однако, незадумываясь, выводить побуждаемые, даже принуждаемые потребностью имѣть въ обыденной жизни общеніи съ людьми. Всѣ мы согласны въ томъ, что всѣ мыслящіе люди снабжены сознаниемъ, т. е. убѣждены въ своемъ существованіи: — при чемъ мы, впрочемъ, не въ состояніи сказать, что именно это мыслящее, это „*cogitans*.“ — „Это я, я самъ,“ говоритъ каждый, но если онъ долженъ объяснить, кто это такое — я? то онъ только и можетъ сказать: „это я, мыслящій „*cogitans*“. Дальше и глубже этой наглядной тавтологіи еще никто не дошелъ, добившись всеобщаго пониманія.*) Всеобщее и постоянное сочувствіе даетъ намъ право предполагать, что это само по себѣ сомнительное заключеніе, признающее за всѣми, безъ исключенія здоровыми и нормальными людьми, по аналогіи одинаковую, руководимую однородными правилами логики умственную жизнь, — все-таки вѣрно.

Истинность вышеупомянутыхъ положеній, ставшая мало по малу всеобщимъ достояніемъ, вовсе не существуетъ для Голстога-Шмитта. Простой и всѣмъ доступный терминъ „сознаніе,“ не только вовсе не употребляется Шмиттомъ, но даже совершенно игнорируется имъ. Его мѣсто заступило, путемъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, другое очень сомнительное и сложное понятіе. Никогда о сознаніи не говорится иначе, какъ о „живомъ сознаніи.“ Что онъ подъ этимъ разумѣтъ, остается непонятнымъ, такъ какъ о „мертвомъ сознаніи“ еще никогда не было и рѣчи; чтобы довести эту нелѣпость до крайности, къ „живому сознанію“ имъ присоединяется еще непонятная примѣсь, а именно понятіе всеобщности, составляя

*) Уже раньше на стр. 3 упомянутыя границы нашего сознанія до того ограничены, что мы даже не въ состояніи, дать удовлетворительнаго отчета о самомъ близкомъ для насъ понятіи, о собственномъ своемъ „я“.

двойкое понятіе „живого все-сознанія,“ *) которымъ онъ въ послѣдствіи пользуется неоднократно для достиженія невѣроятнѣйшихъ результатовъ. Это любимое выраженіе „живого сознанія вселенной“ повторяется сплошь и рядомъ, такъ на примѣръ на стр. 122, 135, 155, 158 и др.

Не иначе поступаютъ съ выраженіемъ „жизнь,“ которое понимается всѣми нами смертными въ одномъ и томъ же смыслѣ. Мы ограничиваемся разумѣть подъ понятіемъ жизнь ту дѣятельность, которую органическія существа достигаютъ своего бытія, размноженія и развитія; и въ отдѣльности, умственной жизнью мы называемъ тѣ соединенныя дѣйствія, которыя мы совершаемъ болѣе или менѣе самостоятельно для сбереженія, передачи и развитія сознанныго нами умственного существованія. При нашемъ простодушіи и нашей скромности, мы не задаемся вопросомъ, каковы тѣ способности, благодаря которымъ мы дѣйствуемъ, — откуда онѣ берутся. Наша скромность доходитъ даже до того, что мы считаемъ себя столь ограниченными въ умственномъ отношеніи, что „последніе вопросы“ о происхожденіи и сущности жизни должны оставаться для насъ на всегда непонятными.

Не такъ разсуждаетъ фирма Толстой-Шмиттъ. Міровоззрѣніе невыразимо осчастливливающіе пророка и человѣчество,

*) Вселенная, какъ и вѣчность и т. п. не суть понятія сами по себѣ, но принадлежатъ къ группѣ предѣльныхъ понятій, которыя только выражаютъ, что границы понятнаго достигнуты и что дальше пойти нельзя. Но пользоваться этими предѣльными понятіями какъ определенными величинами, также невозможно въ математикѣ получить положительнаго результата изъ мнимаго количества, изъ $V-p$; знакъ этотъ обозначаетъ невозможность произвести надъ количествомъ какого-либо дѣйствія.

Кому извѣстно, что сумма нашихъ пріобрѣтенныхъ познаній составляетъ только ничтожно малую часть совокупности всего достижимаго разумомъ, — и кто догадывается, что кромѣ познаваемаго существуетъ еще непознаваемое, существующее безъ сомнѣнія, такъ какъ оно вліяетъ на насъ, тотъ остережется оперировать столь легкомысленно и наивно надъ понятіемъ вселенной, объемлющей и включающей, въ себѣ все познаваемое и непознаваемое, какъ это дѣлаютъ Толстой-Шмиттъ въ высокомерномъ убѣжденіи, что этимъ безгранично осчастливляетъ человѣчество.

даетъ способность, смотрѣть на жизнь несравненно болѣе возвышенно, чѣмъ мѣшающая мышленію наука. Жизнь вообще, а особенно умственная жизнь, состоитъ вовсе не въ какой-либо замѣтной дѣятельности (какъ объясняетъ намъ это Шмиттъ въ главахъ I: „Моисей противъ Дарвина,“ стр. 273—300 и К: „Взглядъ въ тайную мастерскую ума,“ стр. 300—317), потому что каждая дѣятельность только дикая игра животной жизни, лихорадочный бредъ, умопомѣшательство и хмѣль, и потому что интенсивность тѣлесныхъ мозговыхъ функцій является противоположностью умственной дѣятельности, — а жизнь состоитъ въ тиши и спокойствіи совершеннаго установившагося равновѣсія, когда человѣкъ до того слабъ и неподвиженъ, что неизмѣримо тонкое колебаніе ээира (умъ, какъ мы сейчасъ узнаемъ, представляетъ собою именно колебаніе космической функціи похоже на колебаніе ээира — дифференціалъ колебаній, —) можетъ проникая черезъ него дать въ результатъ дѣятельность поднимающуюся выше всякихъ звѣздъ, переступающую всѣ границы пространства,*) наполненная спокойнымъ свѣтомъ вѣчности.

„Чѣмъ интенсивнѣе выступаетъ умственная жизнь . . . , тѣмъ больше то, что казалось для чувственной жизни страшной ночью смерти будетъ освящать чувственную жизнь лучами неомраченной лазури тихой своей безконечностью и блаженнымъ звѣзднымъ лучемъ вѣчности въ безконечномъ сіяніи, котораго выходятъ и заходятъ всѣ свѣтила.“ — „Наконецъ наступитъ полное преобладаніе духа, и человѣкъ сознаетъ, что онъ безграничная, не признающая ни времени ни пространства духовная жизнь, что онъ человѣкъ — Богъ, а не человѣкъ — животное, небесный лучъ, вѣчно исходящій отъ первоисточника жизни, — что онъ Сынъ Божій.

*) Кто не боится умственной морской болѣзни, пусть попытается узнать изъ оглушительнаго пустословія стр. 303, что такое истинная умственная жизнь въ противоположность къ чувственной конечной жизни.

„Самъ человѣкъ сталъ этимъ моремъ, этимъ океаномъ безграничныхъ волнъ или собственно говоря, первобытныхъ волнъ, несущихся чрезъ океанъ безконечности.“

„Первобытной формой всякаго органическаго образованія повсюду является дѣятельность, стремящаяся къ создаванію шарообразныхъ формъ, проявляющаяся даже въ явленіяхъ въ высшей стадіи развитія. Въ кроткомъ, но все-таки пронизательно чистомъ воздухѣ, въ прозрачной перспективѣ разума, гдѣ никакіе яркіе лучи не останавливаютъ видъ на самое далекое зло, гдѣ . . .“ и т. д. „тамъ чудо-цвѣтъ жизни развертываетъ свои таинственные лепестки, — тамъ испускаетъ она свой тайный небесный запахъ въ эфиръ безконечности, изъ волнъ котораго единственно могло произойти это чудо,“ и т. д.

Если громкое пустословіе, о которомъ приведенные примѣры даютъ лишь скудное представленіе, не даетъ читателю удовлетворяющаго и окончательнаго объясненія объ умственной жизни и ея значеніи, тогда онъ неисправимый человѣкъ-животное, которому помочь невозможно.

Такъ же мы получаемъ достаточное и удовлетворительное объясненіе сущности духа съ точки зрѣнія космоса: „высшей, единственно понятной дѣятельностью вселенной являются именно тѣ, невыразимо тонкія колебанія, тотъ дифференціалъ, который существуетъ возлѣ и надъ грубымъ, измѣримымъ испытываемымъ нами колебаніемъ, то безгранично — тонкое, которое такимъ-же переходитъ въ безконечно большое тончайшее физическое колебаніе — колебанія свѣта, распространяются въ даль звѣздныхъ міровъ въ теченіи тысячелѣтія, проявляя еще замѣтное вліяніе. Физическій свѣтъ всѣхъ свѣтилъ есть слабое отраженіе того свѣта, который созерцаетъ внутри себя самый незначительный человѣкъ, а свѣтъ этотъ называется: безконечностью, вѣчностью, необозримостью, неограниченностью, закономъ разума, мыслью, свѣтомъ разума, живымъ воззрѣніемъ разума, всеобъемлющей жизнью, любовью,

божествомъ.“ — „Кругъ мысли обширенъ, обширнѣе объема всѣхъ міровъ прошедшихъ и будущихъ.“ — „Относительно болѣе грубыя основныя колебанія и болѣе грубыя, примитивныя очертанія запечатлѣваются гораздо скорѣе системы простыхъ звуковъ построенныхъ другъ надъ другомъ становящихся выше и выше этихъ колебаній.

„Высшіе организмы какъ бы заранѣе изображены въ системѣ космическихъ колебаній и обнаруживаются при удобномъ случаѣ.“ — „Только посредствомъ продолжительной борьбы божественный свѣтъ преодолеваетъ древнѣйшую ночь.“ — „Своеобразная гармонія, свойственная любому явленію, согласуется со скрытой гармоніею, которая составляетъ основное свойство нашего умственного, нашего универсальнаго всевѣдѣнія, соединяющаго частную личность со вселенной и съ источникомъ умовъ и существъ.“

На другомъ мѣстѣ проповѣдуется: „Этимъ въ то-же время рѣшается вопросъ, какимъ образомъ возможна жизнь и свѣтъ вселенной и умственная дѣятельность въ особомъ видѣ, въ искони свойственной, индивидуальной формѣ“ (на томъ же мѣстѣ, стр. 218). — „Внѣ пространства и внѣ времени для насъ наглядно и вполне понятно только всеобъемлющее и безграничное: живое единство, отвлеченность и вселенная“ (тамъ же, стр. 211). — Все это „обѣщанный Христомъ Святой Духъ — утѣшитель; это исторически необходимая форма ученія Іисуса, путемъ которой вступаютъ“ въ 3-ій вѣкъ культуры, въ царствіе Божіе (стр. 202). — Это ученіе болѣе не нуждается во внѣшнихъ доказательствахъ и свидѣтельствахъ (стр. 200, тамъ-же).

Послѣ этого само собою запрещается спрашивать, откуда именно пророкъ Толстой-Шмиттъ взялъ всю эту мудрость, вслѣдствіе которой вселенная, включая Бога, человѣческій умъ и все остальное, ничто иное, какъ „дифференціалъ“ системы безгранично тонкихъ колебаній, соединяющей всѣ частности

со вселенной и съ первоисточникомъ умовъ и существъ такимъ образомъ, что все между собою тождественно и одно изъ другого происходитъ и объясняется, мудрость, которая представляетъ вселенную „нагляднымъ, яснымъ образомъ“ и для которой теперь, какъ само собою разумѣется, болѣе нѣтъ загадокъ. Само собою разумѣется, какъ надо полагать, что эта мудрость, не нуждающаяся ни въ какихъ внѣшнихъ свидѣтельствахъ и доказательствахъ, основана на „откровеніи,“ потому что всякое „значеніе“ должно было-бы приводить путемъ опыта, доставленнаго чувствами, доказательства и свидѣтельства для своего происхожденія.

Конечно Толстой, въ то время, когда его осчастливливающее „міровоззрѣніе“ было еще „совершенно неразвито, не окончено и большею частью состояло только въ совершенно неопредѣленныхъ очеркахъ“ (Шмиттъ, тамъ-же, стр. 2), довольствовался признаніемъ источника этого міровоззрѣнія въ откровеніи (сравн. стр. 23 и 49 этого сочиненія), но когда Шмитту удалось „выяснить его настоящее значеніе“ (Шмиттъ, на выше-назн. мѣстѣ, стр. 3), то этому міровоззрѣнію придали научный видъ, при чемъ будто-бы пользовались слѣдующимъ изрѣченіемъ Конфуція: „Истинное знаніе состоитъ въ познаній того, что мы знаемъ и въ сознаніи, что мы не узнаемъ того, чего не знаемъ на самомъ дѣлѣ“ (тамъ же, стр. 283), но на самомъ дѣлѣ прямо противодѣйствовали этому изрѣченію.

Кажется достаточно вышеприведенныхъ примѣровъ, показывающихъ на „сознаніи“ и „жизни“, какимъ образомъ Толстой-Шмиттъ путемъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей превращаетъ самыя обыкновенныя понятія въ ихъ противоположность и мы можемъ теперь возвратиться къ разсмотрѣнію научной системы Толстого-Шмитта, замѣняющей науку*), препятствующую мышленію системы посредствомъ которой вступаетъ въ 3-ій вѣкъ

*) „Изобиліе познаній препятствуетъ сознанію обнаружиться“, говоритъ Толстой: „Религія и нравственность“, стр. 182 и 183.

культуры, въ царство ума, гдѣ мышленіе не встрѣчаетъ никакихъ стѣсняющихъ препятствій.

Другая глава основной, всеобъясняющей книги стремится выяснитъ научность новаго, осчастливливающего міровоззрѣнія, вводящаго насъ въ 3-ій вѣкъ культуры. Но не вникая ближе въ эти дальнѣйшія разъясненія можно узнать уже по выше приведенному, что это міровоззрѣніе не только непонятно для настоящей эпохи, но и останется таковой для 3-ьяго вѣка культуры, если вообще математическія истины, вѣчность которыхъ совершенно вѣрно признается Толстымъ-Шмиттомъ, будутъ сохранять свое значеніе и въ 3-ьемъ вѣкѣ культуры.

Сущность этого осчастливливающего міровоззрѣнія, относящаго строго монистическимъ образомъ вселенную къ одному безъ исключенія дѣйствующему основному принципу, заключается въ предложеніи, вытекающемъ изъ вышеприведеннаго: „Разумъ есть нѣчто неограниченно тонкое, дифференціалъ вѣчныхъ колебаній, все осуществленіе, которыхъ проникаетъ все и соединяетъ единое существо со всѣми вообще существами и съ первоисточникомъ всѣхъ умовъ и существъ.“

При ближайшемъ разборѣ прежде всего непременно надо вычеркнуть слово дифференціалъ, совершенно не имѣющее, въ данномъ случаѣ, смѣсла. — Такъ какъ математическія истины вѣчны, дифференціалъ и въ 3-ьемъ вѣкѣ культуры не будетъ имѣть другого значенія, чѣмъ и теперь. Дифференціалъ, изобрѣтенный Ньютономъ и съ тѣхъ поръ употребляемый въ математикѣ, не выражаетъ высшую степень качества, но есть формула выводимая путемъ особаго способа вычисленія, хотя-бы путемъ математической уловки, служащая къ тому, чтобы коротко и наглядно выразить законъ, по которому переменныя величины зависятъ другъ отъ друга. „Дифференціалъ никогда не существуетъ самъ по себѣ, но производится только при случаѣ какъ искусственный продуктъ. Исключительно изъ

разсмотрѣнія взаимныхъ отношеній перемѣнныхъ величинъ можно найти дифференціалъ. Гдѣ нѣтъ перемѣнныхъ величинъ, тамъ никогда не можетъ быть дифференціала. Но такъ какъ вѣчный духъ, наполняющій собою вселенную и соединяющій ее въ вѣчное единство, никакъ нельзя считать за величину перемѣнную, то онъ, подобно наполненной имъ и тѣсно съ нимъ связанной вѣчной вселенной, можетъ быть принятъ только какъ нѣчто само по себѣ понятное и постоянно дѣйствующее. — Такъ какъ ни съ разумомъ, т. е. умственными колебаніями ни со вселенной никакъ нельзя соединить какое нибудь представленіе о величинѣ измѣняющейся, то при такихъ обстоятельствахъ употребленіе слова „дифференціалъ“ оказывается совершенно невозможнымъ и бессмысленнымъ. Изъ одного этого ужаснаго злоупотребленія научнымъ, совершенно точнымъ опредѣленнымъ вспомогательнымъ понятіемъ можно съ полнымъ правомъ вывести заключеніе, что міровоззрѣніе Толстого-Шмитта совершенно не научно.

Эту научную несостоятельность нельзя было бы защищать отговоркою: будто духъ какъ колебаніе, какъ процессъ, заключающійся въ волнообразномъ движеніи, всё-таки нѣчто измѣняющееся, какъ и во вселенной развитіе и регрессъ смѣняютъ другъ друга, почему и возможно было говорить о вѣчномъ круговоротѣ. Эта отговорка не была-бы основательна, ибо примѣняя способъ исчисленія бесконечно малыхъ къ отношенію духа ко вселенной, все никакъ нельзя получить въ результатъ формулы дифференціала. Совокупное дѣйствіе должно было-бы напротивъ того представится въ видѣ интеграла, причемъ такой интегралъ не явился бы, какъ того требуетъ вышеупомянутый основной принципъ, чѣмъ то безгранично малымъ, но совокупностью величинъ мыслимо величайшихъ размѣровъ, простираясь отъ $0-\infty$, — особенно если принять въ соображеніе единичнаго человѣка, умственная способность, котораго при его рожденіи съ приблизительной точностью можетъ считаться

= 0, и которая по міровоззрѣнію Толстого-Шмитта вырастаетъ даже въ самомъ ничтожномъ человѣкѣ до ∞ , т. е. до совершеннаго пониманія безконечности и вѣчности.*)

Этотъ основной принципъ міровоззрѣнія содержитъ въ себѣ еще другой, картинно рисующій его дикую ненаучность: а именно —: духу приписывается вседѣятельность. Но такъ какъ „*actio per distans*“ никѣмъ, изъявляющимъ претензію на научность, не допустимо и составляетъ непріятный камень преткновенія, опровергающій всякую гипотезу, стремящуюся сдѣлать понятнымъ непонятное, то ничего другого не останется (такъ какъ дѣйствіе можетъ происходить только на томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствующее лицо находится, —) какъ приписать

*) До какой степени это послѣднее возможно, въ избранныхъ по крайней мѣрѣ индивидуумахъ, можно показать на Лао-тце, почти обожаемомъ Толстой-Шмиттомъ, именуемомъ также „пророкомъ между язычниками“. Онъ учитъ: „Духъ (= *λόγος* = слово) существовалъ абсолютно еще до сотворенія всѣхъ мировъ и всегда будетъ существовать, несмотря на измѣненія явленій. Этотъ основной принципъ съ одной стороны не имѣетъ никакихъ мыслимыхъ атрибутовъ и въ то-же время все-таки соединяетъ всѣ ихъ въ себѣ. Божественно абсолютное въ одно время существуетъ и не существуетъ. Оно безъименный и безсвойственный принципъ, ни добрый, ни злой, ни духъ ни матерія. Оно-пусто, т. е. чуждо всякаго качества духа и матерій; оно чисто, потому что его вещество различается отъ всякаго существованія; оно-вѣчно, потому что оно стоитъ внѣ всякой хронологической послѣдовательности; оно-выше представленія о всякомъ личномъ Богѣ; оно существуетъ передъ Властителемъ небесъ; оно образецъ и изображеніе всѣхъ существъ; если оно выступаетъ на наружу, то оно раздѣляется и получаетъ названіе . . . и т. д. и т. д. (сравни: Ampère, S. I. „*La troisième religion de la Chine*“, въ „*Revue des deux mondes*, 1842 г. 15 августа, стр. 210 и слѣд.). Впрочемъ Лао-тце хвастался, что его никто не понимаетъ (тамъ-же стр. 209). Онъ выставилъ даже основной принципъ, мудрецу слѣдуетъ быть непонятнымъ; высшая его добродѣтель должна состоять въ томъ, что-бы казаться безмысленнымъ (*insensé*) (Rémusat, Abel: *Memoire sur la vie et les opinions de Laotse*“, въ „*Histoire et Memoires de l'Institut de France, Academie des belles lettres*, VII Paris 1824, стр. 5 и 10); найденный кладъ обыкновенно скрываютъ; говорить о понятномъ, не стоитъ, ибо это не „логосъ“ (Gabelentz, Georg von der: *Über das taosistische Werk von Wên-tsi*, въ „*Bericht über die Verhandlungen der philolog. histor. Classe der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig* 1887, стр. 488. Прочее въ моей книгѣ „*Die gelbe Gefahr als Moralproblem*“, стр. 120 и 121.

духу ubi quitas — т. е. вездѣсущность или по крайней мѣрѣ „multipräsentia“; а такая вездѣсущность можетъ, какъ само собою разумѣется, происходить только путемъ бесконечно большой скорости передвиженія, — а относительно умственныхъ колебаній, только путемъ бесконечно большой скорости распространенія колебаній. Но такая безгранично великая скорость распространенія невозможна вслѣдствіи непріятнаго обстоятельства, на которое мировоззрѣніе Толстово-Шмитта не обратило вниманія, а именно того обстоятельства, что скорость распространенія колебаній, какъ частное отъ дѣленія длинные волны на періодъ колебаній (или во время единичнаго колебанія) есть величина, неизмѣняющаяся въ данной средѣ, т. е. далѣе длинной волнѣ соотвѣтствуетъ меньшей періодъ и наоборотъ. Для свѣтовыхъ электрическихъ и тепловыхъ колебаній въ гипотетическомъ эфирѣ міра, эта неизмѣняющаяся величина равняется 310 000 километрамъ въ секунду, при чемъ безразлично, имѣются-ли въ виду колебанія длинныхъ или короткихъ волнъ. — Какъ почтенная намъ ни покажется эта скорость, она все-таки равняется медленности едва замѣтно передвигающейся улитки и должна казаться еще незначительнѣе въ сравненіи съ той скоростью, которая, хоть и лишь приблизительно могла-бы удовлетворить представленію о вездѣсущности. Та неподвижная звѣзда, которая кажется ближе всѣхъ отъ солнца, по крайней мѣрѣ находится на разстояніи 33 билліоновъ километровъ отъ него или 3,6 такъ называемыхъ свѣтовыхъ лѣтъ. Какою скоростью должно было-бы обладать колебаніе ума, чтобы дойти отъ земли, такъ сказать, въ мигъ, хоть бы до ближайшей звѣзды, куда крайне быстрое, какъ всѣмъ извѣстно колебаніе свѣта можетъ попасть лишь въ теченіе 3 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, ужъ не говоря о свѣтилахъ, гораздо болѣе отдаленныхъ. Вообразите-ка себѣ, что вездѣсущій умъ не только долженъ совершить въ мигъ путешествіе къ одному изъ ужасно отдален-

ныхъ свѣтилъ, но и навѣстить въ тотъ же самый мигъ всѣ другія солнечныя системы, которыхъ по крайней мѣрѣ въ томъ зрѣніи телескопа 130, — и тогда придется отказаться отъ желанія, перешагнуть съ Толстымъ-Шмиттомъ всѣ „предѣлы пространства“ и возвыситься „надъ всѣми звѣздами“. — Это было-бы на основаніи опыта Икарія не только безопасно, но по даннымъ науки и совершенно безнадежно. Наука при этомъ не столь зла, какъ её рисуетъ Толстой-Шмитдъ, ибо она хотя и ограничиваетъ слишкомъ фантастическое мышленіе, но совершенно не стѣсняетъ разумное и разсудительное дѣйствіе. Но разсудительное мышленіе науки совершенно отрицаетъ существованіе еще безмѣрно болѣе тонкой среды, чѣмъ гипотетическій міровой эфиръ, въ которомъ происходятъ свѣтовые, электрическія и тепловыя колебанія. Этотъ гипотетическій міровой эфиръ уже до того безконечно тонокъ, что его какъ ничто невѣсомое нельзя доказать физически существованіе его, пришлось допустить въ силу необходимости. Ни одинъ фактъ никогда еще не заставлялъ прибѣгнуть къ дальнѣйшему гипотетическому предложенію существованія гораздо болѣе тонкаго умственного эмира, лежащаго совершенно внѣ поля зрѣнія науки. Слѣдовательно міровоззрѣніе Толстого-Шмитта, своимъ утвержденіемъ вседѣсущности умственныхъ колебаній, выставило себѣ неоспоримое свидѣтельство въ совершенной своей ненаучности.

Правда, ничѣмъ не стѣсняемое мышленіе міровоззрѣнія Толстого-Шмитта поясняетъ, что „Вещественный свѣтъ всѣхъ свѣтилъ представляетъ собою только слабое отраженіе свѣта, — въ одно и то же время испускающаго свои лучи во всѣ стороны съ безконечною скоростью.“ Такое ученіе можетъ быть выставлено только наукою 3-ьяго вѣка культуры; она обладаетъ замѣчательною способностью противорѣчить самой себѣ самымъ грубымъ образомъ, сама того не замѣчая. Ибо съ одной стороны она приписываетъ духу и вселенной строго

монистическій составъ, а съ другой — требуетъ кромѣ мірового ээира, неодушевленной вселенной, еще безконечно тончайшую среду, умственный ээиръ, для умственныхъ колебаній, распространяющихся съ безконечно большою скоростью. Но такое провозглашеніе дуализма является грубымъ ударомъ по лицу монизма, ею-же самую введеннаго. Хотя-бы такое противорѣчіе самому себѣ и считалось остроумнымъ, но всё-таки оно вовсе не научно.

Верхъ-же ненаучности міровоззрѣнія Толстого-Шмитта надо видѣть въ томъ, что оно уже въ настоящее время, когда нельзя говорить о наступленіи 3-го вѣка культуры, и когда еще приходится держаться логическаго способа мышленія, соединяетъ два, по собственному признанію противорѣчащія другъ другу основные принципы міровоззрѣнія, дѣлая это не скрыто, а нагло: „на виду у всѣхъ“. Этимъ оно совершаетъ такой же тяжкій грѣхъ противъ святого духа науки, какъ приносящій сознательно и публично жертвы одновременно Іеговѣ и Ваалу.

Въ то время, когда Толстой былъ еще единичнымъ пророкомъ, его міровоззрѣніе необходимо было признать еще „совершенно неоконченнымъ, неразвитымъ и набросаннымъ въ совсѣмъ неопредѣленныхъ чертахъ“, въ то время Толстой полагалъ, что человѣкъ изліяніе божественнаго первоисточника всего бытія, куда онъ и возвращается послѣ смерти. Онъ поступалъ такъ въ согласіи съ тѣми, которые подобно теозофамъ, физикамъ, придерживались теоріи эмиссіи или эманации. Сюда относятся очень многіе мудрецы востока и древней Греціи, гностики и новоплатонцы, многіе достойные уваженія отцы церкви, равно и мистики новыхъ временъ, даже и выдающіеся физики. Всѣ они полагали, что отношенія Бога отца къ сыну и святому духу основывается на эманации. Эта теорія замѣнилась въ отношеніи къ свѣту нѣсколько лѣтъ тому назадъ теоріей волнъ или колебаній, а въ отно-

шені разума и вселенной только недавно, при содѣйствіи міровоззрѣнія Толстого-Шмитта, которое думало приобрести этимъ научное основаніе, что ей, однако не удалось, потому что она не очень рѣшительно отстаиваетъ свое убѣжденіе. Правда, человѣкъ теперь ужъ болѣе не изліяніе божественнаго первоисточника всего бытія, но простой звукъ божественнаго умственнаго колебанія, — или же быть можетъ божество — простой звукъ болѣе грубаго человѣческаго умственнаго колебанія, — какое изъ этихъ двухъ предположеній имѣется въ виду не совсѣмъ понятно, да и тутъ не причемъ. Во всякомъ случаѣ ученіе о колебаніяхъ одинъ изъ существенныхъ, если даже не самый существенный пунктъ, міровоззрѣнія Толстого-Шмитта, отвергающаго теорію эманации, признавая ее грубой и неоконченной. Все таки міровоззрѣніе Толстого-Шмитта одновременно преклоняется передъ отвергнутой, грубой и недоконченной эманационной теоріей не только въ случайныхъ изрѣченіяхъ, употребленныхъ, быть можетъ, только въ переносномъ смыслѣ, которыхъ не слѣдуетъ понимать серьезно и буквально (какъ на примѣръ „прониканіе неограниченно тонкихъ колебаній эвѳира“, — „переполненіе тихимъ свѣтомъ вѣчности“, — сіяніе неомраченной лазури среди чувственной жизни; Изрѣченіе о человѣкѣ какъ о божественномъ лучѣ, который вѣчно исходитъ отъ вѣчнаго первоисточника жизни“, о пронизательно чистомъ свѣтѣ ума“) но и совершенно открыто въ своемъ основномъ принципѣ, по которому умъ проникаетъ все. Какъ слѣдуетъ представить себѣ такое всепронизаніе безъ эманации бесконечно тонкой среды, этого наука XX вѣка никогда не узнаетъ. Можетъ быть это удастся въ 3-емъ вѣкѣ культуры той наукѣ, которая, какъ мы только что видѣли, допускаетъ противорѣчія самому себѣ въ незнающемъ препятствіи мышленіи, слѣдовательно можетъ допустить и соединеніе теоріи объ эманации съ ученіемъ о колебаніяхъ.

Вышеприведеннаго достаточно для оцѣнки научнаго достоинства міровоззрѣнія Толстого-Шмитта и соотвѣтствующаго пророчества. Поэтому здѣсь можно обойтись безъ указаній на то, какъ Толстой-Шмиттъ, для собственнаго прославленія, строго критикуетъ современную науку; какъ онъ упрекаетъ Фихте въ томъ, что ему недоставало самаго лучшаго, — какъ онъ изображаетъ Гегеля жрецомъ идола Джаггернаута и. т. д. Кто пожелаетъ, узнаетъ все это подробно и прочтетъ вышеупомянутую основную книгу, тотъ вынесетъ изъ нея впечатлѣніе, что при существующемъ аномальномъ состояніи умовъ она вслѣдствіи пустого блеска звучныхъ фразъ, цѣль которыхъ скрыть отсутствіе внутренняго содержанія, весьма и весьма сильно способствуетъ дальнейшему распространенію всеобщей путаницы. А поэтому это ученіе должно быть опровергнуто какъ дѣло опасное.

Х. Заключение.

Мы хотѣли уже приступить къ заключительному обзору своего трактата о Толстомъ, когда намъ случайно попала въ руки весьма здравомыслящая и совершенно согласная съ нашимъ мнѣніемъ*) статья Т. Пантеніуса въ журналъ „Daheim“ подъ заглавіемъ „Графъ Левъ Толстой (38 годъ, № 9)“. Ниже мы приведемъ и рассмотримъ подробнѣе нѣкоторые ея пункты. Въ этой статьѣ подчеркивается съ полнымъ правомъ, что Толстой всегда заслуживалъ и заслуживаетъ удивленіе, какъ

*) Съ тѣмъ единственнымъ исключеніемъ, что Пантеніусъ приписываетъ картину, ставящую калабрезца благодарнаго, случайно разбойника выше правительства, систематически и ожесточенно грабящаго Толстому, между тѣмъ какъ тотъ въ „Современныхъ рабахъ“ (стр. 101) представляетъ честь изобрѣтенія этой картины Евгенію Генриху Шмиттъ.

въ высшей степени даровитый рассказчикъ и поэтъ. Его произведенія, полныя жизни, глубоко запечатлѣваются, и никогда не забываются, такъ какъ онъ самъ пережилъ то, что описываетъ. Впослѣдствіи высказывается сожалѣніе и признается раковой судьбой, что Толстой, такъ сказать, не остался сверчкомъ знающимъ свой шестокъ а увлекся безъ надлежащей подготовки, какъ дилетантъ и мономанъ, проповѣдью педагогическихъ теософскихъ богословскихъ нравственно-философскихъ, политическихъ пророческихъ истинъ, при совершенномъ недостаткѣ историческаго пониманія, почему онъ и сталъ опаснымъ для всѣхъ полуобразованныхъ неразвитыхъ и стремящихся къ государственному перевороту.

Всякая опасность, особенно въ области нравственности угрожаетъ лишь до тѣхъ поръ, пока она еще не признана. Какъ только опасность признана таковой, воля находитъ способъ избѣжать ея, а о минувшей опасности не сожалѣютъ, а, напротивъ, восхваляютъ ее, какъ счастливый случай, какъ обогащающій опытъ.

Если Толстой будетъ признанъ всѣми опаснымъ лжеучителемъ, то онъ не можетъ больше никого сманить на гибельный путь и противъ своей воли, на вѣкъ останется ужасающимъ примѣромъ для тѣхъ, которые склонны идти по тому-же пути какъ и онъ, т. е. для всѣхъ, вѣрующихъ еще въ загробную жизнь.

Не трудно понять, что основное заблужденіе Толстого совершенно тождественно съ „*idée fixe*," которой слѣдовала въ теченіи тысячелѣтій, относительно молодая и незрѣлая вѣра запада въ загробную жизнь, тождественно съ „*idée fixe*," голодающаго по недостижимому:*) предполагающаго, что онъ рѣшилъ неразрѣшимые по существу вопросы.

*) Какъ Вальтеръ Борманъ описываетъ умственное состояніе прежняго Фауста Гёте въ „*Beilage zur Allgemeinen Zeitung* 1902, nr. 17.

Какъ часто уже даровитые философы и убѣжденные въ истинѣ своего ученія основатели религіи провозглашали свое изцѣляющее ученіе, примѣненіе котораго наведетъ къ миру, свободѣ и благополучію людей, но всегда оказывалось, что путемъ такихъ *idée fixe* создавали лишь схоластику и народный бредъ*), увѣковѣчиваясь только рабство и неудовольствіе. До сихъ поръ западъ еще не убѣдился въ нелѣпости и безнадёжности этого метода —: онъ еще не дошелъ до всеобщаго пониманія опасности какъ таковой.

Ужъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ наступила для запада новая, подающая надежды эра подѣ руководствомъ выдающихся своею трезвостью мыслителей**), отвергающихъ всякую метафизику и мистику. Эти мыслители покончили съ послѣдней опорой мистики, съ матеріализмомъ доказали, что для достиженія вѣрныхъ результатовъ въ области физики, біологіи и психологіи необходимо ограничиться фактами и отказать отъ объясненій, требуемыхъ только съ точки зрѣнія несвободныхъ отъ предубѣжденій теорій; что необходимо отвергнуть искусственно созданныя проблемы; не выводить никакихъ заключеній, безъ научныхъ основаній, и довольствоваться несовершенными воззрѣніями, и т. д.

Если западъ будетъ слѣдовать этому единственно надежному пути, то онъ наконецъ дойдетъ до трезваго и доставляющаго истинное счастье пониманія жизни, которое восточной трети челоуѣчества, какъ уже извѣстно, въ теченіи

*) Какъ наприм. 300 лѣтъ свирѣпствовавшая эпидемія преслѣдованія вѣдьмъ, ср. Dr. Friedrich Paulsen: Die Epidemie des Hexenwahns und die kirchlich scholastische Philosophie in (Wiener) „Zeit“ XXX Nr. 379.

**) Гельмгольцъ, Фехнеръ, В. Томсонъ (Лордъ Келвинъ), Махъ, Вундтъ, Кирхгофъ, Дю-Боа-Ремонъ, В. К. Клиффордъ, И. В. Сталло, К. Пирсонъ, Герцъ, Авенариусъ, Шубертъ-Солдернъ, Лекларъ, У. Корнелиусъ, Рикертъ и др. (Сравни Kleinpeter, Dr. Hans: „Phänomenalistische Natur und Weltanschauung“ in „Beilage zur Allgemeinen Zeitung“ 1901, Nr. 206 и 207 и того же автора: „Die Ignorabimusfrage“ тамъ же 1900 г. № 111.

многихъ тысячелѣтій доставляло миръ и свободу. Онъ дойдетъ до такого воззрѣнiя на жизнь, нравственность котораго, постоянно преслѣдующая свою цѣль, конечно не можетъ обойтись безъ вопроса о значенiи жизни, но найдетъ для него отвѣтъ пригодный для земной жизни, отвѣтъ не косающійся вопросовъ жизни загробной, отвѣтъ, видящій смыслъ жизни въ томъ, чтобы исполнить свое назначенiе, чтобъ содѣйствовать размноженiю людей, т. е. „чтобы дѣтской любовью, по примѣру уважаемыхъ предковъ, добиться для благодарнаго потомства еще болѣе упроченнаго мира, еще болѣе широкой свободы.“

Можно надѣяться, что западъ, который во многомъ лишь для виду придерживается вѣры въ загробную жизнь дойдетъ когда нибудь до такого разумнаго воззрѣнiя на жизнь, не смотря на всѣ старанiя авторитетовъ, желающихъ, чтобы особенно въ школахъ оставался господствующимъ мракъ невѣжества и несмотря на все смѣшенiе понятiи, которое пророкъ Толстой старается еще увеличить.

